

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА**

Том 16 № 2 (2019)

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

СОДЕРЖАНИЕ

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Игнатъев П.Д., Трусова А.В.** Взаимосвязь личностной идентичности и временной перспективы личности больных алкоголизмом: кросс-культурный аспект 127
- Елисеева Н.Д.** Динамика имплицитных представлений подростков саха о нравственном человеке (2002—2017 гг.) ... 147

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Шиндрик Р.Ю., Щелкова О.Ю., Демченко Е.А., Ситникова М.Ю.** Психосоциальный статус пациентов с хронической сердечной недостаточностью, ожидающих трансплантацию сердца 163
- Крюкова Т.Л., Арипова А.О.** Восприятие значимости эмоциональной поддержки при стрессе и характеристики социальной сети личности 181
- Григина Е.С.** Особенности эмоционального состояния женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития 196

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

- Bukki A.O., Dosunmu M.M., Bukki T.O.** Pedagogical Content Knowledge, School Climate and Instructional Effectiveness of Secondary Schools Business Teachers in Ogun State, Nigeria (Соотношение педагогических знаний, школьного климата и эффективности преподавания учителей бизнеса в средних школах штата Огун, Нигерия) 213

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

К 10-ЛЕТИЮ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ PSI CHI

- Takooshian H.** Psi Chi at 90 years: The International Honor Society in Psychology (90-летие Psi Chi: Международное психологическое общество почта)..... 224
- Davis J.M.** How Psi Chi Became the *International Honor Society in Psychology* (Как Psi Chi стало *Международным психологическим обществом почта*) 237
- Takooshian H., Nieves-Lebrón Y., Delgado-Acosta B.M., Talavera Pagán D., Cruz-Bermúdez N.D., Rivers A.M., del Pilar Grazioso M., Mejía M., Williams D., Sooknanan G., Hosein A., Tarkhova V.S., Kardashova S.Z., Kozhukhova Yu.V., Tsee Leng Choy, Danielson K., Adonis M., Ioannou Y., Lima E.** Psi Chi in Global World: Vision of 9 International Chapters (Psi Chi в глобальном мире: взгляд 9 международных отделений)..... 245
- Cramblet Alvarez L.D., Domenech Rodríguez M.M., Zlokovich M.S.** Psi Chi: 10 Years of International Opportunities for Psychology Students and Researchers (Psi Chi: 10 лет международных возможностей для студентов и исследователей в области психологии) 270
- Domenech Rodríguez M.M.** Transforming Psi Chi and Psychology Through Internationalization (Преобразования Psi Chi и психологии посредством интернационализации) 275
- Karlin N.J.** The How and Why of Creating the First Psi Chi Video (Как и почему создавалось первое видео о Psi Chi) 279
- Denmark F.L., del Pilar Grazioso M., McCormick M.A., Orozco V.A., Schottenfeld M.A., Sozinov A.A., Takooshian H., Vardi A., Young J.R.** Psi Chi Online Video Resources (Видеоресурсы о Psi Chi в онлайн-доступе) 283

ПЕРСОНАЛИИ

- Бовина И.Б.** Мой научный руководитель — ГМ: к 95-летию со дня рождения Г.М. Андреевой..... 287

КОНФЕРЕНЦИИ

- Михайлова О.Б.** Международная научно-практическая конференция «Личность в современном обществе: образование, развитие, самореализация», посвященная 80-летию профессора Александра Ивановича Крупнова 293

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Крупнов Александр Иванович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и дифференциальной психологии филологического факультета РУДН, заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член МАНПО (Москва, Россия)

Почетный редактор

Григоренко Елена Леонидовна, доктор психологических наук, Ph.D., выдающийся профессор департамента психологии Хьюстонского университета, профессор-исследователь департамента педиатрии, молекулярной генетики и генетики человека Бейлорского медицинского колледжа (Хьюстон, США); профессор Центра детских исследований Йельского университета, старший научный сотрудник лаборатории Хаскинс (Йель, США)

Ответственный секретарь

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной и дифференциальной психологии РУДН, член-корреспондент МАНПО (Москва, Россия)

Члены редакционной коллегии

Барбот Баптисте, Ph.D., профессор психологии Эйрис Университета (Нью-Йорк, США)

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Россия)

Джарвин Линда, Ph.D., профессор психологии Парижского колледжа искусств (Париж, Франция)

Ключуков Христо, доктор педагогических наук, Ph.D., профессор Университета Силезии в Катовице (Катовице, Польша)

Нью Вилльям, Ph.D., профессор, профессор и глава департамента образования и исследований молодежи Колледжа Белойта (Белойт, США)

Оздорска-Мазур Ева, Ph.D. in Education, профессор, профессор факультета этнологии и образовательных наук Университета Силезии в Катовице (Катовице, Польша)

Раицкая Лилия Климентовна, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, советник ректора МГИМО МИД России, профессор кафедры педагогики и психологии МГИМО МИД России (Москва, Россия)

Рич Грант, Ph.D., профессор психологии, психотерапевт (Джуно, Аляска, США)

Стоишич Лазар, Ph.D., профессор Колледжа академических исследований «Досидеж» (Белград, Сербия)

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии Университета Фордхэм (Нью-Йорк, США)

Тарноу Юджин, Ph.D., научный сотрудник «Авалон Бизнес Систем» (Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США)

Хархурин Анатолий Владимирович, Ph.D., профессор психологии Американского университета Шарджи (Шарджа, Объединенные Арабские Эмираты)

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы (Минск, Беларусь)

Редактор Ю.А. Заикина

Компьютерная верстка: О.Г. Горюнова

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Психология и педагогика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 778-38-07, доб. 12-67; e-mail: psyj@rudn.ru

Подписано в печать 18.06.2019. Выход в свет 28.06.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 14,84. Тираж 500 экз. Заказ № 636. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

VOLUME 16 NUMBER 2 (2019)

<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CONTENTS

CROSS-CULTURAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCH

Ignatev P.D., Trusova A.V. Association of Personal Identity and Time Perspective in Patients with Alcohol Dependence: Cross-Cultural Research..... 127

Eliseeva N.D. Dynamics of Representations about Moral Person in Sakha Adolescents (2002–2017) 147

PERSONALITY AND CLINICAL PSYCHOLOGY

Shindrikov R.Yu., Shchelkova O.Yu., Demchenko E.A., Sitnikova M.Yu. Psychosocial Status of Patients with Chronic Heart Failure Awaiting Heart Transplantation..... 163

Kryukova T.L., Aripova A.O. Perception of Importance of Emotional Support under Stress and Characteristics of Individual's Social Network..... 181

Grinina E.S. Emotional State Features in Women Raising Children with Developmental Disorders 196

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEMS OF EDUCATION

Bukki A.O., Dosunmu M.M., Bukki T.O. Pedagogical Content Knowledge, School Climate and Instructional Effectiveness of Secondary Schools Business Teachers in Ogun State, Nigeria 213

CROSS-NATIONAL SCIENTIFIC COOPERATION:

ON 10TH ANNIVERSARY OF PSI CHI INTERNATIONALIZATION

Takooshian H. Psi Chi at 90 Years: The International Honor Society in Psychology..... 224

Davis J.M. How Psi Chi Became the *International* Honor Society in Psychology 237

Takooshian H., Nieves-Lebrón Y., Delgado-Acosta B.M., Talavera Pagán D., Cruz-Bermúdez N.D., Rivers A.M., del Pilar Grazioso M., Mejía M., Williams D., Sooknanan G., Hosein A., Tarkhova V.S., Kardashova S.Z., Kozhukhova Yu.V., Tsee Leng Choy, Danielson K., Adonis M., Ioannou Y., & Lima E. Psi Chi in Global World: Vision of 9 International Chapters..... 245

Cramblet Alvarez L.D., Domenech Rodríguez M.M., Zlokovich M.S. Psi Chi: 10 Years of International Opportunities for Psychology Students and Researchers 270

Domenech Rodríguez M.M. Transforming Psi Chi and Psychology Through Internationalization..... 275

Karlin N.J. The How and Why of Creating the First Psi Chi Video..... 279

Denmark F.L., del Pilar Grazioso M., McCormick M.A., Orozco V.A., Schottenfeld M.A., Sozinov A.A., Takooshian H., Vardi A., Young J.R. Psi Chi Online Video Resources..... 283

PERSONS

Bovina I.B. My Scientific Supervisor — GM: to the 95th Anniversary of G.M. Andreeva..... 287

CONFERENCES

Mikhailova O.B. International Conference “Personality in Modern Society: Education, Development, Self-Realization”, Dedicated to the 80th Anniversary of Professor Alexander I. Krupnov 293

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander I. Krupnov, D.Sc. in Psychology, Professor, Professor of the Social and Differential Psychology Department (*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*)

Honorary Editor

Elena L. Grigorenko, Ph.D. in Psychology, D.Sc. in Psychology, Hugh Roy and Lillie Cranz Cullen Distinguished Professor, Department of Psychology (*University of Houston, Houston, USA*), Research Certified Adjunct Professor, Departments of Pediatrics and Molecular and Human Genetics (*Baylor College of Medicine, Houston, USA*), Adjunct Professor of Child Study Center and Senior Scientist of Haskins Laboratories (*Yale University, Yale, USA*)

Assistant to the Editor-in-Chief

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology (Candidate of Psychological Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia*)

Members of the Editorial Board

Baptiste Barbot, Ph.D. in Psychology, Assistant Professor of Department of Psychology (*Pace University, New York, USA*)

Inna B. Bovina, D.Sc. in Psychology (Doctor of Psychological Sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology (*Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia*)

Linda Jarvin, Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art (*Paris College of Art, Paris, France*)

Anatoliy V. Kharkhurin, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology (*American University of Sharjah, Sharjah, UAE*)

Hristo Kyuchukov, Ph.D. in Education, Professor of Intercultural Education (*Silesian University in Katowice, Poland*)

William S. New, Ph.D. in Education and Psychology, Professor and Chair, Department of Education and Youth Studies (*Beloit College, Beloit, USA*)

Ewa Ogrodzka-Mazur, Ph.D. in Education, Prof. hab., Professor of Institute of Education, Faculty of Ethnology and Educational Science (*University of Silesia in Katowice, Poland*)

Lilia K. Raituskaya, D.Sc. in Education, Ph.D. in Economics, Rector's Adviser and Professor of Department of Pedagogy and Psychology (*Moscow State Institute of International Relations at the Ministry for Foreign Relations of the Russian Federation (MGIMO University), Moscow, Russia*)

Grant J. Rich, Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association (*Juneau, Alaska, USA*)

Harold Takooshian, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies at Fordham University, Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President and Representative to APA Council (*Fordham University, New York, USA*)

Eugen Tarnow, Ph.D. in Physics, researcher (*Avalon Business Systems, Inc., Fair Lawn, NJ, USA*)

Viktor P. Sheinov, D.Sc. in Sociology (Doctor of Sociological Sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical Mastery Chair (*Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus*)

Lazar Stosic, Ph.D. in Computer Science, Professor (*College of Academic Studies "Dositej", Belgrade, Serbia*)

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*

Layout Designer *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board series "Psychology and Pedagogics":

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 778-38-07 (ext. 12-67); e-mail: psyj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

О ЖУРНАЛЕ

Ежеквартальный научно-практический рецензируемый журнал по проблемам психологии, педагогики и образования «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» издается Российским университетом дружбы народов с 2003 г. Редколлегия журнала строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Цель журнала — публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по актуальным проблемам современной психологии и педагогики в виде научных статей, научных обзоров, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки, научно-информационных сообщений.

Журнал адресован научным работникам, исследователям, преподавателям в сфере психологии и педагогики, практическим психологам, педагогам и учителям, а также аспирантам и студентам, обучающимся по психолого-педагогическим и смежным специальностям.

Статьи публикуются на русском и английском языках.

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» включен в обновленный Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.01 — Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);

13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования (педагогические науки);

19.00.01 — Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки);

19.00.02 — Психофизиология (психологические науки);

19.00.03 — Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки);

19.00.04 — Медицинская психология (психологические науки);

19.00.05 — Социальная психология (психологические науки);

19.00.07 — Педагогическая психология (психологические науки);

19.00.13 — Психология развития, акмеология (психологические науки).

С 2017 г. журнал включен для индексации в базу данных PsycINFO (Американская психологическая ассоциация): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>, а также индексируется в РИНЦ, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Функционирует электронный сайт журнала на Портале научных журналов РУДН: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>, который содержит полные сведения о журнале, редакционной политике и этике, требованиях к подготовке и публикации статей, полнотекстовые выпуски журнала с 2008 г. и другую информацию.

В базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Научной электронной библиотеки (НЭБ) представлены полнотекстовые версии статей с 2003 г.: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

По всем вопросам, связанным с публикацией статей в журнале, можно связаться с редколлекцией по электронному адресу: psyj@rudn.ru

ABOUT OUR JOURNAL

“RUDN Journal of Psychology and Pedagogics” is a quarterly scientific peer-reviewed journal on the current problems of psychology, pedagogy and education. The journal has been issued since 2003. Until December 2016 the Journal was titled “**Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogics**”.

The founder and publisher of the Journal is Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University). Editorial Board strictly adheres to the international standards of publication ethics of the COPE: <http://publicationethics.org>

The purpose of the Journal is publishing the results of the fundamental and applied scientific research of the Russian and international scientists on the current trends of psychology and education in the form of the scientific articles, scientific survey materials, scientific reports, reviews, historical background information devoted to the prominent figures of the Russian and international science. The articles are published in Russian and English.

Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate students.

The Journal is addressed to scientists, researchers, teachers in the field of psychology and pedagogy, practical psychologists, educators and teachers, as well as graduate and undergraduate students.

Since 2017 the Journal has been officially accepted for coverage in PsycINFO (American Psychological Association): <http://www.apa.org/pubs/databases/psycinfo/coverage.aspx>. The Journal is also indexed in Russian Science Citation Index, DOAJ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

The main thematic rubrics of the Journal are:

— Theoretical, Methodological and Polemic Problems of Modern Psychology and Pedagogy;

— Current Problems of Personality Psychology;

— Contemporary Social Psychological Research;

— Cross-Cultural and Ethnopsychological Research;

— Current Trends of Modern Health Psychology and Psychophysiology;

— Theoretical and Methodological Problems of Modern Education;

— Psychological and Pedagogical Research of Higher and Secondary Education;

— Cross-National Scientific Cooperation;

— International Conferences on Psychology and Education.

Rubrics are constantly updated and reflect the current trends in the development of modern psychology and education.

The Journal website operates on the Portal of RUDN University scientific journals: <http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics>. The website contains full information about the Journal, editorial policy and ethics, requirements for the preparation and publication of the articles, etc., as well as full-text issues of the Journal since 2008.

The database of the Russian Science Citation Index on the platform of the Scientific Electronic Library provides full-text versions of the Journal articles published since 2003: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

For all matters relating to the publication of articles in the Journal you can contact with the Editorial board by e-mail: psyj@rudn.ru

Исследовательская статья

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-127-146

УДК 159.9.072

**Взаимосвязь личностной идентичности
и временной перспективы личности больных алкоголизмом:
кросс-культурный аспект**П.Д. Игнатъев¹, А.В. Трусова^{1,2}¹ Санкт-Петербургский государственный университет*Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7—9*² Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии
имени В.М. Бехтерева*Российская Федерация, 192019, Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, 3*

В статье представлены результаты оригинального кросс-культурного исследования личностной идентичности и временной перспективы личности больных алкоголизмом. На материале двух обследованных групп пациентов Центрального ($N = 79$) и Арктического регионов ($N = 66$) России при помощи батареи методик — теста 20 утверждений М. Куна и Т. Макпартленда, опросника временной перспективы F. Zimbardo (ZTPI), семантического дифференциала времени, опросника мотивации потребления алкоголя В.Ю. Завьялова (МПА) — были выявлены и описаны региональные различия в структуре личностной идентичности, временных ориентациях. По результатам клинико-психологического исследования обнаружено, что у лиц, зависимых от алкоголя, значимой является рефлексивная идентичность, ориентация на «негативное прошлое», с одновременным рассмотрением прошлого и будущего в категориях «активности», «эмоциональной окрашенности», «величины», ведущими мотивами являются гедонистические, атарактические, гиперактивации поведения. При этом в идентификационной матрице пациентов Санкт-Петербурга значимо присутствует коммуникативная идентичность, «ощущаемость» всего психологического времени, а также псевдокультурный мотив, обуславливающий злоупотребление алкоголем. В группе пациентов Якутска значимо выражена ориентация на «фаталистическое настоящее» при «структурированности» прошлого, настоящего и будущего. Показаны взаимосвязи между различными аспектами личностной идентичности и временной перспективы, а также иерархия мотивов у больных алкоголизмом в социокультурном контексте. Корреляционные паттерны между идентификационными характеристиками и временной перспективой имеют значимые различия в двух исследованных группах. Полученные данные отражают социальную специфику центральных регионов, а также культурные особенности северных народов с присущим им стремлением к избеганию неопределенности. На основании полученных данных сделан вывод о значении социально-психологических факторов в этиопатогенезе алкогольной зависимости.

Ключевые слова: личностная идентичность; образ «Я»; временная перспектива; алкогольная зависимость; кросс-культурное исследование; Арктический регион

© Игнатъев П.Д., Трусова А.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Введение

В настоящее время исследованию медико-психологических механизмов возникновения, развития и динамики алкогольной зависимости посвящено большое количество работ. Особый интерес представляет изучение личностной идентичности как одной из фундаментальных проблем различных отраслей психологической науки. Наряду с рассмотрением становления и формирования личностной идентичности в современных условиях, характеризующихся интенсивностью развития, динамизмом, неопределенностью, социально-экономической, политической нестабильностью, особенно остро стоит вопрос анализа изменений образа «Я» в ситуации болезни и аномалий психики. Вместе с тем, особую актуальность для современной психиатрии, наркологии, клинической психологии приобретает анализ кросс-культурных аспектов зависимого поведения, а именно оценка этнического и национального факторов в этиопатогенезе алкоголизма.

В психологической науке понятие личностной идентичности рассматривается в тесной связи с самосознанием как интегративным целым внешнего и внутреннего «Я», определяемым процессами самоотождествления и принятия себя (Mead, 1964; Чеснокова, 1977; Орлов, 2000); самоотношением как многоуровневой системой эмоционально-оценочного отношения к себе, выражением личностного смысла «Я» (Столин, 1983; Пантिलеев, 1991); «Я-концепцией», или образом «Я», — относительно устойчивой, рефлексивной частью личности, выраженной совокупностью обобщенных представлений субъекта о самом себе (Ericson, 1968; Marcia, 1980; Кон, 1984; Tajfel, Turner, 1985). Изучением социальной идентичности, а также ее различных аспектов занимались G.M. Breakwell (1986), J.C. Turner (2010), Г.М. Андреева (2000), Е.П. Белинская (2003), Т.К. Стефаненко (2004) и др.

Идентичность представляется как динамический процесс самоопределения личности, развитие и изменение которой обусловлено активным взаимодействием с миром, социальными отношениями, рефлексивными процессами человека. Переживание идентичности выражается в субъективном чувстве принадлежности, тождественности самому себе. Единым для различных походов в рассмотрении личностной идентичности является социальный контекст ее происхождения, мотивационная, регуляторная стороны, а также темпоральный аспект образования интегративного образа «Я» в рамках психологического времени личности. Выделение связи в системе «идентичность личности — время» обусловлено тем, что вместе с видением настоящего человек имеет опасения, надежды, цели, проекты, локализованные в будущем, а также определенное психологическое прошлое. В данной трактовке, временная перспектива, отражая мотивы, установки, ценностные ориентации, образует содержательные компоненты личности и «Я».

Ж. Нюттен (1985), рассматривая временную перспективу в качестве мотивационной переменной, определяет ее как последовательность событий на временном интервале, представленную в сознании человека в определенный момент времени. Интеграция когнитивной репрезентации времени, временной установки ориентации отражает восприятие действий, а также собственной личности в настоящем в связи с прошлым и будущим. Причинно-целевой подход в рассмо-

тренинги временной перспективы Е.И. Головаха и А.А. Кроника (1988) также предполагает, что психологическое время личности составляет личностно осмысленная межсобытийная связь между прошлым, настоящим и будущим.

По мнению Р. Zimbardo (2010), временная перспектива представляет собой «неосознаваемое отношение человека к времени, а также процесс, в рамках которого течение потока существования объединяется во временные категории в целях структурирования, упорядочивания жизни». Личностная позиция по отношению ко времени в виде отношения, оценки прошлого позволяет выстраивать образ будущего, а также собственного «Я» в рамках жизненного пространства настоящего, включающего систему ценностей, убеждений, мировоззрения.

Кроме того, в анализе темпоральной организации образа «Я» следует подчеркнуть особенности условий развития личности в социокультурной среде, в рамках которой протекают социализация, инкультурация, освоение норм и стратегий жизненного пути. Специфика заключается в усвоении существующего в культуре ценностного отношения ко времени, а также дифференцированных образов прошлого, настоящего и будущего, что отражает характер культурального менталитета и идентичности (Мажуль, 2011; Проконич и др., 2012; Кузнецова, Стрелков, 2015). В рамках социально-психологического изучения динамических процессов и структуры отношения ко времени в различных социальных группах Т.А. Нестик (2014) выделяет кросс-культурный подход к анализу особенностей восприятия, переживания, организации времени в результате взаимодействия членов определенной этнокультурной группы. Время рассматривается как коллективные представления и особенности отношения к прошлому и будущему сквозь призму культурной детерминации, имеющее непосредственную связь с успешной адаптацией и выполнением деятельности.

Таким образом, наряду с формированием идентичности в процессе самопознания, общения и деятельности, авторы подчеркивают, что осознание субъективного времени является также важной составляющей построения образа «Я» и формирования нового отношения к самому себе. Процесс развития личности представлен в перспективной идентичности, а именно проекции образов возможного социального и индивидуального «Я» в будущее.

Несмотря на важность изучения различных характеристик личности с точки зрения решения задач профилактики и терапии, сравнительно небольшое количество работ посвящено изучению идентичности личности зависимых от алкоголя.

Патологические изменения структуры личности при алкоголизме обнаруживаются в трансформации мотивационно-потребностной, аффективной, когнитивной сфер, а также самосознания (Братусь, 1974; Зейгарник, 1981; Короленко, Завьялов, 1987 и др.). При алкогольной зависимости одним из условий изменения личности и самовосприятия является внутренняя картина болезни как личностно-детерминированный процесс преобразования и реконструкции образа «Я» в ситуации заболевания (Лурия, 1977; Вассерман и др., 1993; Сафуанов и др., 2011 и др.).

В контексте изучения зависимого поведения Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева (2001) выделяют феномен аддиктивной идентичности, представляющий собой

социально-психологическое образование, формирующееся в процессе социализации, а также интеграции субъективного опыта и индивидуальных особенностей личности, сопровождающееся уходом от реальности при помощи объекта аддикции и стойкой эмоциональной фиксации на его специфических эффектах. Становление аддиктивной идентичности возникает в результате кризиса идентичности, при котором построение «патологического» представления о самом себе позволяет преодолевать диффузию и спутанность ролей за счет фиксации сознания на аддиктивных агентах (Короленко, Дмитриева, Загоруйко, 2007).

Исследование Н.Л. Ивановой, В.Б. Никишиной, Е.А. Петраш и И. Верес (2017) показало, что аддиктивная идентичность больных алкоголизмом отличается расхождением внутренней организации, непринятием других, интернальностью, отсутствием стремления к доминированию, нарушением процесса самоактуализации, отсутствием познавательных потребностей, креативности.

Аддиктивная идентичность также рассматривалась в рамках модели «восстановления социальной идентичности» D. Frings, I. Albery (2015), которая предполагает изменение идентичности «зависимого» за счет смещения отождествления себя с группой, разделяющей нормы и ценности, связанные с употреблением психоактивных веществ (ПАВ), к принадлежности группе поощряющих здоровый образ жизни и воздержание.

Результаты исследований М. Beckwith с соав. (2015), G.A. Dingle с соав. (2015), D. Frings с соав. (2019) показали, что во взаимодействии с группами взаимопомощи трансформация идентичности, связанной с употреблением алкоголя, основана на конструировании новой «здоровой» социальной идентичности за счет включения семейных, учебных, трудовых ролей и т.д. По данным D. Frings, L. Melichar, I.P. Albery (2016), K.P. Lindgren с соав. (2016), идентичность зависимых (представление о себе как об аддикте) связана с большей частотой и количеством употребляемого алкоголя, а также различными проблемами, возникающими вследствие приема ПАВ.

Исходя из вышеизложенного, изучение кросс-культурных особенностей личностной идентичности и восприятия психологического времени при алкоголизме является перспективным направлением эмпирических изысканий, что обусловлено недостатком данных о роли социально-психологических и этнокультурных факторов в клинике алкогольной зависимости, а также необходимостью разработок психопрофилактических и терапевтических мер аддиктивных нарушений с учетом специфики региональной и национальной принадлежности.

Материалы и методы исследования

Целью исследования являлся сравнительный анализ кросс-культурных различий структуры идентичности, содержательных компонентов собственного «Я» во взаимосвязи с временной перспективой личности при алкоголизме у пациентов Санкт-Петербурга (группа 1) и Республики Саха (Якутия) (группа 2).

В исследовании приняло участие 145 пациентов с установленным диагнозом F10.2 «Алкогольная зависимость» в соответствии с МКБ-10. Данные пациенты проходили лечение алкогольной зависимости в наркологических клиниках Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии

имени В.М. Бехтерева (НМИЦ ПН имени В.М. Бехтерева) и ГБУ РС (Я) «Якутский республиканский наркологический диспансер».

Критерии включения в выборку: возраст от 18 до 50 лет; установленный лечащим врачом психиатром-наркологом диагноз «Синдром зависимости от алкоголя» (F10.2) в соответствии МКБ-10; свободное владение русским языком. Критериями исключения являлись: некупированные проявления алкогольного абстинентного синдрома; выраженные когнитивные дисфункции, соматические и психические коморбидные расстройства; прохождение курса интенсивной фармакологической терапии, изменяющий течение и характер психических процессов и состояний.

Все испытуемые подписывали информированное согласие на добровольное участие в исследовании, одобренное этическим комитетом Санкт-Петербургского государственного университета.

Данные, касающиеся социальных и клинических характеристик пациентов с алкогольной зависимостью в двух исследованных группах, представлены в табл. 1.

Таблица 1/Table 1

Социальные и клиничко-anamнестические данные больных алкоголизмом, участвовавших в исследовании
[Social and clinical-anamnesic data of patients with alcoholism participating in the study]

Показатели		Группа 1 (N = 79)		Группа 2 (N = 66)		χ^2 -Пирсона	p																																																																																																																															
Пол (N, %)	Мужской	61	77,2	35	53	9,40	0,002																																																																																																																															
	Женский	18	22,8	31	47			Национальность (N, %)	Русские	79	100	15	22,7	94,16	0,000	Якуты	0	0	46	69,7	Эвены	0	0	5	7,6	Возраст (M ± SD)		41,32	8,20	39,89	9,69	0,96	0,336	Возраст формирования синдрома отмены алкоголя (M ± SD)		30,26	7,21	29,07	9,70	0,84	0,399	Форма употребления (N, %)	Постоянная	43	54,4	43	65,2	2,94	0,230	Периодическая	25	31,6	19	28,8	Перебегающая	11	13,9	4	6,1	Госпитализация (N, %)	Первичная	49	62	29	43,9	4,73	0,030	Повторная	30	38	37	51,1	Лечение в прошлом (N, %)	Амбулаторное	20	25,3	4	6,1	18,73	0,000	Стационарное	16	20,3	33	50	Амбулаторное и стационарное	12	15,2	6	9,1	Не обращались	31	39,2	23	34,8	Наследственная отягощенность алкоголизмом (N, %)	Достоверно имеется	56	70,9	47	71,2	0,00	0,966	Неизвестно	23	29,1	19	28,8	Черепно-мозговые травмы (N, %)	Достоверно имеются	37	46,8	37	56,1	1,22	0,268	Неизвестно	42	53,2	29	43,9	Средняя продолжительность ремиссии (месяцы) (Me — Q3 — Q1)		3,00	9,00	4,00	8,25	2558,50	0,841	Максимальная продолжительность ремиссии (месяцы) (Me — Q3 — Q1)		6,00	12,00	6,00
Национальность (N, %)	Русские	79	100	15	22,7	94,16	0,000																																																																																																																															
	Якуты	0	0	46	69,7																																																																																																																																	
	Эвены	0	0	5	7,6																																																																																																																																	
Возраст (M ± SD)		41,32	8,20	39,89	9,69	0,96	0,336																																																																																																																															
Возраст формирования синдрома отмены алкоголя (M ± SD)		30,26	7,21	29,07	9,70	0,84	0,399																																																																																																																															
Форма употребления (N, %)	Постоянная	43	54,4	43	65,2	2,94	0,230																																																																																																																															
	Периодическая	25	31,6	19	28,8																																																																																																																																	
	Перебегающая	11	13,9	4	6,1																																																																																																																																	
Госпитализация (N, %)	Первичная	49	62	29	43,9	4,73	0,030																																																																																																																															
	Повторная	30	38	37	51,1																																																																																																																																	
Лечение в прошлом (N, %)	Амбулаторное	20	25,3	4	6,1	18,73	0,000																																																																																																																															
	Стационарное	16	20,3	33	50																																																																																																																																	
	Амбулаторное и стационарное	12	15,2	6	9,1																																																																																																																																	
	Не обращались	31	39,2	23	34,8																																																																																																																																	
Наследственная отягощенность алкоголизмом (N, %)	Достоверно имеется	56	70,9	47	71,2	0,00	0,966																																																																																																																															
	Неизвестно	23	29,1	19	28,8																																																																																																																																	
Черепно-мозговые травмы (N, %)	Достоверно имеются	37	46,8	37	56,1	1,22	0,268																																																																																																																															
	Неизвестно	42	53,2	29	43,9																																																																																																																																	
Средняя продолжительность ремиссии (месяцы) (Me — Q3 — Q1)		3,00	9,00	4,00	8,25	2558,50	0,841																																																																																																																															
Максимальная продолжительность ремиссии (месяцы) (Me — Q3 — Q1)		6,00	12,00	6,00	16,50	2514,50	0,702																																																																																																																															

Примечание. Статистически значимые различия выделены полужирным шрифтом.

Как следует из табл. 1, значимые различия между исследуемыми группами были обнаружены по гендерному признаку: в группе 1 большинство обследованных — мужчины (77,2 %), в группе 2 перевес мужчин менее значительный (53 %). По этническому составу в группе 1 все пациенты являлись русскими, в группе 2 преобладают якуты. В клинических характеристиках выборок были обнаружены различия по данным порядка госпитализации: в группе 1 больше пациентов обратившихся впервые, в группе 2 — проходивших лечение повторно. По форме лечения амбулаторное лечение проходили достоверно чаще пациенты группы 1, стационарное — достоверно чаще в группе 2, амбулаторное и стационарное больше проходили в группе 1, не обращались в медицинские учреждения также чаще в группе 1. При определении уровня значимости существенных возрастных различий по региональному и национальному признакам не было обнаружено.

В соответствии с целью были использованы следующие методы и методики исследования.

1. Для исследования идентичности и уровня развития рефлексии использовался оригинальный тест М. Куна, Т. Макпартленда из 20 утверждений, предполагающий нестандартизированное описание собственной личности на основе самовосприятия с последующим выделением общих компонентов идентичности: Социальное «Я», Коммуникативное «Я», Материальное «Я», Деятельное «Я», Физическое «Я», Перспективное «Я», Рефлексивное «Я», а также уровня рефлексии на основе общего количества ответов респондентов.

2. Для изучения временной перспективы личности были использованы:

а) Опросник временной перспективы F. Zimbardo (ZTPI) в русскоязычной адаптации А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В. Митиной (Сырцова, 2008), диагностирующий 5 временных ориентаций: фактор негативного прошлого, фактор позитивного прошлого, фактор гедонистического настоящего, фактор фаталистического настоящего, фактор будущего, на основе расчета среднего значения по данным шкалам оценивалась сбалансированность временной перспективы;

б) Семантический дифференциал времени (Вассерман с соавт., 2005), оценивающий когнитивные и эмоциональные аспекты субъективного восприятия психологического времени. Методика включает в себя 25 пар прилагательных, значения которых варьируются от положительных до отрицательных оценок, образующих 5 факторов времени (оцениваются отдельно для прошлого, настоящего, будущего):

— *активность*: дескрипторы «активное — пассивное», «напряженное — расслабленное», «стремительное — застывшее», «плотное — пустое», «изменчивое — постоянное»;

— *эмоциональная окраска*: дескрипторы «радостное — печальное», «яркое — тусклое», «спокойное — тревожное», «цветное — серое», «светлое — темное»;

— *величина*: дескрипторы «длительное — мгновенное», «большое — маленькое», «объемное — плоское», «широкое — узкое», «глубокое — мелкое»;

— *структура*: дескрипторы «понятное — непонятное», «неделимое — делимое», «непрерывное — прерывное», «обратимое — необратимое», «ритмичное — неритмичное»;

— *ощущаемость*: дескрипторы «близкое — далекое», «реальное — кажущееся», «общее — частное», «ощущаемое — неоощущаемое», «открытое — замкнутое».

Полученные результаты могут быть сопоставлены с нормативными значениями (см. Вассерман и др., 2005).

3. Дополнительно анализировались структура и иерархия алкогольных мотивов с помощью опросника мотивации потребления алкоголя (МПА) В.Ю. Завьялова (1988). Методика включает 9 шкал, образующих 3 группы мотивов приема алкоголя:

1) социально-психологические мотивы, состоящие из триады следующих шкал: традиционные, субмиссивные, псевдокультурные;

2) личностные мотивы, состоящие из триады шкал: гедонистические, атарактические, гиперактивации поведения;

3) патологические мотивы, состоящие из следующей триады: похмельные, аддиктивные, мотивы самоповреждения.

Высокие значения по шкалам свидетельствуют о значимости данных мотивов для испытуемых. Сумма баллов по всем шкалам отражает напряженность алкогольной мотивации: до 35 баллов — отсутствие злоупотребления алкоголем, от 35 до 50 баллов — проявление злоупотребления алкоголем, более 50 баллов — болезненное пристрастие, злоупотребление.

Статистическая обработка полученных результатов проводилась с помощью пакета программ SPSS на основе проверки выборки на нормальность распределения по λ -критерию Колмогорова — Смирнова с использованием методов расчета средних значений и стандартного отклонения при нормальном распределении данных ($M \pm SD$), медианы и межквартильного размаха при ненормальном распределении данных ($Me - Q3 - Q1$); анализа частот с помощью χ^2 -Пирсона; рангового корреляционного анализа Спирмена; анализа значимости различий с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок (при нормальном распределении данных), U-критерия Манна — Уитни (при ненормальном распределении данных).

Результаты исследования и их обсуждение

Исследование идентичности личности

На основе качественного анализа и классификации ответов испытуемых на обобщенные компоненты идентичности с последующим ранжированием была установлена следующая иерархия сфер собственного «Я» (табл. 2): в обеих группах ведущей является сфера Рефлексивного «Я», что отражает поглощенность собственной личностью, внутренним содержанием сознания. Далее следует социальная идентичность (Социальное «Я»), представленная в виде отнесения себя к определенной категории людей, чувстве принадлежности и общности с группой. Деятельный компонент (Деятельное «Я») представлен в структуре идентичности в виде описания собственных навыков, умений, способностей; малое количество ответов, вероятно, связано со снижением трудового статуса. Слабо выражены компоненты Физического и Коммуникативного «Я», при этом стремление к выделению себя в качестве субъекта общения статистически значимо характерно

для группы 1. Компоненты Материального и Перспективного «Я» в двух обследованных группах отсутствуют. По общему количеству ответов испытуемых проводилась оценка уровня развития рефлексии. Во всей обследованной выборке уровень рефлексии соответствует норме.

Таблица 2/ Table 2

Компоненты идентичности (тест М. Куна, Т. Макпартленда)
[Identity Components by M. Kuhn & T. McPartland test]

Компоненты идентичности	Группа 1 (Санкт-Петербург)		Группа 2 (Якутск)		U-критерий Манна — Уитни	
	Me	Q3 — Q1	Me	Q3 — Q1	<i>U</i>	<i>p</i>
Рефлексивное «Я»	10,00	5,00	7,00	7,50	2263,00	0,171
Социальное «Я»	3,00	5,00	3,00	4,25	2491,50	0,643
Деятельное «Я»	2,00	4,00	1,00	3,00	2269,00	0,172
Физическое «Я»	1,00	2,00	1,00	2,00	2594,00	0,957
Коммуникативное «Я»	1,00	1,00	0,00	1,00	2102,50	0,026
Материальное «Я»	0,00	1,00	0,00	1,00	2498,00	0,628
Перспективное «Я»	0,00	0,00	0,00	1,25	2238,00	0,056
Σ ответов/уровень рефлексии	20,00	0,00	20,00	0,25	2367,50	0,173

Примечание. Статистически значимые различия выделены полужирным шрифтом.

Итак, матрица идентификационных характеристик содержательных компонентов собственного «Я» больных алкогольной зависимостью очень похожа в двух обследованных выборках: ведущей является сфера Рефлексивного «Я», отражающая субъективную значимость содержания собственной личности, направленность на самого себя. Субъективная значимость собственной личности может рассматриваться как склонность к взаимодействию и утверждению персональной идентичности во внешнем мире с целью достижения ощущения ценности собственной личности и значимости для других. Далее следуют социальные стороны собственной личности с выделением различных социальных ролей, отнесением себя к различным категориям людей, а также Деятельное «Я» в виде эмоционально окрашенного отношения к наличным умениям и навыкам. Социальный и деятельный компоненты представлены значительно ниже, что может свидетельствовать о постепенном выпадении из системы социальных и производственных отношений. Не выраженными являются Материальное «Я» и Перспективное «Я». При анализе кросс-культурных различий установлено, что в структуре идентичности пациентов Санкт-Петербурга значимо выше представлено Коммуникативное «Я». То есть, рассмотрение себя как субъекта общения может быть обусловлено спецификой социальной среды, предполагающей высокую плотность населения, предъявляющей повышенные требования к коммуникативной компетентности.

Исследование временной перспективы

В результате анализа результатов исследования временной перспективы по методу ZTPИ (табл. 3) установлено, что в двух исследуемых группах не наблюда-

ются различий показателей по шкалам «негативное прошлое», «гедонистическое настоящее», «будущее», значения «позитивное прошлое», «сбалансированность временной перспективы» находятся в пределах средних значений, за исключением «негативного прошлого», превышающего нормативные показатели (по данным Сырцовой и др., 2008). Статистически более высокие значения по параметрам «фаталистическое настоящее» и «сбалансированность временной перспективы» наблюдаются в группе 2.

Таблица 3/ Table 3

Показатели временной перспективы (методика ZPTI)
[Indicators of time perspective by ZPTI]

Шкалы опросника	Группа 1 (Санкт-Петербург)		Группа 2 (Якутск)		t-критерий Стьюдента	
	M	SD	M	SD	t	p
Негативное прошлое	3,44	0,72	3,52	0,68	-0,68	0,234
Гедонистическое настоящее	3,46	0,45	3,45	0,61	0,16	0,869
Будущее	3,66	0,56	3,63	0,59	0,35	0,724
Позитивное прошлое	3,72	0,61	3,70	0,65	0,20	0,842
Фаталистическое настоящее	2,79	0,72	3,24	0,65	-3,94	0,000
Сбалансированность временной перспективы	2,51	0,75	2,86	0,69	-2,90	0,004

Примечание. Статистически значимые различия выделены полужирным шрифтом.

Необходимо отметить, что в обеих группах высокие значения наблюдаются по шкале «негативное прошлое». Прошлое видится как отрицательное, наполненное болезненными, травматичными событиями, что сопровождается переживанием различных негативных эмоций, таких как вина, стыд, фрустрация и т.д., и, вероятно, может рассматриваться как условие злоупотребления алкоголем. При анализе кросс-культурных различий в группе пациентов из Якутска была обнаружена ориентация на «фаталистическое настоящее», а также пониженная «сбалансированность временной перспективы». Пережитые психические травмы, закономерно сопровождающиеся отрицательными эмоциями, порождают чувство беспомощности и бессилия, отрицательно отражаются на актуальных жизненных событиях, определяют их фаталистичность и безысходность, равно как и сниженную «сбалансированность временной перспективы». Возможно, что подобная дифференциация может быть следствием избегания неопределенности (Hofstede, 1980), характерного для жителей северных регионов. Народ саха имеет специфические исторически сложившиеся культурные особенности, определяемые традициями, обычаями, ценностями. Подобный самобытный уклад жизни подчинен ряду правил, регламентирующих поведение, социальные отношения, нарушение которых приводит к психическому стрессу. То есть несинхронизированное психологическое время, а также фиксация на модусе фаталистического настоящего отражают комфортность существования в устоявшихся условиях. В контексте зависимости, подобная ригидность поведенческих стереотипов может рассматриваться как фактор, препятствующий отказу от употребления алкоголя.

В результате анализа факторов временной перспективы по методу семантического дифференциала времени (СДВ) были обнаружены вариативность изучаемых показателей и существенные региональные различия между двумя группами (табл. 4).

Таблица 4/Table 4

Показатели семантического дифференциала времени
[Semantic Time Differential Indicators]

Факторы времени		Группа 1 (Санкт-Петербург)		Группа 2 (Якутск)		t-критерий Стьюдента	
		М	SD	М	SD	t	p
Настоящее	Активность	1,72	6,60	5,80	7,33	-3,52	0,001
	Эмоциональная окраска	1,97	7,66	6,00	8,27	-3,03	0,003
	Величина	4,86	6,64	8,92	7,44	-3,47	0,001
	Структура	2,43	6,67	8,68	8,87	-4,83	0,000
	Ощущаемость	2,78	5,23	-0,72	6,87	3,48	0,001
Средняя оценка факторов настоящего		2,75	5,06	5,73	5,87	-3,28	0,001
Прошое	Активность	7,06	5,25	6,22	5,02	0,97	0,332
	Эмоциональная окраска	7,11	5,76	6,31	6,95	-0,75	0,452
	Величина	7,31	5,60	7,74	8,13	-0,37	0,711
	Структура	4,72	6,81	7,33	8,79	-2,01	0,046
	Ощущаемость	4,51	4,97	-2,00	6,90	6,59	0,000
Средняя оценка факторов прошлого		6,14	4,32	5,12	5,20	1,29	0,198
Будущее	Активность	6,68	5,17	7,77	4,67	-1,31	0,189
	Эмоциональная окраска	7,72	5,02	6,36	6,21	1,45	0,148
	Величина	8,96	5,97	10,37	5,12	-1,51	0,132
	Структура	5,97	6,43	8,65	6,48	-2,48	0,014
	Ощущаемость	2,86	5,12	-1,61	7,54	4,23	0,000
Средняя оценка факторов будущего		6,44	4,38	6,30	4,42	0,17	0,858

Примечание. Статистически значимые различия выделены полужирным шрифтом.

При сравнении факторов временного модуса «настоящее» в группе 2 статистически значимо выше значения по параметрам «активность», «эмоциональная окраска», «величина», «структурированность», данные значения находятся в пределах высоких по сравнению с нормативной выборкой (Вассерман и др., 2005). Показатель «ощущаемости» является низким в обеих группах, при этом он статистически значимо ниже в группе 2.

Данные по факторам временного модуса «прошлое», а именно «активность», «эмоциональная окраска», «величина», «структурированность», в обеих группах находятся в пределах высоких значений по сравнению с нормативной выборкой больных эндогенной и невротической депрессией (Вассерман и др., 2005), при этом в группе 2 прошое статистически значимо более структурировано, но менее «ощущаемо» по сравнению с группой 1.

Факторы «активность», «эмоциональная окраска», «величина», «структурированность» временного модуса «будущее» в обеих обследованных выборках также

находятся в пределах высоких значений, при этом «структурированность» значительно выше, а «ощущаемость» значительно ниже в группе 2.

Общим для обеих групп больных алкоголизмом является выраженность в пределах высоких значений таких факторов прошлого и будущего, как «активность», «эмоциональная окраска», «величина». Обращают на себя внимание следующие различия: в группе пациентов из Санкт-Петербурга значительно представлен фактор «ощущаемости» прошлого и будущего временных континуумов при его низком значении в настоящем. Это может говорить об отсутствии связи с текущим моментом, восприятию реальности как чего-то абстрактного и эфемерного, а также о негативном отношении к настоящему при одновременной «доступности» прошлого и будущего и активного взаимодействия с ними. В группе пациентов из Якутска выражен фактор «структурированности» всего психологического времени, при этом актуальный момент является более насыщенным с точки зрения динамики, эмоционального насыщения, наполнения, а время, характеризующееся в категориях упорядоченности и размерности, представлено в виде цепи последовательных прогнозируемых событий. С точки зрения социокультурных факторов подобная дифференциация, вероятно, может быть обусловлена особенностями таких социальных явлений, как урбанистические процессы. Это выражается в том, что для жителей мегаполисов при переживании интенсивной модернизации и перехода к индустриальному обществу возрастает значимость времени, необходимости его учета и контроля, ощущаемости в виде существенного «влияния» на жизнь. В то же время для жителей отдаленных регионов преобладающим является традиционный тип, отличающийся размерным, упорядоченным с точки зрения подчинения определенному ритму образом жизни.

Исследование аддиктивной мотивации

По данным сравнительного анализа структуры мотивов употребления алкоголя (табл. 5) обнаружено, что в двух исследуемых группах доминирующими являются личностные мотивы, а именно «атарактический», «гедонистический», «гиперактивационный». Далее по выраженности следуют социально-патологические мотивы («традиционная» мотивация, а также патологический «похмельный» мотив). Слабо выраженными являются мотив самоповреждения и субмиссивная мотивация. Общий суммарный показатель превышает средние значения, что свидетельствует о сформированном патологическом влечении, болезненном пристрастии к употреблению алкогольных веществ в обеих обследованных выборках. При анализе межгрупповых различий установлено, что псевдокультурная мотивация питья статистически значительно выше в группе пациентов из Санкт-Петербурга. Вероятно, что в данном случае стремление к приобщению субъективного опыта к алкогольным ценностям социальной микросреды путем повышения осведомленности о различных видах алкогольных веществ, способов приготовления напитков, ритуализации приема алкоголя является попыткой сокрытия и маскировки истинных патологических мотивов употребления в силу негативных стигматизирующих стереотипов со стороны общества.

Таблица 5/ Table 5

**Показатели мотивов употребления алкоголя
[Indicators of alcohol use motives]**

Мотивы	Группа 1 (Санкт-Петербург)		Группа 2 (Якутск)		t-критерий Стьюдента	
	M	SD	M	SD	t	p
Традиционные	8,02	3,74	8,57	3,85	-0,87	0,386
Субмиссивные	5,62	4,36	5,90	3,91	-0,41	0,678
Псевдокультурные	6,98	3,98	5,28	3,43	2,72	0,007
Гедонистические	9,59	3,93	9,25	4,19	0,49	0,619
Атарактические	9,75	4,40	10,71	4,25	-1,31	0,190
Гиперактивационные	8,70	4,48	8,72	4,65	-0,02	0,981
Похмельные	7,39	4,16	7,19	4,24	0,27	0,781
Аддиктивные	6,40	4,08	6,80	5,10	-0,51	0,606
Самоповреждающие	4,30	4,84	4,56	4,43	-0,33	0,742
Сумма(Σ)	66,84	20,35	67,03	29,48	-0,04	0,965

Примечание. Статистически значимые различия выделены полужирным шрифтом.

**Результаты корреляционного анализа компонентов идентичности
с параметрами временной перспективы личности**

Результаты корреляционного анализа различных компонентов идентичности с факторами временной перспективы личности и побудительной системой мотивов употребления алкоголя внутри каждой из групп представлены в табл. 6 и 7. В таблицы не включены шкалы и показатели, по которым не выявлено значимых корреляций ($p > 0,05$).

Таблица 6/ Table 6

**Коэффициенты корреляции идентификационных характеристик с параметрами временной
перспективы и мотивационными показателями в группе 1 (Санкт-Петербург)
[Spearman correlations between identity indicators, time perspective
and motivational parameters in Group 1 (Saint Petersburg)]**

Методики	Шкалы	Компоненты идентичности				
		Социальное «Я»	Материальное «Я»	Деятельное «Я»	Перспективное «Я»	Рефлексивное «Я»
ZTRI	Будущее	,231*	,295**	,157	-,244*	-,303**
СДВ	Активность будущего	-,034	,069	,258*	,022	-,076
	Эмоциональная окраска будущего	,000	-,087	,122	-,238*	,073
	Структурированное настоящее	,013	-,239*	,053	-,256*	,064
	Ощущаемость настоящего	,138	-,039	-,018	,031	-,249*
МПА	Гиперактивация	-,167	,012	-,123	,240*	,087
	Самоповреждение	-,185	-,126	,085	-,051	,257
	Сумма	-,263*	-,110	-,106	,227*	,238*

Примечания. В таблицу не включены шкалы и параметры, по которым нет статистически значимых корреляций. Нули в коэффициентах опущены. * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

Таблица 7/ Table 7

**Коэффициенты корреляции идентификационных характеристик с параметрами
временной перспективы и мотивационными показателями в группе 2 (Якутск)
[Spearman correlations between identity indicators, time perspective
and motivational parameters in Group 2 (Yakutsk)]**

Методики	Шкалы	Компоненты идентичности					Уровень рефлексии
		Коммуникативное «Я»	Материальное «Я»	Физическое «Я»	Перспективное «Я»	Рефлексивное «Я»	
ZTRI	Негативное прошлое	-,266*	-,039	,057	-,149	,253*	-,076
	Гедонистическое настоящее	,091	-,257*	,033	-,028	,115	,012
СДВ	Величина прошлого	,224	,165	-,082	,141	-,343**	-,108
	Структурированное настоящее	,287*	,163	,139	,067	-,127	,036
	Ощущаемость настоящего	-,112	-,077	-,014	-,143	,051	-,285*
	Ощущаемость будущего	-,076	-,077	-,110	-,252*	,117	-,101
	Сумма показателей прошлого	,137	,140	-,119	,100	-,281*	-,136
МПА	Субмиссивные	,004	,259*	,069	,107	-,005	-,070
	Атарактические	-,069	-,015	,266*	-,042	-,005	,090
	Гиперактивационные	-,023	,047	,245*	,072	-,022	,183
	Похмельные	-,088	,205	,308*	-,030	-,042	,028
	Аддиктивные	-,041	,233	,293*	,086	-,025	,140
	Самоповреждающие	-,231	,320**	,142	-,067	,041	-,114
	Сумма	,006	,256*	,316**	,066	-,024	,095

Примечания. В таблицу не включены шкалы и параметры, по которым нет статистически значимых корреляций. Нули в коэффициентах опущены. * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$.

В результате анализа в группе 1 (табл. 6) обнаружены положительная корреляция между социальной идентичностью и ориентацией на «будущее», а также отрицательная корреляция с общей напряженностью алкогольной мотивации. Положительная связь обнаружена между Материальным «Я» и временной ориентацией «будущее», отрицательная корреляция — с «структурированным настоящим». Деятельное «Я» положительно взаимосвязано с «активностью будущего». Перспективная идентичность отрицательно взаимосвязана с ориентацией на «будущее», «эмоциональной окраской будущего», «структурированным настоящим», положительная корреляция обнаружена с мотивом «гиперактивации поведения», а также общей напряженностью алкогольных мотивов. Рефлексивная идентичность отрицательно коррелирует с фактором «будущее», «ощущаемостью настоящего», положительная корреляция обнаружена с мотивом самоповреждения и общей напряженностью мотивации потребления алкоголя.

Анализ корреляций в группе 2 (табл. 7) обнаружил отрицательную корреляцию между коммуникативной идентичностью и фактором времени «негативное прошлое», при этом данный параметр самоопределения положительно связан со «структурированностью настоящего». Между Материальным «Я» и показателем «гедонистическое настоящее» имеются отрицательные корреляции, положитель-

ные связи обнаружены с «субмиссивным», «самоповреждающим» мотивами, а также общим показателем выраженности аддиктивной мотивации. Физическая идентичность положительно коррелирует с такими мотивами, как «атарактический», «гиперактивационный», «похмельный», «аддиктивный», а также общей напряженностью алкогольной мотивации. Между перспективной идентичностью и «ощущаемостью будущего» выявлена отрицательная связь. Рефлексивный компонент идентичности положительно связан с временной ориентацией «негативное прошлое», но отрицательно коррелирует с «величиной» и суммарным показателем прошлого. Общий уровень рефлексии отрицательно коррелирует с «ощущаемостью настоящего».

Таким образом, результаты корреляционного анализа показали, что идентификационные характеристики тесно связаны с временными и мотивационными компонентами личности, при этом в группе пациентов из Якутска выявлено больше значимых корреляций. В целом структуры связей компонентов личностной идентичности с различными характеристиками временной перспективы и аддиктивными мотивами в двух исследованных группах больных алкоголизмом имеют сходства и различия.

Так, перспективная идентичность в исследуемых группах коррелирует со схожими показателями. В группе 1 обнаружена отрицательная корреляция с факторами «будущее», «эмоциональная окраска будущего», «структурированное настоящее», мотивом гиперактивации поведения и общей напряженностью алкогольной мотивации. Это свидетельствует о том, что отсутствие перспективной идентичности у пациентов из Санкт-Петербурга связано с пессимистичным, негативно окрашенным восприятием будущего, видением настоящего как неопределенного. Возможно, что в ситуации отсутствия перспектив стимулирующее действие алкоголя выступает в качестве средства реализации проектов и достижения целей. В группе пациентов из Якутска установлена отрицательная связь с ощущаемостью будущего, то есть, пациенты с алкогольной зависимостью не рассматривают себя в перспективе, у них отсутствует направленность на будущее, они склонны воспринимать его как замкнутое и недоступное, иначе говоря, живут сегодняшним днем.

Персональная идентичность имеет различные связи в двух группах. В группе 1 стремление к постижению и познанию себя, уход в собственную личность соотносятся с неприятием будущего, отсутствием связи с настоящим в пользу поглощенности внутренним субъективным опытом. В группе 2 при погруженности в собственное «Я» в сочетании с негативным восприятием и событийным наполнением прошлого снижается мотивационный потенциал данного временного модуса, вследствие чего пережитые события и опыт не имеют значимости и смысла.

Заключение

В результате проведенного сравнительного исследования структуры идентичности во взаимосвязи с временной перспективой личности при алкоголизме у

пациентов из Санкт-Петербурга и Республики Саха (Якутия) было установлено наличие межгрупповых различий по измеряемым показателям, которые мы склонны трактовать как кросс-культурные, нежели региональные.

Полученные данные отражают общие проблемные аспекты больных алкоголизмом, а именно отсутствие перспективной идентичности, ориентацию на негативное прошлое, выраженность действующих аддиктивных, гедонистических, атарактических мотивов и мотивацию с гиперактивацией поведения. Это позволяет сделать вывод о необходимости обращения к временным аспектам «Я», в особенности к преобразованию образа прошлого и конструированию перспективной идентичности как мотивационной составляющей продолжительного воздержания и отказа от употребления алкоголя, прежде всего для северных народов в силу специфики качества жизни больных данных регионов.

Таким образом, изучение кросс-культурных особенностей идентичности личности и временной перспективы больных алкоголизмом расширяет сферу представлений о роли этнопсихологических факторов в формировании и течении зависимости. Учет культурных и национальных особенностей необходим при разработке и применении психопрофилактических, психокоррекционных мер в отношении широкого круга психических и поведенческих нарушений, в частности аддикций. Дальнейшие сравнительные исследования с привлечением других этнических групп позволят установить как универсальные, так и специфические для различных культур механизмы возникновения и лечения алкогольной зависимости.

Список литературы

- Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2000. 239 с.
- Белинская Е.П.* Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Идентичность: хрестоматия / сост. Л.Б. Шнейдер. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003.
- Братусь Б.С.* Психологический анализ изменений личности при алкоголизме. М., 1974. 94 с.
- Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б.* Отношение к болезни, алкогольная анозогнозия и механизмы психологической защиты у больных алкоголизмом // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 1993. № 3. С. 13–22.
- Вассерман Л.И., Кузнецов О.Н., Ташильков В.А., Тейверлаур М., Червинская К.Р., Шелкова О.Ю.* Семантический дифференциал времени как метод психологической диагностики личности при депрессивных расстройствах: пособие для психологов и врачей. СПб.: СПбНИПНИ им. Бехтерева, 2005. 27 с.
- Головаха Е.И., Кроник А.А.* Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии / под ред. Л.И. Анциферовой. М., 1988. С. 199–215.
- Завьялов В.Ю.* Мотивация потребления алкоголя у больных алкоголизмом и у здоровых // Психологический журнал. 1986. № 5. С. 102–111.
- Зейгарник Б.В.* Опосредование и саморегуляция в норме и патологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1981. № 2. С. 9–14.
- Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.

- Иванова Н.Л., Никишина В.Б., Петраш Е.А., Верес И. Аддиктивная идентичность: структурно-критериальный аспект // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». 2017. № 1. С. 130—135. <https://doi.org/10.21626/vestnik/2017-1/23>
- Кон И.С. В поиске себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
- Короленко Ц.П., Завьялов В.Ю. Личность и алкоголь. Новосибирск: Наука, 1987. 168 с.
- Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: ОЛСИБ, 2001. 262 с.
- Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. 472 с.
- Кузнецова С.А., Стрелков Ю.К. Пространственно-временное структурирование жизненного пути северян // Мир психологии. 2015. № 4 (84). С. 156—167.
- Лурия А.Р. Внутренняя картина болезни и ятрогенные заболевания. М.: Медицина, 1977.
- Мажуль Л.А. Многоликость времени: психологические и культурные аспекты // Мир психологии. 2011. № 23. С. 16—30.
- Нестик Т.А. Социальная психология времени: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 5—19.
- Орлов А.Б. «Эмпирическая» личность и ее структура // Психология самосознания: хрестоматия / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2000. С. 156—173.
- Пантилеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Прокопич О.А., Яницкий М.С., Браун О.А. Особенности временной перспективы различных культурно-ценностных типов // Вестник КемГУ. 2012. № 1 (4). С. 185—192.
- Сафуанов Ф.С., Баранова О.В., Игонин А.Л. Клинико-психологические механизмы формирования анозогнозии больных алкоголизмом // Психологические исследования. 2011. № 2 (16). URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/454-safuanov-baranova-igonin16.html> (дата обращения: 20.01.2019).
- Стефаненко Т.Г. Компоненты этнической идентичности: когнитивный, аффективный, поведенческий // Мир психологии. 2004. № 3. С. 38—43.
- Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983.
- Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101—109.
- Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977.
- Beckwith M., Best D., Lubman D., Dingle G., Perryman C. Predictors of flexibility in social identity among people entering a therapeutic community for substance abuse // *Alcoholism Treatment Quarterly*. 2015. Vol. 33. No. 1. Pp. 93—104.
- Breakwell G.M. Coping with threatened identities. L.—N.Y.: Mithuen, 1986.
- Dingle G.A., Cruwys T., Frings D. Social identities as pathways into and out of addiction // *Frontiers in Psychology*. 2015. No. 6. P. 1795. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01795>
- Dingle G.A., Stark C., Cruwys T., Best D. Breaking good: Breaking ties with social groups may be good for recovery from substance misuse // *British Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 54. Pp. 236—254. <https://doi.org/10.1111/bjso.12081>
- Ericson E.H. Identity, youth and crisis. L.: Faber and Faber, 1968.
- Frings D., Albery I. The Social Identity Model of Cessation Maintenance: Formulation and initial evidence // *Addictive Behaviours*. 2015. Vol. 44. Pp. 35—42. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2014.10.023>

- Frings D., Melichar L., Albery I.P.* Implicit and explicit drinker identities interactively predict in-the-moment alcohol placebo consumption // *Addictive Behaviors Reports*. 2016. Vol. 3. Pp. 86–91. <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2016.04.002>
- Frings D., Wood K.V., Lionetti N., Albery I.P.* Tales of hope: Social identity and learning lessons from others in Alcoholics Anonymous: A test of the Social Identity Model of Cessation Maintenance // *Addictive Behaviors*. 2019. Vol. 93. Pp. 204–211. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2019.02.004>
- Hofstede G.* *Culture's Consequences*. USA: Sage, 1980. 328 p.
- Lindgren K.P., Neighbors C., Gasser M.L., Ramirez J.J., Cvencek D.* A review of implicit and explicit substance self-concept as a predictor of alcohol and tobacco use and misuse // *The American journal of drug and alcohol abuse*. 2016. Vol. 43. No. 3. Pp. 237–246.
- Marcia J.E.* Identity in adolescence // *Handbook of adolescent psychology* / ed. by J. Adelson. N.Y.: John Wiley, 1980.
- Mead G.H.* *Selected Writings* / ed. by A.J. Reck. Indianapolis, 1964.
- Nuttin J., Lens W.* *Future time perspective and motivation: Theory and research method*. Leuven and Hillsdale, N.J.: Leuven University Press and Erlbaum, 1985.
- Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall, 1985. Pp. 7–24.
- Turner J.C.* *Social Categorization and Self-Concept: A Social Cognitive Theory of Group Behavior* // *In Advances in Group Process: Theory and Research* / ed. by E.J. Lawler. Greenwich, Connecticut: JAI Press, 1985. Pp. 77–121.
- Turner J.C.* *Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior* // *Key readings in social psychology. Rediscovering social identity* / ed. by T. Postmes, N.R. Branscombe. New York, NY, US: Psychology Press, 2010. Pp. 243–272.

История статьи:

Поступила в редакцию: 6 апреля 2019

Принята к печати: 15 мая 2019

Для цитирования:

Игнат'ев П.Д., Трусова А.В. Взаимосвязь личностной идентичности и временной перспективы личности больных алкоголизмом: кросс-культурный аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2019. Т. 16. № 2. С. 127–146. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-127-146>

Сведения об авторах:

Игнат'ев Павел Дмитриевич, аспирант кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). eLIBRARY SPIN-код: 4207-0169. E-mail: ig_pvl@mail.ru

Трусова Анна Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета; научный сотрудник отделения лечения больных алкоголизмом Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева (Санкт-Петербург, Россия). eLIBRARY SPIN-код: 3486-9970. E-mail: anna.v.trusova@gmail.com

Association of Personal Identity and Time Perspective in Patients with Alcohol Dependence: Cross-Cultural Research

Pavel D. Ignatev¹, Anna V. Trusova^{1,2}

¹ Saint Petersburg State University

7—9 University Emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

² V.M. Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology

3 Bekhterev St., Saint Petersburg, 192019, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of an original cross-cultural study of the identity and time perspective in alcohol-addicted patients. Based on the materials of the two examined patient groups from the Central ($N = 79$) and Arctic regions ($N = 66$) of Russia, using a set of the following psychodiagnostic methods — test of 20 statements by M. Kuhn, T. McPartland, Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI), a semantic time differential and the questionnaire of motivation for alcohol consumption by V.Yu. Zavyalov (MAC) — the regional differences in the identity matrix and temporal orientations were found and described. According to the results of a clinical and psychological research, it was found that for alcohol-addicted patients in general the most significant is a reflexive identity focusing on “negative past”, while considering the past and future in the categories of “activity”, “affective sentiment”, “magnitude”. The leading alcohol use motives are hedonistic, ataractic, and activation behavior. At the same time, the communicative identity, “perceptibility” of the entire psychological time, as well as pseudocultural motive causing alcohol abuse are significantly present in the identity matrix of the patients from Saint Petersburg. In the group of patients from Yakutsk, there is a significant orientation toward a “fatalistic present”, with the “structurization” of the past, present, and future. The intergroup correlations between the various aspects of personal identity and time perspective, as well as the hierarchy of motives in patients with alcoholism in a socio-cultural context are shown. The correlation patterns between the identification characteristics and time perspective have significant differences in the two groups studied. The data obtained reflect the social specifics of the central regions, as well as the cultural characteristics of the northern nationalities with their inherent desire to avoid uncertainty. From these data, it can be concluded that the socio-psychological factors in the etiopathogenesis of alcohol dependence are significant.

Key words: personal identity; self-image; time perspective; alcohol dependence; cross-cultural research; Arctic region

References

- Andreeva, G.M. (2000). *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya*. Moscow: Aspekt-Press Publ. (In Russ.)
- Beckwith, M., Best, D., Lubman, D., Dingle, G., & Perryman, C. (2015). Predictors of flexibility in social identity among people entering a therapeutic community for substance abuse. *Alcoholism Treatment Quarterly*, 1(33), 93—104.
- Belinskaya, E.P. (2003). *Vremennye aspekty Ya-kontseptsii i identichnosti. Identichnost': khrestomatiya*. Moscow: MPSI Publ; Voronezh: MODEK Publ. (In Russ.)
- Bratus, B.S. (1974). *Psikhologicheskii analiz izmenenii lichnosti pri alkogolizme*. Moscow. (In Russ.)
- Breakwell, G.M. (1986). *Coping with Threatened Identities*. L.—N.Y.: Mithuen.
- Chesnokova, I.I. (1977). *Problema Samosoznaniya v Psikhologii*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

- Dingle, G.A., Cruwys, T., & Frings, D. (2015). Social Identities as Pathways into and out of Addiction. *Frontiers Psychol.*, (6), 1795. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.01795>
- Dingle, G.A., Stark, C., Cruwys, T., & Best, D. (2015). Breaking good: Breaking ties with social groups may be good for recovery from substance misuse. *British Journal of Social Psychology*, 54, 236–254. <https://doi.org/10.1111/bjso.12081>
- Ericson, E.H. (1968). *Identity, Youth and Crisis*. L.: Faber and Faber.
- Frings, D., & Albery, I. (2015). The Social Identity Model of Cessation Maintenance: Formulation and initial evidence. *Addictive Behaviours*, 44, 35–42. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2014.10.023>
- Frings, D., Melichar, L., & Albery, I.P. (2016). Implicit and explicit drinker identities interactively predict in-the-moment alcohol placebo consumption. *Addictive Behaviors Reports*, (3), 86–91. <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2016.04.002>
- Frings, D., Wood, K.V., Lionetti, N., & Albery, I.P. (2019). Tales of hope: Social identity and learning lessons from others in Alcoholics Anonymous: A test of the Social Identity Model of Cessation Maintenance. *Addictive Behaviors*, 93, 204–211. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2019.02.004>
- Golovakha, E.I., & Kronik, A.A. (1988). Ponyatie psikhologicheskogo vremeni. In L.I. Antsiferova (Ed.). *Kategorii materialisticheskoy dialektiki v psikhologii* (pp. 199–215). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Hofstede, G. (1980). *Culture's Consequences*. USA: Sage.
- Ivanova, N.L., Nikishina, V.B., Petrash, E.A., & Veres, I. (2017). Addictive identity: structural and criterion aspect. *Kursk Scientific and Practical Bulletin "Man and His Health"*, (1), 130–135. <https://doi.org/10.21626/vestnik/2017-1/23> (In Russ.)
- Kon, I.S. (1984). *V poiskakh sebya: lichnost' i ee samosoznanie*. Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)
- Korolenko, Ts.P., & Zavyalov, V.Yu. (1987). *Lichnost' i alkogol'*. Novosibirsk: Nauka Publ. (In Russ.)
- Korolenko, Ts.P., & Dmitrieva, N.V. (2001). *Psikhosotsial'naya addiktologiya*. Novosibirsk: OLSIB Publ. (In Russ.)
- Korolenko, Ts.P., Dmitrieva, N.V., & Zagoruiko, E.N. (2007). *Identichnost'. Razvitie. Perenasyshchennost'. Begstvo*. Novosibirsk: NGPU Publ. (In Russ.)
- Kuznetsova, S.A., & Strelkov, Yu.K. (2015). Northerners' way of life space-temporal structuring. *World of Psychology*, (4), 156–167. (In Russ.)
- Lindgren, K.P., Neighbors, C., Gasser, M.L., Ramirez, J.J., & Cvencek, D. (2016). A review of implicit and explicit substance self-concept as a predictor of alcohol and tobacco use and misuse. *The American Journal of Drug and Alcohol Abuse*, 43(3), 237–246. <https://doi.org/10.1080/00952990.2016.1229324>
- Luriya, A.R. (1977). *Vnutrennyaya kartina bolezni i yatrogennye zabolevaniya*. Moscow. (In Russ.)
- Marcia, J.E. (1980). Identity in adolescence. In J. Adelson (Ed.). *Handbook of Adolescent Psychology*. N.Y.: John Wiley.
- Mazhul, L.A. (2011). Mnogolikost' vremeni: psikhologicheskie i kul'turnye aspekty. *Mir Psikhologii*, (23), 16–30. (In Russ.)
- Mead, G.H. (1964). *Selected Writings*. Indianapolis: Bobbs-Merrill.
- Nestik, T.A. (2014). Social psychology of time: actual state and prospects of researches. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 35(3), 5–19. (In Russ.)
- Nuttin, J., & Lens, W. (1985). *Future Time Perspective and Motivation: Theory and Research Method*. Leuven and Hillsdale, N.J.: Leuven University Press and Erlbaum.
- Orlov, A.B. (2000). "Empiricheskaya" lichnost' i ee struktura. *Psikhologiya samosoznaniya*. In D.Ya. Raigorodskii (Ed.). *Chrestomathy* (pp. 156–173). Samara: Bakhrakh-M Publ. (In Russ.)
- Pantileev, S.R. (1991). *Samootmoshenie kak emocionalno-ocenochnaya sistema*. Moscow. (In Russ.)
- Prokonich, O.A., Yanitskiy, M.S., & Braun, O.A. (2012). The peculiarities of temporal perspective of different cultural and value types. *Bulletin of Kemerovo State University*, (1), 185–192.

- Safuanov, F.S., Baranova, O.V., & Igonin, A.L. (2011). Clinical and psychological mechanisms of anosognosia development in alcoholic patients. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 16(2). Retrieved from: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/454-safuanov-baranova-igonin16.html> (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (2004). Komponenty etnicheskoy identichnosti: kognitivnyi, affektivnyi, povedencheskii. *Mir Psikhologii*, (3), 38—43. (In Russ.)
- Stolin, V.V. (1983). *Samosoznanie Lichnosti*. Moscow: MSU Publ. (In Russ.)
- Syrtsova, A., Sokolova, E.T., & Mitina, O.V. (2008). Adaptation Questionnaire on Time Perspective Zimbardo on the Russian-speaking Sample. *Psikhologicheskii Zhurnal*, (3), 101—109. (In Russ.)
- Tajfel, H., & Turner, J.C. (1985). The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of Intergroup Relations* (2nd ed., pp. 7—24). Chicago: Nelson-Hall.
- Turner, J.C. (2010). Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. In T. Postmes & N.R. Branscombe (Eds), *Key Readings in Social Psychology. Rediscovering Social Identity* (pp. 243—272). New York, NY: Psychology Press.
- Vasserman, L.I., Eryshev, O.F., & Klubova, E.B. (1993). Otnoshenie k bolezni, alkohol'naya anozognoziya i mekhanizmy psikhologicheskoi zashchity u bol'nykh alkoholizmom. *Obozrenie Psikhiiatrii i Meditsinskoi Psikhologii imeni V.M. Bekhtereva*, (3), 13—22. (In Russ.)
- Vasserman, L.I., Kuznetsov, O.N., Tashlykov, V.A., Teyverlaur, M., Chervinskaya, K.R., & Shchelkova, O.Yu. (2005). *Semanticheskii differentsial vremeni kak metod psikhologicheskoy diagnostiki pri depressivnykh rasstroystvakh: Manual*. Saint Petersburg, SPbNIPNI imeni Bekhtereva. Publ. (In Russ.)
- Zavyalov, V.Yu. (1986). The motivation of alcohol consumption in patients with alcoholism and in healthy. *Psychological Journal*, (5), 102—111. (In Russ.)
- Zeigarnik, B.V. (1981). Oposredovanie i samoregulyaciya v norme i patologii. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, (2), 9—14. (In Russ.)
- Zimbardo P., & Boyd J. (2010). *The Time Paradox. The New Psychology of Time That Will Change Your Live*. Saint Petersburg: Rech' Publ., 352. (In Russ.)

Article history:

Received: 6 April 2019

Revised: 4 May 2019

Accepted: 15 May 2019

For citation:

Ignatev P.D., & Trusova A.V. (2019). Association of Personal Identity and Time Perspective in Patients with Alcohol Dependence: Cross-Cultural Research. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 127—146. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-127-146>

Bio Notes:

Pavel D. Ignatev is Ph.D. Student at Division of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia). eLIBRARY SPIN-code: 4207-0169. E-mail: ig_pvl@mail.ru

Anna V. Trusova, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor at Department of Psychology, Division of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg University, and Research Fellow at Department of Addictions, V.M. Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology (Saint Petersburg, Russia). eLIBRARY SPIN-code: 3486-9970. E-mail: anna.v.trusova@gmail.com

Исследовательская статья

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-147-162

УДК 316.4.051.63

Динамика имплицитных представлений подростков саха о нравственном человеке (2002—2017 гг.)

Н.Д. Елисеева

Центр социально-психологической поддержки семьи и молодежи Республики Саха
Российская Федерация, 677013, Республика Саха (Якутия), Якутск, ул. Каландрашвили, 21
Институт психологии Российской академии наук
Российская Федерация, 129366, Москва, Ярославская ул., 13

В настоящее время психология нравственности оформилась в отдельное научное направление. Особую актуальность имеет исследование проблемы нравственности в рамках ее культурного понимания, анализа динамики представлений о нравственности внутри культуры. Целью данного исследования является изучение динамики имплицитных представлений подростков саха о нравственном человеке в период с 2002 по 2017 гг. Предполагалось, что существенных изменений в изучаемых имплицитных представлениях за 15 лет не произошло. Всего в исследовании, включая подготовительный этап, приняло участие 522 человека. Выборки первого (2002 г.) и второго (2017 г.) срезов были уравни по полу и возрасту (по 112 подростков 14—17 лет, из которых 49 мальчиков и 63 девочки), исследование проводилось в одних и тех же населенных пунктах Республики Саха (Якутия). Для диагностики использовался методический прием, предложенный японскими исследователями Х. Азума и К. Кашиваги, — авторская анкета, составленная на основе дескрипторов изучаемой культуры. Помимо этого, для качественного исследования имплицитных представлений был проведен анализ поступков, доказывающих нравственность описываемого человека. Полученные результаты обрабатывались с помощью контент-анализа и факторного анализа. Установлено, что наиболее стабильными являются имплицитные представления о взаимопомощи и поддержке, уважении к социальному и природному миру, значимости традиций, сохранении «культуры молчания». Предполагается, что в сохранении стабильности нравственных ценностей немаловажную роль играет семья. Различия проявляются в смещении акцента в содержательных характеристиках имплицитных представлений — с особенностей взаимодействия с внешним миром на проявление личностных качеств.

Ключевые слова: нравственность; нравственный человек; имплицитные представления; Саха; подростки; дескрипторы культуры

© Елисеева Н.Д., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Введение

Проблема нравственности актуальна во все времена. Современный мир с его урбанизационными процессами, высокой миграцией на уровне всей планеты, доступностью информации и ее порой агрессивным воздействием на человека только добавляет актуальности данной теме. В настоящее время психология нравственности оформилась в отдельное научное направление благодаря теоретическому обоснованию в трудах Б.С. Братуся, В.Э. Чудновского, Т.А. Флоренской, А.Б. Купрейченко, М.И. Воловиковой, А.Л. Журавлева, А.В. Юревича, А.А. Гостева, В.Е. Семенова и др. Несмотря на достаточную изученность категории нравственности, неясным до сих пор остаются ее *etic* и *emic* аспекты относительно культуры, стабильных (ядерных) и вариативных во времени аспектов. С этим связаны и определенные сложности на практическом уровне — в воспитании новых поколений: с ориентацией на преемственность или изменчивость традиционного понимания нравственности.

Исходя из вышесказанного, в качестве предмета исследования нами выбраны имплицитные представления о нравственном человеке. Имплицитные (обыденные) концепции помогают создавать целостные впечатления о другом человеке, и, будучи связанными с культурным контекстом, являются своего рода барометром изменений, происходящих в сознании личности.

Исследование японских ученых Х. Азума и К. Кашиваги было направлено на выявление имплицитных представлений японцев об умном человеке (Azuma, Kashivagi, 1987). Для этой цели была составлена специальная анкета на основе анализа конкретных примеров и конкретных случаев, собранных в японской культуре. Н.Л. Смирновой (Александровой), вслед за японскими учеными, был использован данный методический прием для изучения имплицитных представлений об умном человеке (Смирнова, 1997). Для кросс-культурного сравнения результаты, полученные в русской выборке, соотносились с результатами исследования, проведенного на японской выборке. Принцип построения анкеты из дескрипторов, собранных в изучаемой культуре, был использован Л.Л. Гренковой (Дикевич) для исследования имплицитных представлений о нравственном («порядочном») человеке (Гренкова, 1998). В составленную на первом этапе анкету закрытого типа, построенную по принципу одномерной шкалы, было добавлено задание описать поступок «порядочного» человека, который доказывает его нравственные качества (Гренкова, 1998). Конкретный поступок, по мнению С.Л. Рубинштейна, являясь «единицей» поведения, отражает отношение человека к внешнему миру (Рубинштейн, 1997).

В настоящей статье рассматривается проблема сохранности ценностей традиционного якутского менталитета среди подрастающего поколения. Следует отметить, что первыми исследователями коренных народов Якутии были путешественники и политические ссыльные (Анучин, 1876; Маак, 1994; Серошевский, 1993; Чернышевский, 1940; Ярославский, 1979). Они отмечали ценность детей в семьях и уважение к пожилым, также необходимость взаимопомощи и взаимоподдержки в суровых условиях проживания. Были проведены первые описания и попытки анализа религиозного воззрения народа саха — шаманизма. Путеше-

ственники и политические ссыльные отмечали особое отношение коренных народов к природному миру — его одухотворению и почитанию. Отдельного внимания заслужила культура общения саха, которая относится к «культуре молчания». На этапе промышленного освоения севера в советский период (1950—1980 гг.) главной научной проблемой, на наш взгляд, является вопрос адаптации и взаимодействия трудовых мигрантов с коренным населением Якутии. Самой значимой работой данного этапа является диссертационное исследование А.П. Оконешниковой (1986), в котором были выявлены следующие особенности коренного народа Якутии: высокая ценность семьи, высокий уровень толерантности, высокая экологическая культура; подчеркивалась значимость таких нравственных качеств личности, как трудолюбие, порядочность, честность и т.д. (Оконешникова, 1986). В исследованиях конца XX — начала XXI вв. изучаются не только особенности современности, актуальным становится анализ истории, религиозных воззрений и фольклорного наследия коренных народов Якутии. Были сформулированы тезисы этнопедагогических основ воспитания детей, нравственные постулаты Учения Айыы (Портнягин, 1999; Саввинов, 1995). Исследователи отмечают следующие традиционные ценности народа саха: субъектное отношение к природе (Новиков, 1995; Портнягин, 1999; Макаров, 2002; Марфусалова, 2002; Винокурова, 2014); значимость семьи для человека в ее расширенном многопоколенческом понимании (Григорьева, 1999; Попов, 2000; Нафанаилова, Егорова, 2007 и др.), ценность ответственности и честности (Макарова, 2011).

В нашем исследовании имплицитных представлений народа саха о нравственном человеке (Елисеева, 2004) был использован методический прием, предложенный Х. Азума и К. Кашиваги, о котором речь шла выше. В анкете была использована 3-бальная шкала оценки («согласен», «нет», «затрудняюсь ответить») соответствия качества (дескриптора) человеку, которого респонденты считают нравственным. Респондентам разрешалось в качестве примера нравственного человека приводить исторические персонажи и литературных героев. Было выявлено, что в имплицитных представлениях представителей народа саха границы нравственного поведения расширялись за счет отношения к природе как к субъекту. Это соответствует данным других исследователей об особом, уважительном отношении к другому человеку и к природе, которое характерно для традиционной культуры народа саха (Пекарский, 1928; Новиков, 1995; Портнягин, 1999; Макаров, 2002; Марфусалова, 2002; Винокурова, 2014 и др.). Помимо этого, респонденты отмечали способность нравственного человека учитывать мнение группы, способность человека сотрудничать не только с социальным, но также и с природным миром (Елисеева, 2004). Мы предполагаем, что у современных подростков сохраняются вышеперечисленные особенности имплицитных представлений.

Цель исследования — изучение динамики имплицитных представлений подростков саха о нравственном человеке за 15 лет (2002—2017).

Новизна исследования состоит в том, что ранее подобные лонгитюдные исследования продолжительностью в 15 лет на выборках якутских подростков не проводились.

Методы и процедура исследования

Исследование включало три основных этапа. На подготовительном этапе в 2002 г. отбирались дескрипторы и составлялась анкета исследования. Первый этап (срез) был проведен в центральной части Якутии в Чурапчинском районе в пос. Юрюнг Кёль и Чурапча в 2002 г. Второй этап (срез) был проведен в этих же населенных пунктах в 2017 г. Исследование проводилось на двух языках — русском и якутском (по выбору респондентов).

Выборка подготовительного этапа, который заключался в составлении анкеты, делилась на три группы. Первая группа — дети и подростки от 11 до 16 лет в количестве 98 человек (из них 45 девочек, 44 мальчика). Вторая группа — юноши и девушки от 18 до 26 лет в количестве 97 человек (из них 30 девушек, 67 юношей). Третья группа — взрослые и пожилые люди от 28 до 81 года (от 28 до 40 лет — 22 человека, от 40 до 60 лет — 72 человека, от 60 до 80 лет — 18 человек), всего 112 человек (из них 52 женщины и 60 мужчин). Таким образом, на этом этапе выборка составила 298 человек.

Выборка первого среза, проведенного в 2002 г., составила 112 подростков 14—17 лет (из них 49 мальчиков и 63 девочки). Выборка второго среза, проведенного в 2017 г., была идентична выборке первого среза — 112 подростков 14—17 лет, из них 49 мальчиков и 63 девочки.

Таким образом, в исследовании, включая этап составления анкеты, приняло участие 522 человека.

На подготовительном этапе респонденты в форме рассказа описывали знакомого им человека или исторического/литературного персонажа, которого они считают нравственным. Затем через частотный анализ был сформирован перечень утверждений (дескрипторов), описывающих качества нравственной личности: приветливый; находит общий язык с людьми независимо от возраста; искренний; культурный; гостеприимный; живет ради людей; уважающий людей; жалостливый; не злопамятный; чуткий; уравновешенный; щедрый; верный друг; умный; имеет любимое занятие (хобби); делится с людьми своими знаниями; оптимист; трудолюбивый; храбрый; целеустремленный; уважает традиции своего народа и следует им; заботится о родителях/детях; хороший родитель/сын/дочь; из добропорядочной семьи; не обижает животных; уважает и любит природу; умеет правильно организовывать свое время; образованный; предприимчивый; хороший специалист/ученик; не злословит за спиной; не ворует; с примерным поведением; честный; не показывает людям слабые стороны своего характера; умеет промолчать в беседе в нужный момент; веселый; с аккуратным внешним видом; скромный; заботится о своем здоровье; не злоупотребляет алкоголем; рассудительный; терпеливый; уважающий себя; уважаемый людьми; умеет слушать собеседника; не ломает деревья, не загрязняет озера и т.д.; не кричит в лесу, горах и т.д.; угощает духа огня.

На основном этапе респонденты оценивали какого-либо конкретного человека или исторического/литературного персонажа, которого они считают нравственным человеком, по анкете, состоящей из 49 дескрипторов, по 3-балльной шкале («согласен», «нет», «затрудняюсь ответить»). Помимо этого, анкета содер-

жала еще один открытый вопрос «Опишите конкретный случай, доказывающий нравственность описываемого Вами человека». Респонденты также указывали свой пол, возраст и кем приходился им этот человек.

Далее проводился контент-анализ рассказов, описывающих нравственный поступок. Все данные обрабатывались с помощью биномиального критерия и факторного анализа (метод главных компонент, метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера) с помощью статистической программы SPSS 11.0.

Результаты и их обсуждение

Для выявления возможных изменений содержательных характеристик имплицитных представлений о нравственном человеке с 2002 по 2017 г., данные об оцениваемом человеке были сравнены по следующим критериям: пол и социальный статус относительно респондента.

Анализ с помощью биномиального критерия по половому признаку выявил, что подростки в обоих срезах в качестве нравственного человека выбирают представителя своего пола.

Анализ социального статуса нравственного человека, по отношению к респонденту выявил следующую картину. В первом срезе 38 % рассказов описывают друга или подругу, 26,7 % рассказов — мать или отца, 15,5 % рассказов — других родственников, 10 % рассказов — исторических персонажей или политических деятелей, 8,5 % рассказов — учителей и 1,4 % рассказов — знакомых. Во втором срезе друг в качестве нравственного человека выступает в 54 % рассказов, родственники — в 30,5 % рассказов, родитель — в 9,5 % рассказов, знакомые — в 4,2 % рассказов, учитель или исторический персонаж в — 1 % рассказов.

Выбор друга в качестве нравственного человека встречается практически в половине случаев в обоих срезах. Главными характеристиками друзей в качестве нравственного человека являются готовность поддержать, верность и т.п. Пример: *«Он местный мудака (друг), но он спас меня из многих передряг, и я отплатил той же монетой. Когда меня избивали, он очень волновался за меня и заплакал. И он баран в хорошем смысле»*. Встречаются также рассказы, в которых через друга и дружбу раскрываются черты личности респондента (правдивость, внимательность, умение сочувствовать и др.). Пример: *«Она (подруга) меня слушает внимательно, думает над моими словами и переживает за меня»*. Возможно, восприятие друга как нравственного образца объясняется психологическими закономерностями подросткового возраста (Э. Эриксон, Г.С. Салливан и др.). Следует отметить, что в подростковой группе другом является представитель своего пола.

Следующим по частоте встречаемости являются члены семьи — в первом срезе 42 % описаний нравственного человека по всей выборке приходится на описание родителей и родственников. Во втором срезе в 40 % описаний член семьи является нравственным человеком. Наиболее часто респонденты описывают мать. Образ матери в первом срезе встречается чаще, чем остальных членов семьи (19 %). Во втором срезе образ матери в качестве нравственного человека выступает реже (всего 5,3 %), чем образ сестры — 10,5 % и брата — 8,4 %. Отличительной особенностью рассказов о родственниках является то, что подростки описывают не кон-

кретные поступки, а характер и поведение человека в целом. К примеру, респонденты описывают свою любовь и благодарность за жизнь: «*Георгий Прокопьевич Башарин — мой дед по материнской линии. Если бы он был жив, ему было бы 95 лет. Мы им гордимся... Благодаря тому, что он жил, существуем мы сегодня*». Мать или другой родственник также могут выступать в качестве нравственного человека, потому что любят и поддерживают своих детей: «*Когда меня обидели она (сестра) выступила и заступилась за меня*». Родители также считаются нравственными, потому что возвращают в своих детях лучшее, готовят их к жизни: «*Макаров Н.М. — мой отец и как отец дает мне только хорошие советы. Например: когда я учу стихотворение наизусть, он советует мне, как лучше это делать. Сначала выучить один абзац, и только потом читать другой*».

Учителей и знакомых в качестве нравственного человека выбирают за хорошее отношение к себе, за качества личности, которые ценны для респондента. Пример: «*Сысолятин И.М. Он тренирует меня по вольной борьбе. Благодаря ему я сейчас могу принимать участие в соревнованиях высшего уровня и добился неплохих результатов. Еще он всегда, во всех соревнованиях болеет за меня и вообще много чего мне сделал*».

Исторические личности выбираются в качестве нравственного образца за служение народу, выдающиеся деяния, решения, которые запомнились респонденту. Например: «*Иосиф Сталин — уважаемый человек, которого люди равняли с Богом, и он целеустремленный и очень умный*».

В целом современные подростки чаще всего считают нравственными образцами для подражания друзей и членов семьи.

Следующим шагом является контент-анализ рассказов, описывающих нравственные поступки оцениваемого человека (табл. 1).

Таблица 1/ Table 1

**Частота встречаемости категорий нравственных поступков
[Frequency of moral actions categories]**

Категории первого среза	Частота, %	Категории второго среза	Частота, %
<i>Помогает в беде и поддерживает всегда</i>	29,9	<i>Помогает в беде и поддерживает всегда</i>	22,6
Хороший родитель	13,1	<i>Верный друг</i>	19,1
<i>Дает советы</i>	13,1	<i>Следует традициям</i>	16,7
Умеет сдерживать свои эмоции	7,5	<i>Уважает людей и природу</i>	14,3
<i>Уважает людей</i>	6,6	<i>Умеет общаться с людьми</i>	4,8
<i>Верный друг</i>	6,5	<i>Дает советы</i>	2,4
Живет ради людей	5,6	<i>Ведет здоровый образ жизни</i>	3,6
Хороший специалист	4,7	Можно ему верить	2,4
<i>Умеет общаться с людьми</i>	4,7	Спас от смерти	2,4
Придерживается своих принципов, не изменяет себе	1,9	<i>Хороший специалист</i>	2,4
<i>Ведет здоровый образ жизни</i>	1,9	Целеустремленный	1,2
<i>Следует традициям</i>	0,9	Веселый	1,2
Предприимчивый	0,9	Культурный	1,2
Вырастил неродного ребенка как своего	0,9	Скромный	1,2
		Умный	1,2

Примечание. Курсивом выделены категории, встречающиеся в обоих срезах.

Следует отметить, что 11 категорий рассказов встречаются как в первом, так и во втором срезе. Совпадение такого количества выделенных категорий говорит о стабильности имплицитных представлений о нравственности в якутской культуре. Общими для обоих срезов являются рассказы о своих родителях, друзьях, рассказы о поддержке, помощи, качестве общения, уважении, советах, заботе о здоровье, а также о следовании традициям.

Наиболее распространенной в обоих срезах является категория поступков *«помогает в беде и поддерживает меня»*. Способность человека сопереживать, помогать людям в сложной ситуации, по мнению респондентов, является одним из важных показателей нравственности человека. При этом, анализ представлений о нравственном поступке выявил, что не имеет значения, кому оказывается помощь, самому респонденту или незнакомому человеку.

В категорию *«верный друг»* мы включили такие лаконичные высказывания как: *«моя самая лучшая подруга»*, *«мой верный друг»* и т.п. Более развернутые описания были распределены в соответствии со смысловым ядром по другим категориям.

В категорию *«следует традициям»* вошли рассказы о соблюдении традиций народа. Подростки с почтением описывают поступки, в которых люди угощают духа огня Хатан Тэмиэрийэ — посредника между человеком и другими духами; духов дорог; бога охоты и леса — Баай Байаная и др. Следование традициям, как видно из примеров, заключается в следовании обрядам. Необходимо также отметить, что в первом срезе частота данной категории занимает только 12 позицию, а во втором 3 позицию.

Тема *уважительного отношения к окружающему миру, людям и природе* является следующей распространенной категорией. Здесь следует отметить, что уважение распространяется не только на людей, но и на природу: *«Она (сестра) любит животных, уважает природу и людей и очень терпеливая»*.

Следующей категорией поступков, которая отражает самоуважение, является *«ведет здоровый образ жизни»*. Здесь респонденты подчеркивают отрицательное отношение описываемых людей к употреблению алкоголя и никотина, ответственное отношение к здоровью: *«Придерживается здорового образа жизни, не пьет и не курит, спортсмен (друг)»*.

Категория, которая раскрывает отношения с людьми, включает поступки, отражающие *умение человека общаться с людьми*. В нее отнесены рассказы, в которых респонденты выделяют способности человека выслушать, промолчать в разговоре, умение поддерживать беседу: *«Мне нравится, как моя сестра слушает меня. Я все ей высказываю, и даже если я долго говорю, она меня не перебивает, и только потом, когда я выговорюсь, она начинает у меня уточнять, что случилось. Мне очень приятно, что я могу высказать все, и она не осудит»*.

Существует разница в акцентах описания *«хорошего специалиста»* между первым и вторым срезом. Если в первом срезе в поступках *«хорошего специалиста»* значимым являлась не столько его профессиональность, но и его любовь к своей профессии, которая побуждает человека выходить за рамки простых выполнений своих обязанностей: *«...Еще он (тренер) всегда, во всех соревнованиях болеет за меня и вообще много чего мне сделал»*, то во втором срезе *«хорошим специалистом или учеником»* является достижение определенных целей, например поступление в вуз или победа на олимпиаде.

Различия в описании нравственных поступков между первым и вторым срезами проявляются и в их тематике. Кроме общих для обоих срезов 11 категорий, в первом срезе также выделены категории «хороший родитель», «умеет сдерживать свои эмоции», «живет ради людей», «придерживается своих принципов, не изменяет себе», «предприимчивый», «вырастил неродного ребенка как своего», которые не встречаются во втором срезе. Во втором срезе выделены следующие категории, не встречающиеся в первом: «можно ему верить», «спас от смерти», «целеустремленный», «веселый», «культурный», «скромный», «умный».

Следует отметить, что в категорию «хороший родитель» попали рассказы, отличающиеся скупостью описаний. К примеру: «хороший родитель», «мои родители», «моя/мой мама/papa». Более подробные рассказы, раскрывающие характеристики родителей, распределены по другим категориям.

Подростки считают нравственным умение человека *сдерживать эмоции*: «Когда мама моей подруги серьезно заболела, она сильно переживала, но даже когда ее жалели, никому не показывала свои переживания, даже мне. Она очень сильный человек».

Представление о нравственности как о способности человека *жить и действовать ради людей* требует дополнительного изучения. Пример: «...Михаил Ефимович Николаев — первый президент республики, человек, который много сделал для развития Якутии. По его инициативе были построены много новых больниц, школ, домов». Респонденты считают политических лидеров нравственными людьми в силу того, что те искренне переживают за судьбу своего народа. Эти результаты созвучны с мнением Г.Г. Кипиани о том, что в грузинской культуре образ руководителя ассоциируется с образом отца — главы рода, заботящегося о своих детях (народе) (Кипиани, 1999).

Имеются также рассказы, описывающие *предприимчивость и практичность*: «Мой одноклассник купил себе мотоцикл. Он все лето, осень и зиму помогал одному фермеру ухаживать за лошадьми и на вырученные деньги купил мопед».

Отдельного внимания требуют рассказы о *воспитании неродных детей*. В этих рассказах описываются как личные истории респондентов, так и истории других людей, услышанные ими. Исторически из-за суровых климатических условий Якутии дети были самой большой ценностью в традиционной якутской культуре. Так, по данным В.Л. Серошевского в XVII в. из десяти детей в среднем выживали двое, более того, дети, рожденные вне брака, воспитывались в семьях вместе с детьми, рожденными в браке (Серошевский, 1993).

Во втором срезе интерес представляют рассказы про *доверие*. Возможно, подростки чувствуют изменение нравственного самосознания общества, происходящее под влиянием современных урбанизационных процессов, и потому эти поступки заслуживают их внимания.

Рассказы, описывающие *целеустремленность, культурность, веселый характер и скромность человека* объединяет лаконичность и то, что они описывают особенность характера описываемого человека, а не особенности его взаимодействия с окружающим миром.

Качественный сравнительный анализ содержания нравственных поступков выявил, что существует общее и различное в их описании в первом и втором сре-

зах исследования. Общее заключается в том, что нравственными поступками остаются акты помощи, поддержки, участия, верности, а также следование традициям. Различия проявляются в том, что категории первого среза чаще отличаются направленностью «вовне» — в этих рассказах описываются истории, в которых люди совершают нравственные поступки для окружающих, а во втором срезе нравственные поступки в большей степени отражают проявление внутреннего состояния человека.

В соответствии с методикой Х. Азумы и К. Кашиваги для выделения смысловых соединений черт нравственной личности проводился факторный анализ по 49 дескрипторам. В первом срезе выделено пять, во втором срезе три значимых фактора (табл. 2).

В результате факторного анализа дескрипторов, полученных в первом срезе исследования, первым и наиболее значимым (объясняет 16,4 % дисперсии) выделился *коммуникативный* фактор, описывающий человека, который умеет промолчать в беседе в нужный момент, выслушать, чуткого, тактичного в разговоре, что характерно для «культуры молчания».

Во второй фактор *социальной компетентности* вошли дескрипторы, описывающие условия, способствующие достижению успеха и уважения в современном обществе (наличие соответствующего образования, примерное поведение, отказ от употребления алкоголя и целеустремленность). В этот фактор также вошли дескрипторы «*уважение себя*» и «*скромность*». Таким образом, данное сочетание дескрипторов можно трактовать следующим образом — уважение людей невозможно без самоуважения. Наличие дескриптора «*скромность*» на первый взгляд кажется парадоксальным по отношению к ценностям современного общества, но оно объясняется традиционными ценностями якутской культуры (Портнягин, 1999).

Третий фактор мы назвали «*сохранность традиций*», т.к. он включает традиционные ценности народа саха: уважение людей, искренность, служение людям и наличие хобби/увлечения. Об уважении как о важном психологическом качестве личности в якутской культуре писали многие исследователи. Помимо этого, они также отмечали наивность и искренность саха (Маак, 1994; Серошевский, 1993; Ярославский, 1979). Н.А. Александров пишет: «Дикарь по жизни, дикарь по вере и обычаям, якут перенимает у всех то, что он считает полезным; подражает всему, что ему нравится, но он никогда не обезличивает самого себя, не теряется среди других народцев, не сливается даже с русскими, а как был, так и остается якутом» (Александров, 1899, с. 3). Нашего современника, придерживающегося традиционных ценностей своего народа, можно описать следующими словами — этот человек служит своему народу, помнит традиционное верование народа саха и имеет смыслообразующее занятие в жизни.

Четвертый фактор мы назвали «*фактор самоконтроля*», он объединяет дескрипторы, согласно которым нравственный человек знает свои возможности и заботится о своем здоровье. В этот фактор также вошел дескриптор «*честный*», который снимает тот налет «жесткости», который вносят другие дескрипторы. Отсюда следует, что нравственный человек — это человек, который ради достижения своих целей не отказывается от нравственных ценностей.

Таблица 2/ Table 2

Результаты факторного анализа
[Results of factor analysis]

Категории	Факторы первого среза (2002 г.)				Факторы второго среза (2017 г.)			
	коммуника- тивный	социальная компетентность	сохранность традиций	самоконтроль	доброжела- тельность	отношения с окружающим миром	активность	тактичность
<i>Умеет промолчать в беседе в нужный момент</i>	.72							.69
<i>Не злословит за спиной</i>	.57					.60		
Делится с людьми своими знаниями	.53							
<i>Чуткий</i>	.49						.56	
С аккуратным внешним видом	.47							
<i>Умеет слушать собеседника</i>	.46							.61
Трудолюбивый	.44							
Умный		.64						
Хороший специалист/ученик		.64						
Не злоупотребляет алкоголем		.61						
<i>Культурный</i>		.60				.53		
С примерным поведением		.58						
<i>Скромный</i>		.52						.51
<i>Уважаемый людьми</i>		.48					.50	
<i>Целеустремленный</i>		.48					.64	
<i>Уважающий себя</i>		.47					.61	
<i>Образованный</i>		.44						.52
Заботится о родителях/детях			.61					
Угощает духа огня			.59					
<i>Живет ради людей</i>			.55			.61		
Уважает традиции своего народа и следует им			.52					
Имеет любимое занятие (хобби)			.50					
Не кричит в лесу, горах и т.д.			.46					
<i>Храбрый</i>			.46	.45			.61	
Уважающий людей			.42					
Искренний			.41					
Рассудительный				.71				
Терпеливый				.62				
Умеет правильно организовывать свое время				.62				
Заботится о своем здоровье				.54				
<i>Оптимист</i>				.54			.60	
Находит общий язык с людьми независимо от возраста				.43				
Честный				.42				
<i>Веселый</i>					.70		.62	
Хороший друг					.65			
Не обижает животных					.51			
Щедрый					.45			
Не злопамятный					.45			
Гостеприимный					.44			
Приветливый					.41			
Не ворует						.55		
Уважает и любит природу						.53		
Жалостливый						.50		
Предприимчивый							.54	
% объясненной дисперсии	16.4	7.7	5.4	4.7	4.6	20.4	6.0	5.0

Примечание. В таблицу включены факторные веса более 0,40. Курсивом выделены дескрипторы, встречающиеся в обоих срезах исследования.

В пятый фактор включены дескрипторы, описывающие человека добродушного, приветливого и гостеприимного. Интересным здесь является дескриптор «не обижает животных», который является культурно специфичной особенностью народа саха. У саха природный мир является одухотворенным и, более того, субъектным. Данную особенность якутской культуры впервые описали русские путешественники (Маак, 1994; Серошевский, 1993; Чернышевский, 1940; Ярославский, 1979 и др.). Дальнейшие исследования А.П. Оконешниковой (1986), Е.Д. Макарова (2001), А.Д. Марфусаловой (2002), А.С. Саввинова (2005), У.А. Винокуровой (2014) подтвердили данную культурную особенность. По этой причине гостеприимность и приветливость не ограничиваются миром людей, а распространяются и на природный мир.

Таким образом, факторы, полученные в 2002 г., отражают сдержанность, внутренний контроль, ориентацию на внешний мир, присущие традиционному мировоззрению якутов.

Первый фактор второго среза объединил дескрипторы, описывающие *отношение человека к окружающему миру*: социальному и природному, отличительными чертами являются альтруизм, доброта и внутренняя порядочность. Стоит отметить, что, как было указано ранее, понятия «живет ради людей», «не злословит за спиной», «уважает и любит природу» соответствуют традиционным ценностям народа саха. В якутской культуре нравственным считается уважение интересов других людей. В то же время, следует отметить, что жизнь ради людей в якутской культуре не несет характера самопожертвования (Портнягин, 1999). Скорее всего, здесь мы наблюдаем нравственную сторону проявления коллективистской культуры — самовыражение личности проявляется через согласование с интересами других людей, в котором личность не теряет собственную самобытность, а выдерживается тонкая грань между сохранением собственной ценности и служению интересам других людей.

Второй фактор — фактор *активности*, в котором основной вес имеет дескриптор «целеустремленный». Интересно сочетание дескрипторов, объединенных в данном факторе. С одной стороны, сюда вошли дескрипторы, олицетворяющие человека волевого: *целеустремленность, храбрость и предприимчивость*. С другой стороны, черты характера, символизирующие позитивное отношение к жизни: *веселый и оптимист*, а также *уважающий себя, других и чуткий*. Следовательно, активность здесь не эгоцентричная, она учитывает и мнения окружающих.

Фактор *тактичности* объединяет всего четыре дескриптора: «умеет промолчать в беседе в нужный момент», «умеет слушать собеседника», «образованный» и «скромный». Данные дескрипторы характеризуют особенности человека в общении и демонстрируют специфику «культуры молчания», где наиболее важным фактором эффективного общения является умение «оттенять» и «раскрывать» собеседника, не захватывая лидерство в разговоре, не выражая явно свои позиции. Как уже говорилось, «культура молчания» считается компонентом традиционной якутской культуры. Н.Г. Чернышевский писал, что родители могли наказывать детей взглядом, не произнося ни одного слова. Помимо этого, многие слова в речи собеседников нарочно опускались, оставляя некие пробелы в речи, которые собеседники интерпретировали самостоятельно (Чернышевский, 1940). Данный фактор

частично совпадает с *коммуникативным* фактором и фактором *социальной компетентности*, выделенными в первом срезе.

По результатам факторного анализа дескрипторов во втором срезе выделены факторы, в которых сохраняется связующая нить традиционного мировоззрения народа саха — расширение границ общения за счет включения природного мира, важность мнения окружающих и соблюдение «культуры молчания».

Таким образом, результаты факторного анализа в обоих срезах исследования имеют много общего: сохраняется отношение к природному миру как к активному участнику жизнедеятельности человека, значимость мнения окружающих, приверженность «культуре молчания». В целом неизменными смысловыми объединениями нравственных дескрипторов являются следование традициям и социальная ориентация.

Заключение

Результаты исследования, проведенного с интервалом в 15 лет (2002—20017 гг.) свидетельствуют о стабильности основных факторов имплицитных представлений подростков саха о нравственном человеке. Неизменными остаются такие нравственные категории, как взаимопомощь и поддержка, уважение к старшим, к себе, к окружающим, к природному миру, а также значимость следования традициям, почитания природного мира, сохранения «культуры молчания». На наш взгляд, в сохранении стабильности нравственных ценностей немаловажную роль играет семья. Выявлено, что почти в половине случаев в качестве нравственного человека описываются члены семьи, при этом чаще нравственным является не конкретный поступок, а образ в целом.

Сравнительный анализ поступков, описанных респондентами в первом и втором срезах исследования, показал, что общее заключается в том, что нравственными поступками остаются акты помощи, поддержки, участия, верности, а также следование традициям. Различия проявляются в том, что в нравственных представлениях подростков в 2002 г. в большей мере отражались особенности взаимодействия человека с социальным и природным миром, а через 15 лет — особенности личностных качеств человека, его самовыражения.

Результаты исследования могут быть использованы в разработке воспитательных технологий, направленных на духовно-нравственную социализацию подрастающего поколения. Особенности динамики представлений подростков саха о нравственном поведении могут послужить основой для выбора конкретных педагогических и психологических приемов.

Список литературы

- Александров Н.А.* Якуты. М.: Типография И.Я. Полякова, 1899. 38 с.
- Анучин Д.А.* Этнографические очерки Сибири второй половины XIX столетия. М., 1876. 295 с.
- Воловикова М.И.* Нравственная психология: современное состояние и перспективы исследований // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2 (10). С. 6—29.

- Винокурова У.А.* Экософия культуры Арктики // Арктика XXI в. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (3). С. 59–62.
- Гренкова Л.Л.* Представления подростков о порядочном человеке // Психология личности: новые исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 1998. С. 239–249.
- Григорьева А.А.* Теория и практика семейной этнопедагогике народа саха: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1999.
- Елисеева Н.Д.* Социальные представления народа саха о нравственном человеке: дис. ... канд. психол. наук. Институт психологии РАН. М., 2004.
- Кипиани Г.Г.* Представления об эффективном руководителе в грузинской культуре // Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. М., 1999. С. 85–86.
- Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под. общ. ред. А.В. Петровского, М.П. Ярошевского. 2-е изд. Ростов н/Дону: Феникс, 1998. 494 с.
- Маак Р.К.* Виллойский округ. 2-е изд. М., 1994. 592 с.
- Макаров Е.Д.* Основы экологического воспитания. Якутск, 2002. 167 с.
- Макарова А.П.* Социально-психологические особенности морального сознания представителей этноса саха: дис. ... канд. психол. наук. Якутск, 2011.
- Марфусалова А.Д.* Мудрость экотрадиций северян. Якутск: Изд-во СО РАН, 2002. 107 с.
- Нафанаилова М.С., Егорова А.И.* Образ «Я» в структуре Я-концепции этноса саха // Наука и образование. 2007. № 2. С. 114–119.
- Новиков А.Г.* О менталитете саха. Якутск: Изд-во Аналитического центра при Президенте РС(Я), 1995. 230 с.
- Оконешникова А.П.* Межэтническое восприятие и понимание людьми друг друга: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1986.
- Пекарский Э.К., Попов Н.П.* Среди якутов: случайные заметки / Якут. секция ВСОРГО. Иркутск: Власть Труда, 1928. 33 с.
- Попов Б.Н.* Культура семейного воспитания народов Севера. Якутск: Бичик, 2000. 64 с.
- Портнягин И.С.* Этнопедагогика «Кут-сур». М.: Academia, 1999. 164 с.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997. 191 с.
- Саввинов А.С.* Человек через призму «Кут-сур». Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1995. 112 с.
- Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
- Смирнова Н.Л.* Образ умного человека: российское исследование // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во Института психологии РАН, 1997. С. 112–131.
- Чернышевский Н.Г.* Избранные педагогические высказывания. М.: Изд-во Наркомпроса, 1940. 192 с.
- Ярославский Е.* О Якутии (труды дореволюционного периода) / сост. П.У. Петров, В.Ф. Иванов. Якутск: Книжное изд-во, 1979. 142 с.
- Azuma H., Kashiwagi K.* Descriptors for an intelligent person: a Japanese study // Japanese Psychological Research. 1987. Vol. 1. Pp. 17–26.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10 апреля 2019

Принята к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Елисеева Н.Д. Динамика имплицитных представлений подростков саха о нравственном человеке (2002—2017 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 147—162. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-147-162>

Сведения об авторе:

Елисеева Наталья Дмитриевна, кандидат психологических наук, заместитель директора по научно-методической работе Государственного бюджетного учреждения Республики Саха (Якутия) «Центр социально-психологической поддержки семьи и молодежи», (Якутск, Россия); докторант лаборатории психологии личности Института психологии Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: Eliseeva_n_d@mail.ru

Research article

Dynamics of Representations about Moral Person in Sakha Adolescents (2002—2017)

Natalia D. Eliseeva

Center for Social and Psychological Support of Family and Youth of the Republic of Sakha (Yakutia)
21 Kalandarashvili St., Yakutsk, 677013, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation
Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences
13 Yaroslavskaya St., Moscow, 129366, Russian Federation

High rates of social and economic changes actualize the problem of morality in modern society. Currently, the psychology of morality has taken shape in a separate scientific research area. The study of the problem of morality in the framework of its cultural understanding, the analysis of the dynamics of ideas about the morality within the culture is of particular relevance. The aim of the current research is to study the dynamics of the implicit representations of the Sakha adolescents about a moral person in the period from 2002 to 2017. It was assumed that there had been no significant changes in the implicit representations for 15 years. In total, 522 people took part in the study, including the preparatory stage. The samples of the first (2002) and second (2017) sections were equalized by gender and age (112 adolescents 14—17 years old, including 49 boys, 63 girls). The study was conducted in the same localities of the Republic of Sakha (Yakutia). The method proposed by the Japanese researchers H. Azuma and K. Kashiwagi, the original questionnaire compiled on the basis of descriptors of the studied culture, was used for the diagnosis. In addition, for a qualitative study of the implicit representations, the analysis of actions that prove the morality of the described person was carried out. The results were processed using factor and content analysis. It has been established that the most stable are implicit ideas about mutual aid and support, respect for the social and natural world, the importance of traditions and the preservation of the “culture of silence”. It is assumed that the family plays an important role in maintaining the stability of moral values. The differences are manifested in the fact that in the content characteristics of the implicit representations the emphasis is shifting from the peculiarities of the interaction with the outside world to the manifestation of personal qualities.

Key words: morality; moral person; implicit representations; Sakha; adolescents; cultural descriptors

References

- Anuchin, D.A. (1876). *Ethnographic essays of Siberia of the second half of the XIX century*. Moscow, 295. (In Russ.)
- Azuma, H., & Kashiwagi, K. (1987). Descriptors for an intelligent person: a Japanese study. *Japanese Psychological Research*, (1), 17–26.
- Chernyshevskiy, N.G. (1940). *Izbrannye pedagogicheskie vyskazyvaniya*. Moscow: Narkomprosa Publ., 192. (In Russ.)
- Eliseeva, N.D. (2004). *Socialnye predstavleniya naroda saha o nravstvennom cheloveke*: Pc.D. in Psychology Thesis. Moscow. (In Russ.)
- Grenkova, L.L. (1998). Predstavleniya podrostkov o poryadochnom cheloveke. *Psikhologiya lichnosti: novyye issledovaniya* (pp. 239–249). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Grigoreva, A.A. (1999). *Teoriya i praktika semejnoy ehnpedagogiki naroda sakha*. Ph.D. in Pedagogical Thesis. Moscow. (In Russ.)
- Kipiani, G.G. (1999). Predstavleniya ob ehffektivnom rukovoditele v gruzinskoj kul'ture. *Individual'nyj i gruppovoj subekty v izmenyayushchemsya obshchestve* (pp. 85–86). Moscow. (In Russ.)
- Maak, R.K. (1994). *Vilyujskij okrug*. Moscow. (In Russ.)
- Makarov, E.D. (2002). *Osnovy ehkologicheskogo vospitaniya*. Yakutsk. (In Russ.)
- Makarova, A.P. (2011). *Socio-psychological features of moral consciousness in representatives of the Sakha ethnic group*. Ph.D. in Psychology Thesis. Yakutsk. (In Russ.)
- Marfusalo, A.D. (2002). *Mudrost' ehkotradicij severyan*. Yakutsk. (In Russ.)
- Nafanaila, M.S., & Egorova, A.Iu. (2007). The image of “Self” in the structure of self-concept of the ethnos of Sakha. *Science and education*, (2), 114–119. (In Russ.)
- Novikov, A.G. (1995). *O mentalitete sakha*. Yakutsk: Analiticheskii centr pri Prezidente RS(YA). (In Russ.)
- Okoneshnikova, A.P. (1986). *Mezhehtnicheskoe vospriyatie i ponimanie lyud'mi drug druga*. Ph.D. in Psychology Thesis. Moscow. (In Russ.)
- Pekarskiy, E.K., & Popov N.V. (1928). *Sredi yakutov: sluchajnye zametki*. Irkutsk: Vlast' Truda Publ. (In Russ.)
- Petrovskiy, A.V., & Yaroshevskiy, M.P. (1998). *Kratkiy psikhologicheskij slovar'*. Rostov n/Donu: Feniks Publ. (In Russ.)
- Popov, B.N. (2000). *Kul'tura semejnogo vospitaniya narodov Severa*. Yakutsk: Bichik Publ. (In Russ.)
- Portnyagin, I.S. (1999). *Etnopedagogika “Kut-sur”*. Moscow: Academia Publ. (In Russ.)
- Rubinshtein, S.L. (1997). *Chelovek i mir*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Seroshevsky, V.L. (1993). *The Yakuts. Experience of ethnographic research*. Moscow. (In Russ.)
- Smirnova, N.L. (1997). Obraz umnogo cheloveka: rossijskoe issledovanie. *Rossijskij mentalitet: voprosy psihologicheskoy teorii i praktiki* (pp. 112–131). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ.
- Vinokurova, U.A. (2014). Ecosophy of culture of the Arctic. *Arctic XXI century. Humanities*, 2(3), 59–62.
- Volovikova, M.I. (2018). Nravstvennaya psihologiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovaniy. *Institut psikhologii RAS. Sotsialnaya i ekonomicheskaya psihologiya*, 3(2), 6–29. (In Russ.)
- Yaroslavskij, E.O. (1979). *Yakuti (trudy dorevolucionnogo perioda)*. Yakutsk: Book Publishing House, 142. (In Russ.)

Article history:

Received: 10 April 2019

Revised: 24 May 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Eliseeva, N.D. (2019). Dynamics of Representations about Moral Person in Sakha Adolescents (2002—2017). *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 147—162. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-147-162>

Bio Note:

Natalia D. Eliseeva, Ph.D. in Psychology, is Deputy Director for scientific and methodological work of the Center for Social and Psychological Support of Family and Youth (Yakutsk, Russia); and doctoral student of the Laboratory of Psychology of Personality, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: Eliseeva_n_d@mail.ru

Исследовательская статья

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-163-180

УДК 159.9.07

Психосоциальный статус пациентов с хронической сердечной недостаточностью, ожидающих трансплантацию сердцаР.Ю. Шиндrikов^{1,2}, О.Ю. Щелкова^{2,3}, Е.А. Демченко⁴, М.Ю. Ситникова⁴¹ Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова*Российская Федерация, 197022, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6–8*² Санкт-Петербургский государственный университет*Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9*³ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева*Российская Федерация, 192019, Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, 3*⁴ Национальный медицинский исследовательский центр имени В.А. Алмазова*Российская Федерация, 197341, Санкт-Петербург, ул. Аккуратова, 2*

В статье представлены результаты пилотного исследования психосоциального статуса 80 больных (85 % мужчин) с терминальной хронической сердечной недостаточностью (ХСН), находящихся на лечении в НМИЦ имени В.А. Алмазова в период ожидания трансплантации сердца (ТС). Изучена взаимосвязь психологических, медико-биологических и социально-демографических характеристик больных, а также динамика эмоционального состояния в течение длительного пребывания в кардиологическом стационаре (4 замера в течение полугода). Использовались авторское интервью и комплекс психодиагностических методов: «Индекс общего самочувствия», «Краткое нейропсихологическое обследование когнитивной сферы», шкала депрессии (SDS), шкала тревожности (STAI), личностный опросник BIG-V. Для математико-статистической обработки данных использовались критерий χ^2 , U-критерий Манна — Уитни, коэффициенты корреляции Спирмена и Пирсона, однофакторный дисперсионный анализ ANOVA, включенные в пакет программ SPSS v. 20.0.

Данные, полученные на первом этапе (при поступлении в стационар), отразили отсутствие клинически значимых признаков депрессии, нарушений когнитивной деятельности, личности и системы значимых отношений у большинства пациентов. Исключение составлял повышенный уровень ситуативной тревожности ($M \pm m = 43,2 \pm 7,1$). Наблюдение динамики эмоционального состояния пациентов отразило планомерное возрастание среднегрупповых показателей шкалы депрессии (при поступлении $M \pm m = 46,9 \pm 6,7$; через 2 месяца $M \pm m = 48,9 \pm 7,4$; через 4 месяца $M \pm m = 51,1 \pm 7,6$; через 6 месяцев $M \pm m = 52,6 \pm 7,5$), а также снижение уровня ситуативной тревожности на втором этапе исследования по сравнению с

© Шиндrikов Р.Ю., Щелкова О.Ю., Демченко Е.А., Ситникова М.Ю., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

первым и дальнейшее возрастание, начиная со второго периода: через 2, 4, 6 месяцев пребывания в стационаре соответственно: $M \pm m = 41,3 \pm 5,2$; $M \pm m = 46,7 \pm 6,8$; $M \pm m = 50,8 \pm 7,9$). Выявлено, что уровень ситуативной тревожности на втором ($F = 6,18$; $p < 0,05$) и третьем ($F = 4,11$; $p < 0,05$) этапах лечения значимо выше у лиц, перенесших инфаркт(ы) миокарда. Уровень ситуативной тревожности выше на первом ($F = 4,00$; $p < 0,05$) и третьем ($F = 3,68$; $p < 0,05$) этапах госпитализации у пациентов, имеющих редкие встречи с родными, по сравнению с пациентами, которых близкие посещают часто.

Полученные результаты отражают психосоциальный потенциал пациентов, ожидающих ТС, и могут иметь прогностическое значение в отношении приверженности лечению в послеоперационном периоде, которая, в свою очередь, во многом определяет выживаемость больных.

Ключевые слова: хроническая сердечная недостаточность; трансплантация сердца; депрессия; тревожность; когнитивная сфера; личность; система отношений; динамика; прогноз комплаентности

Введение

Широкая распространенность сердечно-сосудистых заболеваний в современном обществе является не только важной медицинской, но и социальной проблемой, оказывающей серьезное влияние на качество жизни едва ли не половины зрелых и пожилых людей во всем мире, и имеющей в том числе экономический аспект, так как современное высокотехнологичное лечение, восстанавливая и значительно улучшая физическое состояние пациента, не гарантирует возвращения к привычному образу жизни и профессиональной деятельности (Лубинская и др., 2012). Это в полной мере относится к хронической сердечной недостаточности (ХСН), являющейся неизбежным исходом прогрессирования ряда кардиологических заболеваний, единственным методом лечения которой нередко остается трансплантация сердца (ТС).

Исследование психосоциального статуса пациентов, ожидающих ТС, является не только практически обоснованным в клинической практике, но и имеет большую научную ценность в рамках понимания основных механизмов развития психических нарушений, связанных с нарушением гемодинамики, стрессом, вызванным длительным ожиданием хирургического вмешательства и продолжительными госпитализациями. Неоспоримым является влияние на прогноз лечения и реабилитации таких психологических факторов, как тревога и депрессия (Schneekloth et al., 2018; Müller-Tasch et al., 2017; Baird et al., 2018 и др.), однако динамика эмоциональной сферы в период ожидания ТС остается слабо исследованной. Безусловно, ХСН и коморбидные заболевания сказываются и на когнитивных функциях больных, обратимость и динамика снижений которых все больше исследуется (Terhoeven et al., 2019; Doehner et al., 2018 и др.), но полученные результаты часто разнятся и не позволяют сформулировать конкретных рекомендаций касательно оценки когнитивной сферы, психосоциального сопровождения и реабилитации пациентов с когнитивными снижениями, вызванными ХСН. Довольно распространенными являются исследования, направленные на изучение качества жизни больных ХСН до и после ТС (Шевченко и др., 2014; Dracup et al., 1992; Juenger et al., 2002; Uchmanowicz, Gobbens, 2015 и др.). Часто личностные характеристики исследуются в рамках классической психосоматической па-

радигмы, где возникновение заболевания связывается с некоторыми специфическими личностными и поведенческими типами (Schiffer et al., 2007). В аспекте изучения психологического потенциала пациентов, ожидающих ТС, наиболее интересными представляются исследования копинг-стратегий и личностных копинг-ресурсов (Klein et al., 2007; Alhurani et al., 2018). Несмотря на множество исследований различных характеристик пациентов до и после ТС в настоящее время не существует общей прогностической модели, описывающей основные психосоциальные факторы риска для пациентов с ХСН.

Изучение психосоциальных характеристик больных с ХСН является важным этапом общей оценки пациента перед занесением в лист ожидания трансплантации сердца (ЛОТС), так как от состояния когнитивных функций, эмоционально-аффективной, мотивационно-смысловой сфер личности, наличия социальной поддержки, комплаентности больного во многом зависит прогноз послеоперационного восстановления. Об этом свидетельствуют немногочисленные результаты изучения прогноза при ХСН и ТС, которые ясно показали, что помимо соматических и клинических характеристик самого патологического процесса, прогноз зависит от факторов, относящихся к области психологии (Sokoreli et al., 2018; Дробижев и др., 2016; Vogels et al., 2007; Kessing et al., 2016, Симоненко и др., 2018). Предполагается, что ряд психологических особенностей связан с множеством других медицинских и социальных факторов, взаимодействие (взаимовлияние) которых определяет психологический потенциал пациента, ожидающего ТС. Поэтому прогностическая оценка эффективности ТС и предтрансплантационного периода должна проводиться в междисциплинарном медико- и биопсихосоциальном контексте. В связи с этим в комплексном лонгитюдном исследовании планируется определить наиболее информативные психологические характеристики больных ХСН перед включением в ЛОТС, что одновременно будет способствовать оптимальной организации психологического сопровождения пациентов в период длительной госпитализации, необходимой в процессе ожидания операции. Промежуточные данные, полученные на выборке из 80 пациентов в динамике на протяжении 6 месяцев, представлены в настоящей статье.

Цель данного исследования — изучение психологических характеристик и социальных позиций больных в терминальной стадии ХСН, их связи с медико-биологическими показателями и динамики в течение первых шести месяцев после принятия решения о включении в ЛОТС. На основе полученных данных — выделение наиболее значимых характеристик, обеспечивающих психологический потенциал пациентов, ожидающих ТС.

Процедура и методы исследования

Выборку исследования составили 80 пациентов (68 мужчин и 12 женщин) в терминальной стадии ХСН (IIБ—III стадии), находящихся на лечении в ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр имени В.А. Алмазова» (Санкт-Петербург) и направленных на комиссию по включению в ЛОТС. Средний возраст пациентов — $51,15 \pm 9,2$ лет. Все участники исследования имели

диагноз ХСН IIб—III стадии, II—IVФК (NYHA), несмотря на проводимую медикаментозную и электрофизиологическую терапию. Коморбидные заболевания, учитываемые в исследовании: сахарный диабет 2 типа был диагностирован у 40 пациентов (50 %), гипертоническая болезнь 3-й стадии — у 52 пациентов (65 %), инфаркт миокарда перенесли 64 человека (80 %). Этиология ХСН: ишемическая болезнь сердца (ИБС) (65 %), дилатационная кардиомиопатия (ДКМП) (35 %). Критерии исключения: верифицированные психические заболевания, расстройства аффективного спектра, алкогольная или наркотическая зависимости, а также фармакотерапия с применением наркотических или психотропных препаратов. Социально-демографические и медико-биологические характеристики выборки представлены в табл. 1.

Таблица 1/ Table 1

Социально-демографические и медико-биологические характеристики выборки
[Socio-demographic and biomedical characteristics of the sample]

Характеристики выборки	Значения	<i>n</i>
Мужской пол	85 %	68
Средний возраст	51,15 ± 9,2	80
Высшее образование	67,5	54
Состоят в браке	87,5 %	70
Имеют постоянное место работы	50 %	40
Имеют детей	83,8 %	67
Городские жители	75 %	60
Функциональный класс хронической сердечной недостаточности (по NYHA) ХСН IIб	91,3 %	73
Функциональный класс хронической сердечной недостаточности (по NYHA) ХСН III	8,8 %	7
Функциональный класс стенокардии (ФК) II*	11,3 %	9
Функциональный класс стенокардии (ФК) III*	67,5 %	54
Функциональный класс стенокардии (ФК) IV*	20 %	16
Сахарный диабет 2 типа	50 %	40
Гипертоническая болезнь в 3-й стадии	65 %	52
Перенесли инфаркт миокарда	80 %	64
Ишемическая болезнь сердца	65 %	52
Дилатационная кардиомиопатия	35 %	28

Примечание: * — у одного пациента ФК не определен.

Методы и методики исследования. В соответствии с целью настоящего исследования использовался комплекс клинических, клинико-психологических и психометрических методов и методик.

Клинический метод реализован с помощью анализа медицинской документации и информационной базы данных НМИЦ имени В.А. Алмазова Минздрава России. На каждого больного заполнялась индивидуальная карта, включающая следующие блоки информации: анамнестические сведения, объективные показатели состояния сердечно-сосудистой системы, субъективная оценка состояния, сопутствующие заболевания.

Клинико-психологический метод представлен авторским структурированным интервью, отражающим социальные позиции больного и его систему значимых отношений: профессиональная и семейная сферы, сферы межличностного взаимодействия и здоровья и отношения к лечению и др.

Психометрические методы использованы для целенаправленной и объективной (стандартизированной) оценки состояния различных областей психической деятельности и личности пациентов: субъективная оценка общего самочувствия пациента выявлялась с помощью экспресс-методики «Индекс общего (хорошего) самочувствия, WHO-5» (World Health Organization, 1998; Топр et al., 2015); оценка состояния когнитивной сферы проводилась с помощью методики «Краткое нейропсихологическое обследование когнитивной сферы, КНОКС» (Тонконогий, 2010); основные характеристики эмоционально-аффективной сферы изучались с помощью адаптированных методов оценки выраженности негативных эмоциональных состояний, традиционно применяющихся в соматической клинике — «Шкалы самооценки депрессии, SDS» (Рыбакова, Балашова, 1988) и «Шкалы реактивной и личностной тревожности, STAI» (Ханин, 1976); личностно-типологические особенности пациентов оценивались с помощью тест-опросника «Большая пятерка, BIG-V» (Первин, Джон, 2001) в адаптации Д.П. Яничева (Яничев, 2006).

Относительно устойчивые параметры личности, медико- и социально-психологические характеристики больных фиксировались однократно, перед комиссией по включению в ЛОТС. Исследование эмоционального состояния проводилось в динамике: перед включением пациента в ЛОТС и далее повторно каждые 2 месяца в течение как минимум 6 месяцев.

Статистическая обработка данных произведена с помощью метода анализа номинативных признаков (критерий χ^2 Пирсона), непараметрического метода сравнения двух выборок (U -критерий Манна — Уитни), коэффициентов корреляции Спирмена и Пирсона, однофакторного дисперсионного анализа ANOVA. Расчеты осуществлялись с использованием программного пакета SPSS v. 20.0.

Результаты и их обсуждение

На этапе пилотного исследования перед включением пациента в ЛОТС с помощью психометрических методов оценивались особенности эмоционального состояния, когнитивной деятельности, личности, которые анализировались в контексте соматического состояния больного и его социально-психологической ситуации.

Психосоциальные и клиничко-психологические характеристики

Анализ социально-демографических данных (табл. 1), полученных с помощью структурированного интервью, показал, что большинство исследованных больных имеют высшее образование (67,5 %), состоят в браке (87,5 %), имеют детей (83,8 %), являются городскими жителями (75 %), половина исследуемых имеют постоянную работу.

Подавляющее большинство (90 %) пациентов на момент обследования не связывают свое актуальное состояние с текущими психотравмирующими событиями, 55 % пациентов отмечают, что поддерживают постоянный контакт с родными и близкими людьми, получают эмоциональную поддержку, участвуют в жизни семьи и общества. Важным представляется результат субъективной оценки

актуального психологического состояния: несмотря на объективно тяжелый соматический статус (верифицированная терминальная стадия ХСН) большинство пациентов (81,3 %) не имеют жалоб на психологическое состояние в целом, на настроение и состояние когнитивной сферы.

Эмоционально-аффективные состояния

Среднегрупповое значение «Индекса хорошего самочувствия» (методика WHO-5) составляет $67,87 \pm 23,4$ (при максимально возможном показателе 100), что соответствует среднему уровню удовлетворенности своим самочувствием и эмоциональным состоянием и не противоречит субъективной оценке психологического состояния по данным клинико-психологического интервью.

Средний показатель уровня ситуативной (реактивной) тревожности на первом этапе исследования в целом по группе оказался несколько завышенным ($M \pm m = 43,23 \pm 7,08$) (соответствующим среднему уровню выраженности тревожной симптоматики, по классификации автора методики STAI), что можно связать с ухудшением самочувствия пациентов, последующей госпитализацией и процессом адаптации к ней; уровень личностной тревожности также соответствовал среднему уровню выраженности ($M \pm m = 43,06 \pm 7,08$).

Среднегрупповой показатель выраженности депрессии в этот период оказался в пределах нормативного диапазона ($M \pm m = 46,93 \pm 6,71$). Анализ распределения пациентов по уровням выраженности депрессивной симптоматики, предложенный автором методики SDS, показал отсутствие признаков депрессии у 72,7 % пациентов, наличие субдепрессии — у 21,05 %, умеренно выраженную депрессию — у 6,25 %. Важно подчеркнуть, что полученные в психологическом исследовании результаты соответствуют клинической оценке врачей-кардиологов, так как наличие выраженных аффективных расстройств является противопоказанием к включению в ЛОТС. Кроме того, высокий уровень тревожности является главным фактором риска развития невротических реакций и невротоподобных расстройств, которые в свою очередь могут серьезно осложнить процесс ожидания ТС и реабилитации после нее, серьезно ухудшив психологический потенциал пациента.

В соответствии с планом пилотного исследования показатели эмоционального состояния были сопоставлены в подгруппах больных ХСН, разделенных по клиническим (медико-биологическим) параметрам. Обнаружены статистически значимые различия выраженности депрессивной симптоматики у больных ХСН различной этиологии: общий показатель депрессии оказался существенно выше ($p < 0,001$) в подгруппе больных ИБС ($M \pm m = 49,28 \pm 6,55$) по сравнению с подгруппой больных с ДКМП ($M \pm m = 43,22 \pm 4,99$).

Когнитивные функции

Для прогнозирования поведения пациента в период ожидания трансплантации органа, комплаентности в послеоперационном периоде, в том числе приверженности рекомендованному врачом образу жизни в дальнейшем, то есть, по сути

дела, для прогнозирования выживаемости больных после ТС, существенное значение имеет состояние когнитивных функций, обеспечивающее ясное понимание пациентом необходимости строгого соблюдения рекомендаций специалистов, умение критически оценивать и прогнозировать свое поведение и образ жизни. Именно поэтому перед включением больного ХСН в ЛОТС было проведено скрининговое исследование состояния когнитивных функций с помощью компактной стандартизированной методики КНОКС.

Согласно интегральному показателю КНОКС, отсутствие когнитивных нарушений отмечалось почти у одной четверти пациентов (22,5 %); более половины исследуемых (60 %) имеют легкую степень когнитивного дефицита, обуславливающую незначительные затруднения в основных сферах отношений и жизнедеятельности; средняя степень когнитивного дефицита выявлена у 20 %, которые могут испытывать более выраженные затруднения в повседневной жизни по причине снижения памяти, внимания, умственной работоспособности, пространственного гнозиса и праксиса.

Анализ интергестового разброса показателей позволил выявить наиболее низкие среднегрупповые оценки субтестов КНОКС: «Набор последовательностей» ($M \pm m = 2,78 \pm 0,44$), «Нахождение сходства» ($M \pm m = 2,59 \pm 0,54$), «Внимание» ($M \pm m = 2,55 \pm 0,57$), «Рабочая память» ($M \pm m = 2,35 \pm 0,69$). Таким образом, наиболее уязвимыми у больных терминальной ХСН являются функции активного внимания, зрительно-пространственной и оперативной памяти, психомоторики, абстрактно-логического мышления.

В дальнейшем показатели когнитивной деятельности пациентов были соотнесены с рядом медико-биологических параметров. Выявлена высоко статистически значимая отрицательная взаимосвязь между интегральным показателем КНОКС и продолжительностью ХСН ($r = -0,387$; $p < 0,001$): чем продолжительнее ХСН, тем хуже общее состояние когнитивной сферы пациентов. Также выявлена статистически значимая взаимосвязь между интегративным показателем КНОКС и стадией ХСН: чем тяжелее недостаточность и хуже гемодинамика, тем ниже общий показатель когнитивного функционирования ($r = -0,333$; $p < 0,05$).

Личностные характеристики

Личностные характеристики пациентов наряду с актуальным эмоциональным состоянием и особенностями/дефицитами когнитивной сферы являются потенциально важными предикторами поведения пациента в лечебном процессе, в частности в период восстановительного лечения после высокотехнологичного кардиохирургического вмешательства (Яковлева, 2016). Для их изучения была использована методика BIG-V, построенная на пятифакторной модели личности (Первин, Джон, 2001) и позволяющая объективизировать ее индивидуально-типологические особенности, во многом определяющие стереотипы поведения человека в различных жизненных ситуациях.

В табл. 2 приведено процентное распределение средних значений шкальных оценок методики BIG-V в изученной группе больных ХСН.

Таблица 2/ Table 2

Распределение средних значений шкальных оценок методики BIG-V больных ХСН
[Distribution of average values of the BIG-V scale estimates for patients with CHF]

Шкалы методики BIG-V	Значения шкальных оценок, %		
	Низкие	Средние	Высокие
Экстраверсия	20,0	51,3	28,7
Самосознание	15,0	70,0	15,0
Кооперативность	46,3	38,7	15,0
Эмоциональная стабильность	42,5	51,3	6,2
Личностные ресурсы	20,0	58,7	21,3

Анализ полученных результатов показывает относительно равномерное процентное распределение шкальных оценок по уровням выраженности, что свидетельствует о достаточной сбалансированности черт личности пациентов исследованной группы, отсутствии выраженного преобладания экстремально высоких значений, отражающих личностные акцентуации и девиации.

Среди особенностей можно выделить большую частоту встречаемости средних значений (а также значительный процент высоких значений) оценок по шкале «Экстраверсия» и низких значений по шкале «Кооперативность» (готовность к согласию, сотрудничеству). Кроме того, 70,0 % пациентов имеют средний уровень показателей по шкале «Самосознание», что в совокупности с 15,0 % пациентов, имеющих высокие показатели по этой шкале, свидетельствует о наличии у подавляющего числа исследованных пациентов соответствующих черт в структуре личности: организованности, ответственности, целеустремленности, высокой мотивации деятельности. Важно также то, что 80,0 % пациентов имеют средние и высокие значения по шкале «Личностные ресурсы», характеризующей стремление к самосовершенствованию, поиску новых путей решения проблем.

Таким образом, можно заключить, что среди изученных пациентов преобладают лица активные, эмоциональные, общительные, однако их общение не в полной мере наполнено эмоционально теплым, доверительным отношением к людям; рисунок поведения имеет скорее активный, целеустремленный, организованный, высоко мотивированный индивидуалистичный характер. Прогностическая значимость такого паттерна личностных черт в отношении комплаентности пациентов в восстановительном периоде после ТС и в период ее ожидания не очевидна и требует специального исследования.

При изучении взаимосвязи показателей методики BIG-V с социальными и медицинскими показателями больных ХСН статистически значимых корреляций не получено. В то же время выявлена взаимосвязь показателя шкалы «Экстраверсия» с «Индексом хорошего самочувствия» методики WHO-5 ($r = 0,195, p < 0,05$): чем более экстравертирован (менее интровертирован) пациент, тем лучше он оценивает свое актуальное физическое и психологическое состояние и перспективу.

***Динамика эмоционального состояния
в период ожидания трансплантации органа***

Пилотное исследование эмоциональной сферы, проведенное вскоре после поступления пациентов в клинику, показало, что во всей группе больных ХСН

преобладает средний уровень выраженности ситуативной и личностной тревожности, депрессивная симптоматика отсутствует у двух третей пациентов, у четверти — есть признаки минимальной, легкой депрессии, или субдепрессии, что в целом свидетельствует об отсутствии клинически выраженных аффективных расстройств и наличии у пациентов психологически понятных негативных эмоциональных переживаний в ситуации тяжелого жизнеопасного соматического заболевания.

Однако можно предположить, что характеристики эмоционально-аффективной сферы больных с терминальной сердечной недостаточностью имеют динамику в течение длительного периода ожидания трансплантации органа, а также связь этой динамики с социальными и медицинскими параметрами больных. Для проверки этой гипотезы было проведено динамическое исследование показателей тревожности и депрессии, включавшее четыре этапа: показатели методик STAI и SDS измерялись при занесении пациента в ЛОТС, повторные измерения проводились каждые 2 месяца в течение полугода.

В табл. 3 приведены результаты динамического исследования уровня ситуативной (реактивной) тревожности больных ХСН, полученные с помощью методики STAI.

Таблица 3/ Table 3

Динамика показателей уровня ситуативной тревожности больных ХСН
[Dynamics of the situational anxiety indicators in patients with CHF]

Показатель методики STAI	А — при поступлении ($M \pm m$)	В — через 2 месяца ($M \pm m$)	С — через 4 месяца ($M \pm m$)	Д — через 6 месяцев ($M \pm m$)	Достоверные различия
Уровень ситуативной тревожности	43,23 ± 7,08	41,31 ± 5,22	46,72 ± 6,83	50,76 ± 7,86	AB* BC* CD*

Примечание: * — $p < 0,05$.

Сравнение среднегрупповых показателей уровня ситуационной (реактивной) тревожности в разные временные периоды пребывания пациентов в клинике в ожидании ТС показало, что при поступлении в стационар уровень тревожности был средним и несколько завышенным (приближался к верхней границе средних значений), что соответствовало самочувствию, объективной жизненной ситуации, связанной с болезнью и периоду адаптации к условиям клиники. При повторном замере через 2 месяца уровень ситуативной тревожности статистически значимо снизился, хотя и остался в пределах диапазона средних (не низких) оценок; это снижение можно объяснить актуализацией ресурсов психологической адаптации к болезни и лечению. В дальнейшем, при третьем и четвертом замерах, уровень тревожности возрастает, превышая в период «через 6 месяцев» границу высоких значений (46 и выше, по классификации автора STAI). Таким образом, во второй половине шестимесячного ожидания трансплантации органа увеличивается уровень ситуативной тревожности (тревожности как актуального эмоционального состояния), что, вероятно, связано с нарастающим ухудшением физического состояния, общей астенизацией, в том числе с повышенной психической истоща-

емостью, проявляющейся лабильностью эмоционального фона, раздражительностью, тревожными и ипохондрическими реакциями.

В табл. 4 приведены результаты динамического исследования уровня депрессии больных ХСН, полученные с помощью методики SDS.

Таблица 4/Table 4

Динамика показателей уровня депрессии больных ХСН
[Dynamics of the depression indicators in patients with CHF]

Показатель методики SDS	А — при поступлении ($M \pm m$)	В — через 2 месяца ($M \pm m$)	С — через 4 месяца ($M \pm m$)	Д — через 6 месяцев ($M \pm m$)	Достоверные различия
Уровень депрессии	46,93 ± 6,71	48,87 ± 7,43	51,06 ± 7,61	52,64 ± 7,48	AB* BC* CD*

Примечание: * — $p < 0,05$.

Как видно из таблицы 4, среднегрупповые показатели депрессии в течение шестимесячного периода ожидания ТС имеют планомерно возрастающую динамику. При первом и втором измерении (перед комиссией и после двух месяцев) показатели методики SDS не выходят за границы нормативного диапазона, в то время как состояние пациентов через 4 и 6 месяцев пребывания в клинике, согласно психометрической оценке, может быть квалифицировано как субдепрессия, что после клинической верификации может явиться ограничением для проведения ТС.

В дальнейшем с помощью ANOVA была изучена связь показателей ситуативной тревожности и депрессии на разных этапах исследования с медицинскими показателями и социально-психологическими характеристиками больных.

Среди медицинских показателей связанным с динамикой эмоционального состояния оказался показатель «Инфаркт миокарда (ИМ) в анамнезе». На основании использования критерия Ливиня было установлено, что дисперсии сравниваемых групп (пациенты, перенесшие ИМ, и пациенты без ИМ в анамнезе) статистически значимо не различаются, поэтому использование ANOVA можно считать обоснованным для оценки влияния ИМ на изменения эмоционального состояния пациента на разных этапах исследования. Выявлено, в частности, что средние показатели ситуативной тревожности значимо отличаются на втором ($F = 6,176; p < 0,05$) и третьем этапах ($F = 4,106; p < 0,05$) в подгруппах больных, имеющих и не имеющих в анамнезе ИМ (один или более). В обоих периодах уровень тревоги у лиц, имеющих опыт перенесения ИМ, оказался выше.

С помощью однофакторного дисперсионного анализа было выявлено влияние социально-психологического показателя «частота встреч с родными во время госпитализации» на эмоциональное состояние пациента. Согласно критерию Ливиня, установлено, что дисперсии сравниваемых групп больных с различной частотой встреч с родными статистически значимо не различаются, поэтому использование ANOVA можно считать обоснованным для оценки влияния этого фактора на изменение эмоционального состояния пациента на первом, втором

и третьем этапах исследования. Что касается четвертого этапа, то дисперсии сравниваемых групп не однородны, то есть различия между ними носят качественный характер; в этом случае результаты однофакторного ANOVA некорректны на данной выборке. Выявлено, в частности, что средние показатели ситуативной (реактивной) тревожности значимо отличаются на 1 ($F = 4,002; p < 0,05$) и 3 ($F = 3,682; p < 0,05$) этапах пребывания пациента в кардиологическом стационаре. В обоих случаях уровень тревоги оказался выше в подгруппе пациентов, имеющих редкие встречи с родными, по сравнению с пациентами, которых близкие посещают часто и регулярно. На втором этапе различия между группами больных с различной частотой встреч с родными не являются статистически достоверными ($F = 2,137; p > 0,05$) и нуждаются в проверке на более широкой выборке.

Заключение

В настоящее время не требует доказательств участие психологических и социальных факторов в развитии, течении и лечении сердечно-сосудистых заболеваний. В случае ХСН и предстоящей трансплантации органа эти факторы приобретают особое значение, так как во многом определяют комплаентность пациента на этапе ожидания операции, в период восстановительного постоперационного лечения и реабилитации, что прямо взаимосвязано с общим клиническим прогнозом, в том числе с выживаемостью пациентов. В связи с этим возрастает значение прогностических исследований, которые уже на начальных этапах ожидания трансплантации могли бы с высокой степенью вероятности прогнозировать поведение пациента и возможные осложнения, связанные с некомплаентностью в восстановительном периоде после высокотехнологичного и ресурснозатратного хирургического лечения.

Требования доказательности современных медицинских и медико-психологических исследований предполагают комплексное дифференцированное и углубленное изучение как психологических predispositions, так и изменений, привнесенных в психику течением заболевания, а также психологической адаптации пациента к болезни. Очевидно, что в этой сложной системе психосоматических и соматопсихических взаимовлияний при ХСН существенную роль играют характеристики актуального эмоционально-аффективного состояния, степень интеллектуальной сохранности или выраженности когнитивного дефицита, темпераментально-характерологические черты, которые выступают как личностные ресурсы преодоления стрессового состояния и адаптации к болезни. Не меньшее значение имеют внешние, особенно микросоциальные, факторы и межличностные отношения, способные оптимизировать или, напротив, нивелировать эффективность медицинского вмешательства.

Настоящее исследование явилось одним из первых шагов в реализации комплексной программы по изучению прогностической информативности совокупности медико-биологических, психологических и социальных факторов при хирургическом лечении ХСН, совместно разработанной сотрудниками НИИЦ имени В.А. Алмазова и Санкт-Петербургского государственного университета (Шиндrikov и др., 2017; Щелкова и др., 2018). С помощью методов математиче-

ской статистики выявлена связь некоторых психологических характеристик с рядом медико-биологических показателей. Определены динамика эмоционального состояния пациентов в течение шестимесячного ожидания ТС и связь этой динамики с медицинскими и социальными параметрами. Учитывая практически полное отсутствие психологических работ в этой области кардиологии, результаты данного пилотного исследования 80 больных ХСН уже сейчас могут послужить основанием для разработки программ их психологического сопровождения в период ожидания операции, а также определения критериев отбора постановки в ЛОТС. Дальнейшие этапы программы предполагают поиск наиболее информативных психосоциальных предикторов в отношении эффективности восстановительного лечения после ТС, в том числе выживаемости пациентов, которая, как показывают исследования в других областях трансплантологии, во многом определяется комплаентностью (приверженностью лечению) больных.

Благодарности

Проект реализуется при поддержке РФФИ, проект № 18-013-00689а.

Список литературы

- Дробижев М.Ю., Беграмбекова Ю.Л., Мареев В.Ю., Кикта С.В.* Влияние депрессии и тревоги на клинические исходы у больных ХСН // Сердечная недостаточность. 2016. Т. 17. № 2. С. 91—98.
- Лубинская Е.И., Николаева О.Б., Демченко Е.А.* Сопоставление клинической и социальной эффективности кардиореабилитации больных, перенесших коронарное шунтирование // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2012. № 1 (37). С. 218—223.
- Первин Л., Джон О.* Психология личности: теория и исследования / пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 2001. 607 с.
- Рыбакова Т.Г., Балашова Т.Н.* Клинико-психологическая характеристика и диагностика аффективных расстройств при алкоголизме: методические рекомендации. Л.: НИПНИ имени В.М. Бехтерева, 1988. 26 с.
- Симоненко М.А., Березина А.В., Федотов П.А., Сазонова Ю.В., Первунина Т.М., Лелявина Т.А., Ситникова М.Ю., Николаев Г.В., Гордеев М.Л., Карпенко М.А.* Динамика физической работоспособности и качества жизни у пациентов после трансплантации сердца // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2018. Т. 20. № 1. С. 32—38. <https://doi.org/10.15825/1995-1191-2018-1-32-38>
- Тонконогий И.М.* Краткое нейропсихологическое обследование когнитивной сферы (КНОКС) / под ред. Ю.В. Микадзе. М.: ПЕР СЭ, 2010. 69 с.
- Ханин Ю.Л.* Краткое руководство по применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л., 1976. 12 с.
- Шевченко А.О., Халилулин Т.А., Миронков Б.Л., Саитгареев Р.Ш., Захаревич В.М., Кормер А.Я., Мушинов И.И., Готье С.В.* Оценка качества жизни пациентов с трансплантированным сердцем // Трансплантация органов. 2014. Т. 16. № 4. С. 45—50. <https://doi.org/10.15825/1995-1191-2014-4-11-16>
- Шиндрик Р.Ю., Великанов А.А., Демченко Е.А., Тишкова В.М., Щелкова О.Ю.* Психологические характеристики больных хронической сердечной недостаточностью в период ожидания трансплантации сердца // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного ме-

- дицинского университета имени академика И.П. Павлова. 2017. Т. 24. № 2. С. 59—65. <https://doi.org/10.24884/1607-4181-2017-24-2-59-65>
- Щелкова О.Ю., Еремина Д.А., Яковлева М.В., Шиндrikov P.Ю., Круглова Н.Е. Методология разработки системной модели прогноза при сердечно-сосудистых заболеваниях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. № 3. С. 271—292. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.305>
- Яковлева М.В. Особенности личности и отношения к болезни пациентов, приверженных и неприверженных к лечению в восстановительном периоде после коронарного шунтирования // Вестник психотерапии. 2016. № 57 (62). С. 49—58.
- Яничев Д.П. Когнитивные аспекты самовосприятия личностных черт у пациентов с невротической и неврозоподобной симптоматикой: дис. ... канд. психол. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. 156 с.
- Alhurani A.S., Dekker R., Ahmad M., Miller J., Yousef K.M., Abdulqader B., Moser D.K. Stress, cognitive appraisal, coping, and event free survival in patients with heart failure // *Heart & Lung*. 2018. Vol. 47. No. 3. Pp. 205—210. <https://doi.org/10.1016/j.hrtlng.2018.03.008>
- Baird D., Jackson A.C., Higgins R.O., Murphy B.M., Tully P.J. Screening, assessment and treatment for depression in patients with chronic heart failure // *British Journal of Cardiac Nursing*. 2018. Vol. 13. No. 8. Pp. 386—393. <https://doi.org/10.12968/bjca.2018.13.8.386>
- Doehner W., Ural D., Haessler K.G., Čelutkienė J., Bestetti R., Cavusoglu Y., Alvear R.M. Heart and brain interaction in patients with heart failure: overview and proposal for a taxonomy. A position paper from the Study Group on Heart and Brain Interaction of the Heart Failure Association // *European Journal of Heart Failure*. 2018. Vol. 20. No. 2. Pp. 199—215. <https://doi.org/10.1002/ejhf.1100>
- Drapuc K., Walden J.A., Stevenson L.W., Brecht M.L. Quality of life in patients with advanced heart failure // *The Journal of heart and lung transplantation: the official publication of the International Society for Heart Transplantation*. 1992. Vol. 11. No. 2. Pt. 1. Pp. 273—279.
- Juenger J., Schellberg D., Kraemer S., Haunstetter A., Zugck C., Herzog W., Haass M. Health related quality of life in patients with congestive heart failure: comparison with other chronic diseases and relation to functional variables // *Heart*. 2002. Vol. 87. No. 3. Pp. 235—241. <https://doi.org/10.1136/heart.87.3.235>
- Kessing D., Denollet J., Widdershoven J., Kupper N. Psychological determinants of heart failure self-care: systematic review and meta-analysis // *Psychosom. Med*. 2016. Vol. 78. No. 4. Pp. 412—431.
- Klein D.M., Turvey C.L., Pies C.J. Relationship of Coping Styles With Quality of Life and Depressive Symptoms in Older Heart Failure Patients // *Journal of Aging and Health*. 2007. Vol. 19. No. 1. P. 22. <https://doi.org/10.1177/0898264306296398>
- Müller-Tasch T., Löwe B., Lossnitzer N., Frankenstein L., Täger T., Haass M., Herzog W. Anxiety and self-care behaviour in patients with chronic systolic heart failure: a multivariate model // *European Journal of Cardiovascular Nursing*. 2017. Vol. 17. No. 2. Pp. 170—177. <https://doi.org/10.1177/1474515117722255>
- Schiffer A.A., Denollet J., Widdershoven J.W., Hendriks E.H., Smith O.R. Failure to consult for symptoms of heart failure in patients with a type-D personality // *Heart*. 2007. Vol. 93. No. 7. P. 814—818. <https://doi.org/10.1016/j.ijcard.2008.12.090>
- Schneekloth T.D., Hirschfeld M.J., Jowsey-Gregoire S.G., Petterson T.M., Dunlay S.M., Niazi S.K., Rummans T.A. Psychosocial Risk Predicts New Episode Depression After Heart Transplant // *Psychosomatics*. 2018. Vol. 60. No. 1. Pp. 47—55. <https://doi.org/10.1016/j.psym.2018.06.003>
- Sokoreli I., Pauws S.C., Steyerberg E.W., de Vries G.-J., Riistama J.M., Tesanovic A., Clark A.L. Prognostic value of psychosocial factors for first and recurrent hospitalizations and mortality in heart failure

patients: insights from the OPERA-HF study // *European Journal of Heart Failure.* 2018. Vol. 20. No. 4. Pp. 689—696. <https://doi.org/10.1002/ejhf.1112>

Terhoeven V., Nikendei C., Cranz A., Weisbrod M., Geis N., Raake P.W., Pleger S.T. Effects of MitraClip on cognitive and psychological function in heart failure patients: the sicker the better // *European Journal of Medical Research.* 2019. Vol. 24. No. 1. P. 14. <https://doi.org/10.1186/s40001-019-0371-z>

Topf C.W., Østergaard S.D., Søndergaard S., Bech P. The WHO-5 Well-Being Index: A Systematic Review of the Literature // *Psychotherapy and Psychosomatics.* 2015. Vol. 84. No. 3. Pp. 167—176. <https://doi.org/10.1159/000376585>

Uchmanowicz I., Gobbens R.J. The relationship between frailty, anxiety and depression, and health-related quality of life in elderly patients with heart failure // *Clinical Interventions in Aging.* 2015. Vol. 10. P. 1595. <https://doi.org/10.2147/CIA.S90077>

Vogels R.L.C., Scheltens P., Schroeder-Tanka J.M., Weinstein H.C. Cognitive impairment in heart failure: a systematic review of the literature // *European Journal of Heart Failure.* 2007. Vol. 9. No. 5. Pp. 440—449. <https://doi.org/10.1016/j.ejheart.2006.11.001>

World Health Organization. Regional Office for Europe Wellbeing measures in primary health care: the Depcare Project. Report on a WHO Meeting. Stockholm, 1998.

История статьи:

Поступила в редакцию: 30 марта 2019

Принята к печати: 15 мая 2019

Для цитирования:

Шиндрик Р.Ю., Щелкова О.Ю., Демченко Е.А., Ситникова М.Ю. Психосоциальный статус пациентов с хронической сердечной недостаточностью, ожидающих трансплантацию сердца // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2019. Т. 16. № 2. С. 163—180. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-163-180>

Сведения об авторах:

Шиндрик Роман Юрьевич, ассистент кафедры общей и клинической психологии, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: shindrikov@list.ru

Щелкова Ольга Юрьевна, доктор психологических наук, профессор, профессор, исполняющая обязанности заведующего кафедрой медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник лаборатории клинической психологии и психодиагностики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: Olga.psy.pu@mail.ru

Демченко Елена Алексеевна, доктор медицинских наук, заведующая научно-исследовательской лабораторией реабилитации, Национальный медицинский исследовательский центр имени В.А. Алмазова (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: elenademchenko2006@rambler.ru

Ситникова Мария Юрьевна, доктор медицинских наук, заведующая научно-исследовательским отделом сердечной недостаточности, Национальный медицинский исследовательский центр имени В.А. Алмазова (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: drsitnikova@mail.ru

Psychosocial Status of Patients with Chronic Heart Failure Awaiting Heart Transplantation

Roman Yu. Shindrikov^{1,2}, Olga Yu. Shchelkova^{2,3},
Elena A. Demchenko⁴, Mariya Yu. Sitnikova⁴

¹ Pavlov First Saint Petersburg State Medical University
6–8 *Lva Tolstogo St.*, Saint Petersburg, 197022, Russian Federation

² Saint Petersburg State University
7–9 *Universitetskaya Emb.*, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

³ Bekhterev National Medical Research Centre of Psychiatry and Neurology
3 *Bekhterev St.*, Saint Petersburg, 192019, Russian Federation

⁴ Almazov National Medical Research Centre
2 *Akkuratova St.*, Saint Petersburg, 197341, Russian Federation

Abstract. A pilot study of psychosocial status of 80 patients (85% males) with terminal chronic heart failure (CHF), during the preparation for heart transplantation (HT) has been carried out in the Almazov National Medical Research Centre. The correlation of psychological, medical, biological and socio-demographic characteristics of patients as well as the dynamics of patients' emotional state (anxiety and depression) during a long cardiology hospital stay (4 measurements over half a year) has been studied. The authors' structured interview and a set of psychodiagnostic methods ("Index of General Well-being", "Brief neuropsychological examination of cognitive sphere", depression scale (SDS), scale of anxiety (STAI), personality questionnaire BIG-V) have been used in the study. For mathematical and statistical data processing the following methods included in the software package SPSS v. 20.0 have been used: the Pearson's chi-squared test (χ^2), the Mann — Whitney U test, the Spearman and Pearson correlations, and ANOVA.

The results revealed the absence of clinically significant signs of depression, cognitive impairment, personality and system of significant relationships in the majority of patients at the first stage of the study (upon admission into hospital). The exception was the increased level of situational anxiety ($M \pm m = 43.2 \pm 7.1$). The study of the dynamics of the emotional state of patients reflected a systematic increase in the average group indices of the depression scale (upon admission $M \pm m = 46.9 \pm 6.7$; after 2 months $M \pm m = 48.9 \pm 7.4$; after 4 months $M \pm m = 51.1 \pm 7.6$; after 6 months $M \pm m = 52.6 \pm 7.5$), as well as a decrease in the level of situational anxiety at the second stage of the study compared with the first and a further increase starting from the second period: after 2, 4, 6 months of the stay in hospital, respectively: $M \pm m = 41.3 \pm 5.2$; $M \pm m = 46.7 \pm 6.8$; $M \pm m = 50.8 \pm 7.9$). It was revealed that the level of situational anxiety at the second ($F = 6.18$; $p < 0.05$) and the third ($F = 4.11$; $p < 0.05$) stages of treatment is significantly higher in the patients after myocardial infarction(s). Also, the level of situational anxiety is higher at the first ($F = 4.00$; $p < 0.05$) and third ($F = 3.68$; $p < 0.05$) stages of hospitalization of the patients who have rare meetings with relatives as compared to the patients who are often visited by their relatives.

The results reflect the psychosocial potential of patients waiting for HT, and may have a prognostic significance in relation to adherence to treatment in the postoperative period, which, in turn, largely determines the survival of patients.

Key words: chronic heart failure (CHF); heart transplantation; depression; anxiety; cognitive sphere; personality; system of attitudes; dynamics; compliance prognosis

Acknowledgements

The project is being implemented with the support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-013-00689a.

References

- Alhurani, A.S., Dekker, R., Ahmad, M., Miller, J., Yousef, K.M., Abdulqader, B., & Moser, D.K. (2018). Stress, cognitive appraisal, coping, and event free survival in patients with heart failure. *Heart & Lung*, 47(3), 205—210. <https://doi.org/10.1016/j.hrtlng.2018.03.008>
- Baird, D., Jackson, A.C., Higgins, R.O., Murphy, B.M., & Tully, P.J. (2018). Screening, assessment and treatment for depression in patients with chronic heart failure. *British Journal of Cardiac Nursing*, 13(8), 386—393. <https://doi.org/10.12968/bjca.2018.13.8.386>
- Doehner, W., Ural, D., Haeusler, K.G., Čelutkienė, J., Bestetti, R., Cavusoglu, Y., & Alvear, R.M. (2018). Heart and brain interaction in patients with heart failure: overview and proposal for a taxonomy. A position paper from the Study Group on Heart and Brain Interaction of the Heart Failure Association. *European Journal of Heart Failure*, 20(2), 199—215. <https://doi.org/10.1002/ehf.1100>
- Drapuc, K., Walden, J.A., Stevenson, L.W., & Brecht, M.L. (1992). Quality of life in patients with advanced heart failure. *The Journal of Heart and Lung Transplantation: The Official Publication of the International Society for Heart Transplantation*, 11(2 Pt 1), 273—279.
- Drobizhev, M.Yu., Begrambekova, Yu.L., Mareev, V.Yu., & Kikta, S.V. (2016). Effect of depression and anxiety on clinical outcomes in patients with CHF. *Heart Failure*, 17(2), 91—98. (In Russ.)
- Hanin, Yu.L. (1976). *A Brief Guide to The Use of the Scale of Reactive and Personal Anxiety by Spielberger*. Leningrad. (In Russ.)
- Iakovleva, M.V. (2016). Features of the personality and the attitude towards the disease of adherent and non-adherent to treatment patients during the recovery period after coronary bypass surgery. *Herald of Psychotherapy*, 57(62), 49—58. (In Russ.)
- Juenger, J., Schellberg, D., Kraemer, S., Haunstetter, A., Zugck, C., Herzog, W., & Haass, M. (2002). Health related quality of life in patients with congestive heart failure: comparison with other chronic diseases and relation to functional variables. *Heart*, 87(3), 235—241. <https://doi.org/10.1136/heart.87.3.235>
- Kessing D., Denollet J., Widdershoven J., & Kupper N. (2016). Psychological determinants of heart failure self-care: systematic review and meta-analysis. *Psychosom. Med.*, 78(4), 412—431.
- Klein, D.M., Turvey, C.L., & Pies, C.J. (2007). Relationship of coping styles with quality of life and depressive symptoms in older heart failure patients. *Journal of Aging and Health*, 19(1), 22. <https://doi.org/10.1177/0898264306296398>
- Lubinskaya, E.I., Nikolaev, O.B., & Demchenko, E.A. (2012). Comparison of the clinical and social effectiveness of cardiac rehabilitation of patients undergoing coronary artery bypass surgery. *Bulletin of the Russian Military Medical Academy*, (1), 218—223. (In Russ.)
- Müller-Tasch, T., Löwe, B., Lossnitzer, N., Frankenstein, L., Täger, T., Haass, M., & Herzog, W. (2017). Anxiety and self-care behaviour in patients with chronic systolic heart failure: a multivariate model. *European Journal of Cardiovascular Nursing*, 17(2), 170—177. <https://doi.org/10.1177/1474515117722255>
- Pervin, L., & John, O. (2001). *Psychology of Personality: Theory and Research*. Moscow: Aspect-Press Publ. (In Russ.)
- Rybakova, T.G., & Balashov, T.N. (1988). *Clinical and Psychological Characteristics and Diagnosis of Affective Disorders in Alcoholism: Manual*. Leningrad: V.M. Bekhtereva NIPNI Publ. (In Russ.)

- Schelkova, O.Yu., Eremina, D.A., Yakovleva, M.V., Shindrikov, R.Yu., & Kruglova, N.E. (2018). Methodology of developing a systemic model of prognosis in cardiovascular diseases. *Bulletin of Saint Petersburg University. Psychology and Pedagogy*, 8(3), 271–292. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.305> (In Russ.)
- Schiffer, A.A., Denollet, J., Widdershoven, J.W., Hendriks, E.H., & Smith, O.R. (2007). Failure to consult for symptoms of heart failure in patients with a type-D personality. *Heart*, 93(7), 814–818. <https://doi.org/10.1016/j.ijcard.2008.12.090>
- Schneekloth, T.D., Hitschfeld, M.J., Jowsey-Gregoire, S.G., Petterson, T.M., Dunlay, S.M., Niazi, S.K., & Rummans, T.A. (2018). Psychosocial risk predicts new episode depression after heart transplant. *Psychosomatics*, 60(1), 47–55. <https://doi.org/10.1016/j.psym.2018.06.003>
- Shevchenko, A.O., Khalilulin, T.A., Mironkov, B.L., Saitgareyev, R.Sh., Zakharevich, V.M., Korner, A. Ya., Muminov, I.I., & Gautier, S.V. (2014). Assessing the quality of life of heart transplant patients. *Organ transplantation*, 16(4), 45–50. <https://doi.org/10.15825/1995-1191-2014-4-11-16> (In Russ.)
- Shindrikov, R.Y., Velikanov, A.A., Demchenko, E.A., Tishkova, V.M., & Shchelkova, O.Y. (2017). Psychological characteristics in patients with chronic heart failure waiting for heart transplantation. *The Scientific Notes of the I.P. Pavlov Saint Petersburg State Medical University*, 24(2), 59–65. <https://doi.org/10.24884/1607-4181-2017-24-2-59-65> (In Russ.)
- Simonenko, M.A., Berezina, A.V., Fedotov, P.A., Sazonova, Y.V., Pervunina, T.M., Lelyavina, T.A., Sitnikova, M.Y., Nikolaev, G.V., Gordeev, M.L., & Karpenko M.A. (2018). Dynamic of physical capacity and quality of life after heart transplantation. *Russian Journal of Transplantation and Artificial Organs*, 20(1), 32–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.15825/1995-1191-2018-1-32-38>
- Sokoreli, I., Pauws, S.C., Steyerberg, E.W., de Vries, G.-J., Riistama, J.M., Tesanovic, A., & Clark, A.L. (2018). Prognostic value of psychosocial factors for first and recurrent hospitalizations and mortality in heart failure patients: insights from the OPERA-HF study. *European Journal of Heart Failure*, 20(4), 689–696. <https://doi.org/10.1002/ejhf.1112>
- Terhoeven, V., Nikendei, C., Cranz, A., Weisbrod, M., Geis, N., Raake, P.W., & Pleger, S.T. (2019). Effects of MitraClip on cognitive and psychological function in heart failure patients: the sicker the better. *European Journal of Medical Research*, 24(1), 14. <https://doi.org/10.1186/s40001-019-0371-z>
- Tonkonogiy, I.M. (2010). *Brief Neuropsychological Examination of the Cognitive Sphere (KNOKS)*. Moscow: PER SE Publ. (In Russ.)
- Topp, C.W., Østergaard, S.D., Søndergaard, S., & Bech, P. (2015). The WHO-5 Well-Being Index: A Systematic Review of the Literature. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 84(3), 167–176. <https://doi.org/10.1159/000376585>
- Uchmanowicz, I., & Gobbens, R.J. (2015). The relationship between frailty, anxiety and depression, and health-related quality of life in elderly patients with heart failure. *Clinical Interventions in Aging*, 10, 1595. <https://doi.org/10.2147/CIA.S90077>
- Vogels, R.L.C., Scheltens, P., Schroeder-Tanka, J.M., & Weinstein, H.C. (2007). Cognitive impairment in heart failure: a systematic review of the literature. *European Journal of Heart Failure*, 9(5), 440–449. <https://doi.org/10.1016/j.ejheart.2006.11.001>
- World Health Organization. Regional Office for Europe Wellbeing measures in primary health care: the Depcare Project. *Report on a WHO Meeting*. Stockholm: WHO, 1998.
- Yanichev, D.P. (2006). *Cognitive Aspects of Self-Perception of Personality Traits in Patients with Neurotic and Neurosis-Like Symptoms*: Ph.D. in Psychology Thesis. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russ.)

Article history:

Received: 30 March 2019

Revised: 4 May 2019

Accepted: 15 May 2019

For citation:

Shindrikov, R. Yu., Shchelkova, O. Yu., Demchenko, E. A., & Sitnikova, M. Yu. (2019). Psychosocial Status of Patients with Chronic Heart Failure Awaiting Heart Transplantation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 163—180. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-163-180>

Bio Notes:

Roman Yu. Shindrikov is Assistant at the Department of General and Clinical Psychology, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University (Saint Petersburg, Russia). E-mail: shindrikov@list.ru

Olga Yu. Shchelkova, Doctor Sc. of Psychology, is Full Professor, Professor and Chief of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University; and Senior Research Fellow at Bekhterev National Medical Research Centre of Psychiatry and Neurology (Saint Petersburg, Russia). E-mail: Olga.psy.pu@mail.ru

Elena A. Demchenko, Doctor Sc. of Medicine, is Head of Research Laboratory for Rehabilitation at Almazov National Medical Research Centre (Saint Petersburg, Russia). E-mail: elenademchenko2006@rambler.ru

Mariya Yu. Sitnikova, Doctor Sc. of Medicine, is Head of Research Department for Heart Failure at Almazov National Medical Research Centre (Saint Petersburg, Russia). E-mail: drsitnikova@mail.ru

Исследовательская статья

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-181-195

УДК 159.9:316.62

Восприятие значимости эмоциональной поддержки при стрессе и характеристики социальной сети личности

Т.Л. Крюкова, А.О. Арипова

Костромской государственный университет
Российская Федерация, 156961, Кострома, ул. 1-я Мая, 14

В статье рассматривается эмоциональная поддержка как составляющая социальной поддержки в контексте проблемного поля стресса и совладающего поведения. Целью исследования являлось определение связей социально-психологических качеств реальной социальной сети личности со значением для нее эмоциональной поддержки в стрессовых ситуациях разного уровня сложности. Предполагалось, что существует связь социально-психологических качеств сети со стрессовыми ситуациями высокого и среднего уровней эмоциональной сложности. В исследовании приняли участие 196 мужчин и женщин (возраст от 17 до 60 лет; средний возраст — 37 лет, $SD = 12,5$). Основные методы — анкетный опрос и методика Г. Перри «Социальная сеть» (1990). Результаты показывают, что существуют статистически значимые связи между качествами социальной сети личности (широта, структура) и ее оценками значения эмоциональной поддержки в стрессовых ситуациях среднего и высокого уровней эмоциональной трудности. Выявлено, что эмоциональная поддержка от людей, включенных в социальную сеть личности, наиболее важна в ситуациях утраты, а наименее — в ситуациях типа «примирение супругов», «окончание ссуды» и т.п. При наличии большого количества людей, включенных в социальную сеть, человек ниже оценивает значение эмоциональной поддержки в ситуациях «рождение ребенка» и «личный успех». Показано, что значение эмоциональной поддержки возрастает при получении ее от супруга в ситуации «увольнение с работы»; от коллег эмоциональная поддержка наиболее важна в ситуациях, связанных с изменениями на работе — «увольнение» и «изменение должности». При этом статистически значимых связей социально-психологических качеств сети со значением поддержки для личности в повседневных/эмоционально простых ситуациях не выявлено.

Ключевые слова: социальная и эмоциональная поддержка; социальная сеть; качества социальной сети: широта, плотность, структура; стрессовые ситуации; совладающее поведение

Введение

Исследования совладающего поведения как существенной составляющей социального поведения чрезвычайно актуальны в связи с растущим количеством воздействующих на личность стрессоров, по причине которых «помолодели» раз-

© Крюкова Т.Л., Арипова А.О., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

личные заболевания. Изучению совладания с жизненными трудностями посвящено множество работ западных и отечественных психологов (Бодров, 2006; Водопьянова, 2009; Крюкова, 2010; Лазарус, 1970; Folkman, Lazarus, 1991 и др.). За последние два десятилетия значительно вырос интерес к проблеме копинг-поведения и увеличилось количество эмпирических исследований в данной области. При этом осталось много нераскрытых вопросов, например, о наиболее эффективных методах диагностики совладающего поведения, роли реальной социальной сети личности в совладании со стрессом и другие (Крюкова, 2010). Наше внимание привлек один из них.

На первый взгляд, наиболее простым и доступным в совладании с возникшими трудностями является обращение за помощью к окружающим людям за поддержкой, в том числе эмоциональной. Доказано, что данная модель поведения как совладающая стратегия делает человека менее уязвимым к жизненным трудностям и обеспечивает помощь по поводу случившихся негативных событий. Следовательно, для успешного противостояния стрессовым ситуациям важно наличие тесных взаимоотношений с другими людьми, которые и составляют так называемую социальную сеть или окружение, круг общения и т.д. (Burlleson, MacGeorge, 2002; Cobb, 1976; Cross, Parker, 2004; Pierce, Sarason, Sarason, 1996; Водопьянова, 2009; Бодров, 2006). Обращение за поддержкой к другим рассматривается некоторыми исследователями как амбивалентная стратегия, способная ослаблять копинг-потенциал человека (Крюкова, 2010). При этом не установлено, существуют ли значимые связи отдельных характеристик социальной сети с оценкой личностью значения эмоциональной поддержки в стрессовых ситуациях различного уровня эмоциональной сложности. Изучение данного вопроса позволит понять, какие характеристики социальной сети определяют эффективность получения/оказания эмоциональной поддержки в тех или иных стрессовых ситуациях. Обладая такой информацией, личность сможет более «прицельно» выбирать способы совладания со стрессом и оградить себя от ряда негативных воздействий.

Несмотря на возросший интерес к изучению виртуальных социальных сетей/контактов личности, стоит отметить, что их важно отличать от реальных. R. Cross и A. Parker отмечают, что индивидуальная социальная сеть в Интернете не совпадает с социальной сетью в реальной жизни человека (Cross, Parker, 2004). Так большая социальная сеть виртуальных контактов может иметь в основе слабые связи с ее членами, и, безусловно, оффлайн общение и отношения значительно важнее для чувства удовлетворенности жизнью и психологического благополучия, а также для получения поддержки и помощи при переживании жизненных трудностей.

Социальная сеть в реальной жизни обладает рядом характеристик, которые можно использовать для анализа количества и качества поддерживающих действий по отношению к личности, переживающей стресс. Так, Э. Вокс выделяет такие качества социальной сети, как *размер* (количество людей, включенных в социальную сеть) и *плотность* (взаимосвязь между членами сети). Он полагает, что социальные сети можно рассматривать *по составу людей*, входящих в них (родители, учителя, друзья и т.д.). Кроме этого, Вокс отмечает, что можно анали-

зирать *частоту* контактов, *продолжительность* и *интенсивность* отношений (Vaux, 1988).

С. Хэнселл базирует свои исследования социальной сети на двух положениях: первое заключается в том, что количество диадических отношений является самым важным аспектом; второе — чем больше данных отношений, тем чаще человек получает поддержку от окружающих (Hansell, 1985). Другие авторы дают более обширное представление о социально-психологических качествах социальной сети. Они характеризуют ее через *размер*, *плотность* (количество взаимосвязанных между собой людей в сети), число родственников (*структуру*), включенных в социальную сеть, и *количество* социальной поддержки (Казьмина, 1993; Фонтана, Перри, 1995).

Люди, составляющие реальную социальную сеть, являются основным источником эмоциональной поддержки, которую рассматривают как составляющую социальной поддержки (Лазарус, 1970; Dixon, 1980).

Для того чтобы точнее передать сущность социальной поддержки, обратимся к работе С. Кобба, давшего одно из лучших ее определений. Он считает, что социальная поддержка — это субъективное ощущение, когда человек чувствует, что о нем заботятся и любят; что его уважают и ценят; что он принадлежит к сети общения и взаимных обязательств (Cobb, 1976). Она делает человека менее уязвимым к жизненным трудностям и обеспечивает помощь по поводу случившихся негативных событий. Авторитетные авторы выделяют такие виды социальной поддержки, как воспринимаемая, желаемая, реально получаемая в сфере отношений с людьми, на которых человек может положиться, обратиться за советом и помощью в трудной жизненной ситуации (Pierce, Sarason, Sarason, 1996; Collins, Ford, Holmes, 2011). Разнообразие моделей поддерживающего поведения раскрыто в исследованиях S. Cohen, N.A. Wills (1985), которые расширяют разновидности социальной поддержки, выделяя информационную, эмоциональную, материальную (подарки, денежные вознаграждения) и инструментальную (помощь делом).

Наше внимание привлекла мало изученная в России тема эмоциональной поддержки, которая, выступая в качестве составляющей социальной, в то же время является самостоятельным феноменом и конструктом (Folkman, Lazarus, 1991). Несмотря на то, что эмоциональную поддержку можно получать и от домашних животных или растений, религиозной веры, от участия в выполнении какого-то дела, в спортивной команде или фан-клубе, самым значительным считается забота о другом человеке, которая может обеспечить взаимную эмоциональную поддержку. Она относится к эмоционально-ориентированным способам совладания (Cohen, Wills, 1985). Мы понимаем под *эмоциональной поддержкой* разновидность социального поведения, реализуемого через обмен чувствами, мыслями и действиями и направленного на создание условий для улучшения эмоционального состояния личности в ситуации стресса и потребности в этом. Ее благотворное влияние на совладание со стрессом обусловлено связью с благополучием человека в жизни и ролью своего рода буфера, смягчающего последствия стрессов (Журавлев, 2004; Клецина, 2004; Крюкова, Сапоровская, Куфтяк, 2005; Cohen, Wills, 1985).

Таким образом, мы предполагаем, что существуют связи между оценкой значения эмоциональной поддержки для личности в стрессовых ситуациях среднего и высокого уровней эмоциональной сложности с социально-психологическими качествами ее социальной сети (широта, структура и плотность). Проверка данной гипотезы и является целью исследования, представленного в данной статье.

Методы

Выборку исследования составили 196 человек (98 женщин и 98 мужчин) в возрасте от 17 до 60 лет (средний возраст — 37 лет, $SD = 12,5$) из различных регионов РФ (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Кострома, Костромская область, Иваново и Ивановская область). Выборка формировалась методом «снежного кома» с учетом того, чтобы в нее вошло равное по полу и возрасту количество респондентов.

Одной из методик был авторский опросник, являющийся модификацией Шкалы накопления стресса (Holmes, Rahe, 1967), для оценки респондентами значения эмоциональной поддержки в различных стрессовых ситуациях; частоты получения/оказания эмоциональной поддержки людям, включенным в их социальную сеть; уровня эмоциональной сложности стрессовых ситуаций. Авторский опросник проверен на внутреннюю согласованность, коэффициент α Кронбаха высокий ($\alpha = 0,860$), что показывает его внутреннюю валидность. Опросник позволил получить количественные значения анализируемых в ходе эмпирического исследования переменных: 1) оценки значения эмоциональной поддержки по 7-балльной шкале Лайкерта (где 7 — это самый высокий уровень оценки поддержки) в стрессовых ситуациях, взятых из Шкалы накопления стресса (Holmes, Rahe, 1967); 2) средние оценки степени эмоциональной трудности каждой стрессовой ситуации, рассчитанные на основе их оценки респондентами по 7-балльной шкале Лайкерта (где 7 — самая высокая степень эмоциональной трудности ситуации). Также были выделены уровни эмоциональной трудности стрессовых ситуаций на основе классификации Т. Holmes и R. Rahe стрессовых ситуаций по уровню их стрессогенности (где 3,5 балла — средний уровень эмоциональной трудности, выше 3,5 баллов — высокий уровень).

Также использована известная методика Г. Перри «Социальная сеть» (1990), построенная на принципах социометрии (Фонтана и др., 1995). Участникам исследования предлагалось составить список эмоционально значимых лиц, с которыми существуют тесные связи, установлены близкие отношения. Необходимо было обозначить контакты/взаимодействия между членами сети. С помощью данной методики получены переменные — параметры социальных сетей участников исследования: *широта* (количество людей, включенных в сеть), *структура* (статус членов сети: члены семьи, другие родственники, друзья), *плотность* (теснота связей между членами сети: как часто они взаимодействуют по поводу поддержки).

Для математической обработки данных в программе SPSS Statistics 17.0 использовались: *U*-критерий Манна — Уитни для независимых выборок, корреляционный анализ (*r* Спирмена) и регрессионный анализ, в том числе множественная регрессия.

Результаты и их обсуждение

В ходе эмпирического исследования получены данные, представленные в таблице.

Таблица/Table

Описательная статистика изучаемых переменных (N = 196)
[Primary data on the studied variables, N = 196]

Методика	Переменные	Среднее M	Стандартное отклонение SD
Авторский опросник	Оценка значения эмоциональной поддержки	6,0	1,1
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «тюремное заключение»	6,4	1,3
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «смерть близкого члена семьи»	6,6	1
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «смерть супруга/супруги»	6,7	0,7
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «развод»	5,3	1,4
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «изменение привычек, связанных с вероисповеданием»	3,4	2,4
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «примирение супругов»	3,1	1,7
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «окончание ссуды»	4,3	2,2
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «мелкая ссуда (например, покупка телевизора)»	3,2	2,0
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «рождение ребенка»	4,0	2,3
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «личный успех»	3,2	1,9
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «увольнение с работы»	3,9	1,5
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «изменение должности»	3,6	1,8
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «уход ребенка из семьи»	4,3	2,0
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «изменение финансового положения»	3,9	1,6
	Оценка уровня эмоциональной сложности стрессовой ситуации «изменение социальной активности»	2,7	1,6
	«Социальная сеть» (Г. Перри)	Широта реальной социальной сети личности	9,14
Плотность реальной социальной сети личности		50,41	19,6
Количество членов семьи в реальной социальной сети личности		3,0	1,67
Количество других родственников (дядя/тетя, племянники и другие) в реальной социальной сети личности		1,6	2,0
Количество друзей в реальной социальной сети личности		3,15	2,6
Авторский опросник	Количество коллег в реальной социальной сети личности	1,2	2
	Оценка частоты получения эмоциональной поддержки от родителей	5,6	1,9
	Оценка частоты получения эмоциональной поддержки от супруга/супруги	4,9	2,3

Окончание таблицы

Методика	Переменные	Среднее M	Стандартное отклонение SD
Авторский опросник	Оценка частоты получения эмоциональной поддержки от близких родственников (дяди/тети, племянников и других)	4,3	1,9
	Оценка частоты получения эмоциональной поддержки от друзей	5,2	1,6
	Оценка частоты получения эмоциональной поддержки от коллег	4,1	1,8
	Оценка частоты оказания эмоциональной поддержки родителям	5,4	1,6
	Оценка частоты оказания эмоциональной поддержки супругу/супруге	5,1	2,2
	Оценка частоты оказания эмоциональной поддержки близким родственникам (дяде/тете, племянникам и другим)	4,4	1,6
	Оценка частоты оказания эмоциональной поддержки друзьям	5,3	1,5
	Оценка частоты оказания эмоциональной поддержки коллегам	4,1	1,8

С целью проверки гипотезы эмпирического исследования были проанализированы результаты оценки эмоциональной сложности стрессовых ситуаций и степень значимости получения эмоциональной поддержки в них. Представленные в таблице данные указывают на то, что наибольшую потребность в эмоциональной поддержке опрошенные испытывают в ситуациях утраты: смерть близкого члена семьи, смерть близкого друга, смерть супруга/супруги, а также развод — именно данные ситуации оцениваются респондентами как эмоционально наиболее трудные. Кроме перечисленных, безусловно, сложной для опрошенных является ситуация тюремного заключения как утрата личной свободы.

Для данной выборки наименее важна поддержка при ситуациях примирения супругов, мелкой ссуды (например, для покупки телевизора), окончания ссуды и изменения привычек, связанных с вероисповеданием. Их уровень сложности оценивается как средний и ниже среднего.

Вероятно, это обусловлено тем, что ситуации утраты оказывают большое влияние на жизнь человека, могут приводить к нарушению жизнедеятельности, сложившихся отношений, порождению переживаний, связанных с неблагоприятными последствиями для развития личности (Журавлев, 2004). Потеря близкого человека обостряет чувства беспомощности и безнадежности. Для переживания боли, которая является результатом подобных ситуаций, требуется привлечение дополнительных ресурсов, энергии, помощи окружающих людей. Их невозможно решить, ведя привычный образ жизни, наряду с другими вопросами, как это удастся сделать при переживании эмоционально более простых ситуаций (Коржова, 2001).

Данные, полученные при оценке респондентами значения эмоциональной поддержки, указывают на то, что среди них нет тех, для кого она совсем ничего не значит. Для большинства она имеет немаловажное значение, оцениваемое как «очень много значит» (42,35 %) и «значит» (39 %).

Корреляционный анализ показал наличие связи между оценками значения эмоциональной поддержки и уровней эмоциональной сложности стрессовых ситуаций: положительные связи между значением эмоциональной поддержки и оценкой уровня сложности стрессовых ситуаций «изменение привычек, связанных с вероисповеданием» ($r = 0,337; p \leq 0,01$) и «изменение социальной активности» ($r = 0,241; p \leq 0,05$). Мы полагаем, что во многом это обусловлено тем, что принадлежность личности к духовной или какой-либо другой общественной организации позволяет ей войти в глубокий, личный контакт с теми, кто разделяет ее убеждения. Переживаемое чувство принадлежности помогает снизить тревожность, избавиться от негативных эмоций и найти близких людей, которые обеспечивают ее эмоциональной поддержкой. Изменения или даже разрыв таких отношений вынуждают личность чувствовать себя беспомощной, лишившейся дополнительных ресурсов для совладания со стрессом, поэтому она испытывает нехватку поддержки.

Умение поддерживать тесные и прочные отношения с окружающими людьми является одним из факторов, определяющих успешность совладания со стрессом. Важно уметь принимать помощь со стороны близких людей (Гринберг, 2002). Исходя из этого были рассмотрены социально-психологические параметры социальных сетей респондентов.

В среднем по выборке *широта* (размер) социальной сети (близкие отношения в реальной жизни, не в Интернете) испытуемых составляет 9 человек, у женщин это количество равно 10, у мужчин — 9. В исследовании Т.В. Ореховой и Т.Л. Крюковой (Крюкова, 2010), изучавших сеть близких отношений мужчин и женщин в начале 2000-х гг., было установлено, что размер социальной сети человека в среднем по выборке составляет 13 человек (у женщин — 14 человек, у мужчин — 12). В нашем исследовании полученные результаты по широте социальной сети ниже. Возможно, это связано с различиями хронотопа — времени и места проживания респондентов — 2010-е гг., территориально около 60 % выборки из Санкт-Петербурга и Ленинградской области и 40 % из менее крупных городов (Иваново, Кострома) и их районных центров (Крюкова, 2010; Матрехина, 2006). По данным зарубежных исследователей, в среднем для удовлетворения потребности в регулярном дружеском общении, поддержке и чувстве принадлежности индивиду нужно от 12 до 20 человек (Фонтана и др., 1995).

Между широтой социальной сети и значением эмоциональной поддержки выявлена положительная связь ($r = 0,31; p \leq 0,024$). Регрессионный анализ позволил подтвердить, что широта социальной сети положительно сопряжена с оценкой значения эмоциональной поддержки ($\beta = 0,30; R^2 = 0,09; p \leq 0,025$). Следовательно, люди, высоко оценивающие значение эмоциональной поддержки, обладают большим количеством людей, включенных в их реальную социальную сеть.

Помимо определенного размера не менее важны *структура* сети и ее *плотность* (теснота связей) (Regan, 2011). Плотность социальной сети испытуемых в среднем составляет 50,41 %. Установлены значимые различия между женщинами и мужчинами по показателю плотности социальной сети: у женщин данный показатель ниже, чем у мужчин ($p < 0,003$). Важность показателя плотности обуслов-

лена скоростью передачи информации внутри сети, а следовательно, тем, насколько быстро в случае необходимости может быть проведена мобилизация возможностей поддержки (Матрехина, 2006).

В структуру социальной сети все испытуемые включили членов своей семьи (родители, брат/сестра, супруг/супруга, дети) и друзей, почти 65,0 % испытуемых (127 человек) включили родственников (тетя/дядя, двоюродные брат/сестра, племянники), 50 % испытуемых (98 человек) — коллег. Данный факт подтверждает высокий уровень традиционной/коллективистической семейной культуры в России. Количество членов семьи в структуре социальной сети испытуемых варьирует от 1 до 5 человек, родственников — от 1 до 7 человек, друзей — от 1 до 11 человек, коллег — от 1 до 5 человек.

На первое место в структуре социальной сети 86 % испытуемых (169 человек) поставили родителей; 50,5 % испытуемых (99 человек) — супруга, 8,2 % (16 человек) — друзей, 5,6 % (11 человек) — коллег. Не у всех респондентов в зрелом возрасте сохранилась возможность обратиться за поддержкой к родителям, поэтому большинство отметили супруга. И родители, и супруг как члены первой и самостоятельно созданной семьи опрошенных являются эмоционально наиболее близкими для них людьми. Именно в семье поддержка выполняет одну из важнейших функций: благодаря этому человек чаще чувствует свою значимость, принятие и выше оценивает членов этой сети (Карабанова, 2006; Крюкова, 2003).

Не выявлено значимых связей между широтой и плотностью социальной сети как по выборке в целом, так и отдельно у мужчин и женщин. В качестве тенденции установлена слабая обратная связь между широтой и плотностью социальной сети по всей выборке ($r = -0,253, p < 0,066$). Можно предположить, что чем шире сеть близких отношений личности, чем больше людей включены в данную сеть, тем менее интенсивно будет происходить взаимодействие между ее членами, т.е. с увеличением размера социальной сети человека эффективность оказания ему помощи и поддержки при возникновении жизненных трудностей со стороны близких людей снижается.

Статистически значимых связей между значением эмоциональной поддержки и плотностью социальной сети личности не обнаружено. Кроме того, с помощью регрессионного анализа установлено, что плотность социальной сети не влияет на оценку значения эмоциональной поддержки при совладании с различными стрессовыми ситуациями.

Социальная сеть позволяет также выделить источники эмоциональной поддержки. Полученные результаты свидетельствуют о том, что главным источником эмоциональной поддержки при столкновении респондентов со стрессовыми ситуациями являются родители, супруги и друзья. Реже всего им оказывают поддержку незнакомые люди, что соответствует их потребностям. Также оказалось, что от супруга и/или детей опрашиваемые хотели бы получать эмоциональную поддержку несколько чаще, чем получают сейчас.

Далее было определено, как часто респонденты переживают за других и оказывают им ответную эмоциональную поддержку. Результаты анализа свидетельствуют о том, что респонденты чаще переживают и оказывают поддержку тем людям, которые так же часто помогают им (родителям, супругу, друзьям). Реже всего переживают и оказывают поддержку незнакомым людям.

Установлена положительная сопряженность между значением эмоциональной поддержки и частотой переживания за близких родственников ($\beta = 0,224$; $R^2 = 0,5$; $p \leq 0,002$). Это указывает на то, что при высоком значении для личности эмоциональной поддержки респондент чаще отмечает у себя переживания за близких родственников. Именно взаимоотношения с близкими, эмоционально значимыми людьми дают человеку чувства самооценности, принятия и защищенности (Китаев-Смык, 2009; Regan, 2011). Сохранению и укреплению таких благополучных отношений способствует взаимное проявление участия, заинтересованности, сочувствия через эмоциональную поддержку. Более того, это свидетельствует о сохранении в обществе семьи как традиционной ценности, занимающей одно из первых мест, что согласуется с моделью культурных синдромов Г. Ховстеде (Hofstede, Hofstede, Minkov, 2010).

Результаты анализа связей между значением для личности получения эмоциональной поддержки в стрессовых ситуациях различного уровня сложности и социально-психологическими параметрами социальной сети в обобщенном виде схематично представлены на рисунке.

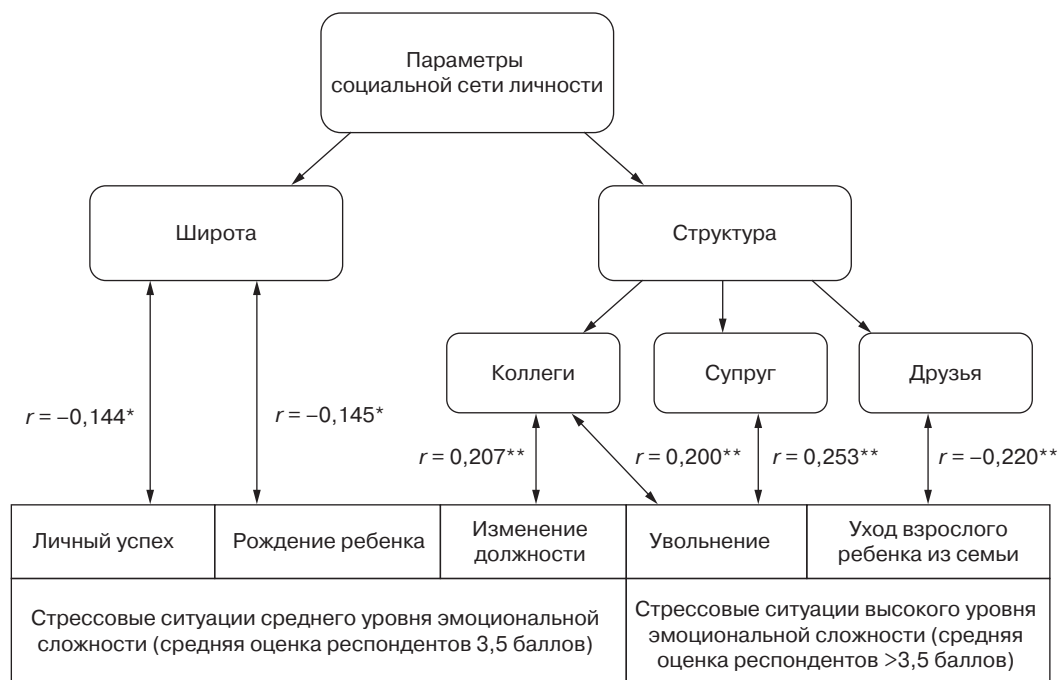

Рисунок. Связь характеристик социальной сети личности с ее восприятием оценки эмоциональной поддержки при стрессе
[Figure. The relationship between the social network characteristics and the perception of the value of personal emotional support under stress]

Примечания: ** — $p \leq 0,01$; * — $p \leq 0,05$.

Установлена обратная связь между шириной социальной сети и значением эмоциональной поддержки при стрессе среднего уровня эмоциональной сложности в таких стрессовых ситуациях, как рождение ребенка ($r = -0,145$; $p \leq 0,05$) и лич-

ный успех ($r = -0,144$; $p \leq 0,05$). Как это ни странно, но приведенные данные свидетельствуют о том, что широкая сеть близких отношений снижает значение эмоциональной поддержки в ситуациях рождения ребенка и личного успеха. В целом эти ситуации относятся к личным/интимным, к частной жизни. Степень их наполненности положительными эмоциями очень субъективна. Из-за разнообразия мнений, недоверия к искренности других респонденты стремятся оградить себя от дополнительного внимания и придают меньшее значение участию окружающих через поддержку (Vaux, 1988).

Выявленные взаимосвязи между оценкой значения эмоциональной поддержки для личности и важностью получения поддержки от конкретного человека в стрессовых ситуациях средней эмоциональной сложности показали, что респондентам важно получить эмоциональную поддержку при увольнении — от супруга ($r = 0,253$; $p \leq 0,01$) и коллег ($r = 0,200$; $p \leq 0,01$). Также от коллег ждут поддержки при изменении должности ($r = 0,207$; $p \leq 0,01$). Для опрошенных менее значима эмоциональная поддержка в ситуациях ухода взрослого ребенка из семьи — от друзей ($r = -0,220$; $p \leq 0,01$).

Супруг является членом семьи, которую респонденты создали самостоятельно, руководствуясь степенью удовлетворенности отношениями с ним еще в добрачный период. Стрессовые ситуации, которые переживает личность, например изменение социальной активности, и то, как она с ними совладает, отражаются и на супруге из-за общности быта. Переживая за его/ее эмоциональное состояние, например в ситуации увольнения ($r = 0,203$; $p \leq 0,01$), респонденты готовы оказать поддержку супругу для сохранения его чувства уверенности в своих силах, снижения тревожности, но и такой же поддержки ждут в ответ. Взаимная оптимистическая поддержка является источником базового чувства безопасности, которое особенно важно при воспитании детей. Уход ребенка из семьи является одним из кризисных периодов семейной жизни, и многие предпочитают разрешать подобные вопросы в кругу семьи, без участия даже близких друзей, избегая влияния другого значимого, кроме супружеского, мнения. Поэтому, несмотря на свои переживания за друзей ($r = -0,238$; $p \leq 0,01$) и частое оказание им поддержки ($r = -0,235$; $p \leq 0,01$), опрашиваемые в такой ситуации готовы не навязывать им свою помощь, для того чтоб дать им возможность самостоятельно принять решение.

Выводы

Подытоживая, можно сделать общий вывод о том, что в ходе исследования выявлено значение эмоциональной поддержки для личности при совладании со стрессом; уровни эмоциональной сложности стрессовых ситуаций; частота получения/оказания эмоциональной поддержки людям из социальной сети. Проанализированы социально-психологические качества (широта, плотность и структура) социальной сети. На основе полученных данных установлены значимые связи между характеристиками социальной сети (широта, структура) и оценкой человеком эмоциональной поддержки в стрессовых ситуациях среднего и высокого уровней эмоциональной сложности. При этом связей со значением эмоцио-

нальной поддержки в повседневных стрессовых ситуациях низкого уровня эмоциональной сложности не обнаружено. Следовательно, полученные результаты позволяют считать гипотезу подтвержденной.

Представленные данные могут быть использованы в практической деятельности психологов при работе с людьми, у которых наблюдаются сложности при выстраивании доверительных, позитивных межличностных взаимоотношений. Однако по-прежнему остаются открытыми ряд вопросов: например, о существовании различий — половых, гендерных, возрастных и других в оценке, актуальности и эффективности получения и применения эмоциональной поддержки в стрессовых ситуациях разного уровня эмоциональной трудности. До конца не ясно, как личность субъективно оценивает степень и необходимость получаемой эмоциональной поддержки: усиливает ли она чувство удовлетворенности жизнью, собой и благополучием. Все это составляет перспективы дальнейших исследований.

Список литературы

- Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
- Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
- Гринберг Д.* Управление стрессом. 7-е изд. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
- Журавлев А.Л.* Психологические факторы физического и психического здоровья человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 107—117.
- Казьмина О.Ю.* Социальные сети и развитие социального поведения // Руководство по оценке уровня развития социального поведения старшеклассника. М.: Центр социологии образования РАО, 1993. 80 с.
- Карабанова О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2006. 320 с.
- Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса: психологическая антропология стресса: монография. М.: Академический проект, 2009. 943 с.
- Клецина И.С.* Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.
- Коржова Е.Ю.* Развитие личности в контексте жизненной ситуации // Психология социальных ситуаций / сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001. С. 279—285.
- Крюкова Т.Л.* Роль когнитивного оценивания в психологическом совладании личности // Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления: тезисы докладов на научной конференции / отв. ред. В.В. Знаков, Т.В. Корнилова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 86—89.
- Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения: монография. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2010. 296 с.
- Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В.* Психология семьи: жизненные трудности и совладение с ними. СПб.: Речь, 2005. 240 с.
- Лазарус Р.* Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / под ред. Л. Леви. Л.: Медицина, 1970. С. 178—208.
- Матрехина Н.В.* Социальная сеть человека в контексте его жизненных ситуаций: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 22 с.

- Силантьева Т.А.* Социальная поддержка как ресурс совладания со стрессом в трудной жизненной ситуации // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе: материалы II Международной научно-практической конференции. Т. 1. Кострома, 2010. С. 177—179.
- Фонтана Д., Перри Г., Бруш А., Джеллико Х.* Как справиться со стрессом: в 3 кн. М.: Педагогика-Пресс, 1995. 352 с.
- Burleson B.R., MacGeorge E.L.* Supportive communication // Handbook of interpersonal communication / ed. by M.L. Knapp, J.A. Daly. Thousand Oaks (CA), 2002. Pp. 374—424.
- Cobb S.* Social support as a moderator of life stress // Psychosomatic Medicine. 1976. Vol. 38. Pp. 300—314. <http://dx.doi.org/10.1097/00006842-197609000-00003>
- Cohen S., Wills T.A.* Stress, social support, and the buffering hypothesis // Psychological Bulletin. 1985. Vol. 98. No. 2. Pp. 310—357. <http://dx.doi.org/10.1037//0033-2909.98.2.310>
- Collins N.L., Ford M.B., Holmes J.G.* An attachment theory perspective on social support in close relationships // Handbook of Interpersonal Psychology / ed. by L.M. Horowitz, S. Strack. Wiley & Sons, 2011. Pp. 216—217. <http://dx.doi.org/10.1002/9781118001868.ch13>
- Cross R., Parker A.* The hidden power of social networks: understanding how work really gets done in organizations. Harvard Business School Press, Boston, 2004. P. 304. <http://dx.doi.org/10.5860/choice.42-0398>
- Dixon N.F.* Humor: A cognitive alternative to stress? // Stress and Anxiety / ed. by I.G. Sarason, C.D. Spielberger. Washington, DC: Hemisphere. 1980. Vol. 7. Pp. 281—289.
- Folkman S., Lazarus R.S.* Coping and emotion // Stress and Coping / ed. by A. Monat, R.S. Lazarus. NY: Columbia University Press, 1991. Pp. 207—227. <http://dx.doi.org/10.7312/mona92982-018>
- Hansell S.* Adolescent friendship networks and distress in school // Social Forces. 1985. No. 63. Pp. 698—715. <http://dx.doi.org/10.2307/2578487>
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M.* Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 2010. 561 p.
- Holmes T.H., Rahe R.H.* The Social Readjustment Rating Scale // Journal of Psychosomatic Research. 1967. Vol. 11. Pp. 213—218. [https://doi.org/10.1016/0022-3999\(67\)90010-4](https://doi.org/10.1016/0022-3999(67)90010-4)
- Pierce G.R., Sarason B.R., Sarason I.G.* Plenum series on stress and coping // Handbook of Social Support and the Family. New York, US: Plenum Press, 1996. Pp. 43—65. <http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4899-1388-3>
- Regan P.C.* Close Relationships. NY and London: Routledge, 2011. 390 p. <http://dx.doi.org/10.4324/9780203834749>
- Vaux A.* Social Support: Theory, Research, and Intervention. New York: Praeger, 1988. 355 p. <http://dx.doi.org/10.1176/ps.41.4.460>

История статьи:

Поступила в редакцию: 6 марта 2019

Принята к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Крюкова Т.Л., Арипова А.О. Восприятие значимости эмоциональной поддержки при стрессе и характеристики социальной сети личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 181—195. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-181-195>

Сведения об авторах:

Крюкова Татьяна Леонидовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии Костромского государственного университета (Кострома, Россия). E-mail: tat.kryukova44@gmail.com

Арипова Анастасия Олеговна, соискатель кафедры общей и социальной психологии Костромского государственного университета (Кострома, Россия). E-mail: skorobogatyhao@mail.ru

Research article

Perception of Importance of Emotional Support under Stress and Characteristics of Individual's Social Network

Tatyana L. Kryukova, Anastasia O. Aripova

Kostroma State University
14 I May St., Kostroma, 156961, Russian Federation

Abstract. The article gives the concept of emotional support as a social support component shown in stress and coping problem field; it focuses on the problem of relations between the socio-psychological traits of one's social network and the value of emotional support. The goal is to confirm the interplay between a person's social network while under stress with situations of different complexity levels. It is assumed that there is a connection between the social and psychological qualities of the network with stressful situations of high and medium levels of emotional complexity. The study involves 196 men and women (17–60 years old; average age — 37 years old, $SD = 12.5$). Among the methods there is authors' questionnaire and the G. Perry' *Social Network* technique (1990). The results show that there are relationships between the qualities of a person's social network (breadth, structure) and its estimates of the value of emotional support in stressful situations of medium and high levels of emotional difficulty. It has been found that the emotional support is most important from people from the social network of the personality in the situations of loss, and the least important in the following situations: "reconciliation of spouses", "end of loan payments" and others. If a person has many friends included into their social network, they value less emotional support in situations of "birth of a child" and "personal success". People appreciate the importance of the emotional support more if they receive it from their spouse in the situation of "dismissal from work"; from the colleagues the emotional support is the most important in the situations of "dismissal" and "change of position". At the same time, the statistically significant associations of the social and psychological qualities of the social network and the value of support for an individual in everyday life/emotionally simple situations have not been revealed.

Key words: social support; emotional support; social network; quality of a social network: breadth, density, structure; stressful situations; coping behavior

References

- Bodrov, V.A. (2006). *Psichologicheskij stress: razvitie i preodolenie*. Moscow: PER SE Publ. (In Russ.)
- Burleson, B.R., & MacGeorge, E.L. (2002). Supportive communication. In M.L. Knapp, & J.A. Daly (Eds), *Handbook of Interpersonal Communication* (pp. 374–424). Thousand Oaks (CA).

- Cobb, S. (1976). Social support as a moderator of life stress. *Psychosomatic Medicine*, 38(5), 300—314. <http://dx.doi.org/10.1097/00006842-197609000-00003>
- Cohen, S., & Wills, T.A. (1985). Stress, social support, and the buffering hypothesis. *Psychological Bulletin*, 98(2), 310—357. <http://dx.doi.org/10.1037//0033-2909.98.2.310>
- Collins, N.L., Ford, M.B., & Holmes, J.G. (2011). An Attachment Theory Perspective on Social Support in Close Relationships. In L.M. Horowitz & S. Strack (Eds), *Handbook of Interpersonal Psychology* (pp. 216—217). Wiley & Sons. doi: 10.1002/9781118001868.ch13
- Cross, R. & Parker, A. (2004). *The Hidden Power of Social Networks: Understanding How Work Really Gets Done in Organizations*. Boston: Harvard Business School Press. <http://dx.doi.org/10.5860/choice.42-0398>
- Dixon, N.F. (1980). Humor: A cognitive alternative to stress? In I.G. Sarason & C.D. Spielberger (Eds), *Stress and anxiety* (vol. 7, pp. 281—289). Washington, DC: Hemisphere.
- Folkman, S. & Lazarus, R.S. (1991). Coping and emotion. In A. Monat & R.S. Lazarus (Eds). *Stress and Coping: An Anthology* (pp. 207—227). N.-Y: Columbia University Press. <https://doi.org/10.7312/mona92982-018>
- Fontana, D., Perri, G., Brum, A., & Dzhelliko, Kh. (1995). *Kak spravit'sya so stressom*. Moscow: Pedagogika-Press. (In Russ.)
- Grinberg, D. (2002). *Upravlenie stressom*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Hansell, S. (1985). Adolescent friendship networks and distress in school. *Social Forces*, 63, 698—715. <http://dx.doi.org/10.2307/2578487>
- Hofstede, G., Hofstede, G.J., & Minkov, M. (2010). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw-Hill.
- Holmes, T.H., & Rahe, R.H. (1967). The Social Readjustment Rating Scale. *Journal of Psychosomatic Research*, 11, 213—218. [https://doi.org/10.1016/0022-3999\(67\)90010-4](https://doi.org/10.1016/0022-3999(67)90010-4)
- Kazmina, O.Y. (1993). Social'nye seti i razvitie social'nogo povedeniya. *Rukovodstvo po ocenke urovnya razvitiya social'nogo povedeniya starsheklassnika*. Moscow: Center of Sociology of Education, RAE. (In Russ.)
- Karabanova, O.A. (2006). *Psikhologiya semeinyh otnoshenii i osnovy semejnogo konsul'tirovaniya*. Moscow: Gardariki Publ. (In Russ.)
- Kitaev-Smyk, L.A. (2009). *Psihologiya stressa: psihologicheskaya antropologiya stressa: monografiya*. Moscow: Akademicheskij proekt Publ. (In Russ.)
- Klecina, I.S. (2004). *Psihologiya gendernyh otnoshenij: teoriya i praktika*. Saint Petersburg: Aletejya Publ. (In Russ.)
- Korzhova, E.Y. (2001). Razvitie lichnosti v kontekste zhiznennoj situacii. *Psihologiya socialnyh situacij* (pp. 279—285). Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Kryukova, T.L. (2003). Rol' kognitivnogo ocenivaniya v psihologicheskom sovladanii lichnosti. *Tvorcheskoe nasledie A.V. Brushlinskogo i O.K. Tihomirova i sovremennaya psihologiya myshleniya: Conferency Proseedings* (pp. 86—89). Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Kryukova, T.L. (2010). *Psihologiya Sovladayushchego Povedeniya*. Kostroma: Nekrasov KSU Publ. (In Russ.)
- Kryukova, T.L., Saporovskaya, M.V., & Kuftyak, E.V. (2005). *Psihologiya sem'i: zhiznennye trudnosti i sovladenie s nimi*. Saint Petersburg: Rech Publ. (In Russ.)
- Lazarus, R. (1970). Teoriya stressa i psihofiziologicheskie issledovaniya. In L. Levi (Ed.), *Emocionalnyi Stress* (pp. 178—208). Leningrad: Medicina Publ. (In Russ.)

- Matrekhina, N.V. (2006). *Social'naya set cheloveka v kontekste ego zhiznennykh situacij*: Ph. D. in Psychology Thesis. Saint Petersburg. (In Russ.)
- Regan, P.C. (2011). *Close Relationships*. NY and London: Routledge. <http://dx.doi.org/10.4324/9780203834749>
- Pierce, G.R., Sarason, B.R., & Sarason, I.G. (Eds.). (1996). Plenum series on stress and coping. *Handbook of Social Support and the Family* (pp. 43—65). New York: Plenum Press. <http://dx.doi.org/10.1007/978-1-4899-1388-3>
- Silanteva, T.A. (2010). Social'naya podderzhka kak resurs sovladaniya so stressom v trudnoj zhiznennoj situacii. *Psihologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: Conferency Proseedings* (vol. 1, pp. 177—179). Kostroma: Nekrasov KSU Publ. (In Russ.)
- Vaux, A. (1988). *Social Support: Theory, Research, and Intervention*. New York: Praeger. <http://dx.doi.org/10.1176/ps.41.4.460>
- Vodopyanova, N.E. (2009). *Psihodiagnostika Stressa*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Zhuravlev, A.L. (2004). Psihologicheskie faktory fizicheskogo i psicheskogo zdorov'ya cheloveka. *Psihologicheskij zhurnal*, 25(3), 107—117. (In Russ.)

Article history:

Received: 6 March 2019

Revised: 18 May 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Kryukova, T.L., & Aripova, A.O. (2019). Perception of Importance of Emotional Support under Stress and Characteristics of Individual's Social Network. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 181—195. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-181-195>

Bio Notes:

Tatyana L. Kryukova, Ph.D. in Psychology, is Full Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation). E-mail: tat.krukova44@gmail.com

Anastasia O. Aripova, is graduate student of the Department of General and Social Psychology, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation). E-mail: skorobogatyhao@mail.ru

Исследовательская статья

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-196-212

УДК 159.9.07

Особенности эмоционального состояния женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития**Е.С. Гринина**

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Проблема эмоционального состояния женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, является актуальной не только в контексте эмоционального самочувствия современных женщин, но и в связи с тесным психологическим взаимовлиянием матери и ребенка, имеющего нарушения развития. Представленные в современной литературе сведения свидетельствуют о своеобразии эмоциональной сферы и личности родителей детей с нарушениями развития, преобладании у них чувства вины, тревожности, изменении ценностных ориентаций, снижении самооценки и т.д. Наиболее актуальным представляется анализ уровня стресса и депрессии как значимых показателей не только эмоционального самочувствия, но и возможностей включения и реализации адаптационных и мобилизационных механизмов личности. Сравнительное эмпирическое исследование эмоционального состояния проводилось в группах женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, и женщин, воспитывающих здоровых детей. По данным методик «Шкала психологического стресса PSM-25» и «Шкала депрессии Бека» у женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, отмечается снижение выраженности острой реакции на стрессогенные факторы, хронизация стрессового состояния с тенденцией перехода эмоциональных переживаний в депрессивную фазу. Применение методики «Незаконченные предложения» позволило классифицировать 80 % ответов испытуемых, воспитывающих детей с нарушениями развития, как «эмоционально отрицательные», тогда как в контрольной выборке преобладают «эмоционально положительные» ответы — 85 %. Анализ данных исследования позволяет говорить о необходимости как можно более раннего начала психологической поддержки матерей, воспитывающих детей с нарушениями развития, формирования у них адаптивных способов реагирования на стрессовую ситуацию, что будет способствовать профилактике хронизации стрессовых состояний и возникновения депрессии. Учет результатов исследования может быть полезен при разработке и организации психологической помощи современным женщинам, а также при сопровождении семей, воспитывающих детей с нарушениями развития.

Ключевые слова: эмоциональное состояние; стресс; депрессия; факторы дестабилизации эмоционального состояния; матери, воспитывающие детей с нарушениями развития; родители детей с ограниченными возможностями здоровья

© Гринина Е.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Введение

Одна из наиболее значимых социально-психологических ролей современной женщины — роль матери. Рождение ребенка — событие, оказывающее влияние на все стороны жизни женщины, приводящее к существенным изменениям ее смысло-жизненных ориентаций, личности, поведения, образа жизни. Ожидание, рождение и дальнейшее воспитание ребенка тесно связано с эмоциональными переживаниями матери, появлением надежд и тревог. В большинстве случаев взаимодействие матери и ребенка представляет собой неразрывную диаду, в которой каждый ее член оказывает выраженное влияние на другого. Так, состояние и успехи ребенка могут вызывать яркие эмоциональные переживания у матери. Ребенок же, в свою очередь, очень чутко реагирует на настроение, эмоции мамы и отражает их посредством собственных эмоциональных и поведенческих проявлений.

Мечта любой женщины — воспитывать здорового, красивого, умного, успешного ребенка. Однако, по данным статистических исследований, в последнее время увеличивается количество детей, имеющих отклонения в состоянии здоровья различной степени выраженности, что накладывает отпечаток на весь путь их дальнейшего развития. Любое нарушение в состоянии здоровья ребенка — стресс для матери. Если же отклонение у ребенка носит стойкий характер, женщина сталкивается с множеством проблем медицинского, бытового, социального плана, преодоление которых требует значительного эмоционального напряжения. Постоянные переживания за ребенка, включающие тревогу по поводу состояния его здоровья, динамики развития, прогноза на будущее выступают в качестве мощного стрессогенного фактора, что может обусловить возникновение эмоциональных деформаций у матери (Белякова, Гринина, 2017). В свою очередь деструктивные эмоциональные состояния матери оказывают негативное влияние на формирование адекватного потребностям ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) взаимодействия с ним, препятствуют полноценному раскрытию реабилитационного потенциала. Возникает своеобразный замкнутый круг: нарушения развития ребенка порождают переживания и эмоциональные нарушения у матери, что обуславливает усугубление проблем самого ребенка, тормозит его развитие, провоцирует появление вторичных, социально обусловленных отклонений.

Теоретический анализ проблемы

Проблема психологического, в том числе эмоционального, состояния женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, стоит в современной психологии достаточно остро и находит отражение в ряде публикаций как зарубежных, так и отечественных авторов. Ссылаясь на данные Е. Carter и М. McGoldrick М. Селигман и Р.Б. Дарлинг (Seligman, Darling, 2009) подчеркивают тесную взаимосвязь физического, социального и эмоционального функционирования членов семьи. Характеризуя этапы реакции на факт нарушений у ребенка, авторы отмечают последовательные стадии отрицания, сделки, гнева, депрессии, принятия. Констатируется, что появление в семье ребенка с нарушениями в развитии может

вызвать такие дисгармоничные проявления у матери, как депрессия, чувство вины, самообвинение; подчеркивается значимость поддержки родителей. G.H. Singer, V.L. Ethridge and S.I. Aldana (2007) обращают внимание на выраженность депрессивных симптомов и других форм психологических расстройств, связанных со стрессом у родителей детей с нарушениями развития.

Данные, отражающие специфику эмоциональной сферы родителей, воспитывающих детей с нарушениями развития, представлены и в исследованиях отечественных авторов: И.А. Багдасарьян, Н.П. Болотовой, Н.В. Мазуровой, В.В. Ткачевой, Е.Ю. Фирсовой и др. Для родителей, воспитывающих детей с нарушениями развития, характерна деструктивность родительской позиции (Гририна, Рудзинская, 2016), напряженность и дисгармоничность межличностных отношений в семье (Бразгун, Ткачева, 2018), выраженные тревожные реакции на болезнь ребенка, сопутствующий страх смерти (Степанова, Лещенко, 2017) и т.д. По мнению Т.П. Корнеевой и Е.П. Тарасенко (2018), наиболее распространенной ошибкой в воспитании ребенка с нарушениями в развитии является проявление родителями жалости, чрезмерной снисходительности. Стремление оградить такого ребенка от проблем препятствует формированию у него самостоятельности, что в свою очередь обуславливает возникновение отрицательных эмоциональных переживаний у родителей. Обобщая данные исследований психологических особенностей родителей детей с нарушениями развития, В.В. Ткачева (2004, 2016) выделяет авторитарный, невротический и психосоматический типы личностных девиаций. Автор отмечает деструктивность переживания такими родителями стрессовых ситуаций, их психическую травмированность (Ткачева, 2019), подчеркивает значимость оказания им психологической помощи, описывает авторскую методику коррекционной работы (Ткачева, 2017).

В качестве значимого фактора социализации детей с нарушениями развития, в частности с расстройствами аутистического спектра, Г.А. Евлампиева (2017) отмечает эмоциональную зрелость их родителей, т.е. способность дифференцировать собственные эмоциональные реакции в зависимости от потребностей и специфики развития ребенка на каждом возрастном этапе.

По данным исследования А.И. Мкртчян (2009), родители детей-инвалидов характеризуют свое эмоциональное состояние, используя вербальные обороты типа «крушение надежд», «жизнь рухнула», отмечают склонность к стрессам, депрессии, ощущение беспомощности и безнадежности. При этом автор обращает также внимание на взаимное влияние эмоционального состояния родителей и детей с нарушениями развития. В работе Л.Г. Забориной (2007) выявлены высокие показатели эмоционального напряжения у родителей, воспитывающих детей-инвалидов. Применение методики «Незаконченные предложения» позволило выявить негативные эмоциональные переживания испытуемых по отношению к болезни, пессимистичные представления о болезни, здоровье. Как правило, сопряжены с отрицательными эмоциями вопросы, касающиеся отношения к лечению, представления о будущем и т.д.

Эмоциональное неблагополучие родителей детей с нарушениями развития прослеживаются в проектировании ими временной перспективы. Сравнивая пред-

ставление о временной перспективе детей с различной степенью выраженности нарушений, Г.А. Мишина и А.Д. Тарасова (2018) отмечают, что для родителей детей с более выраженными нарушениями преимущественно характерны ориентировки на настоящее и ближайшее будущее в сочетании с недостаточностью планирования отдаленного будущего. В случае развития ребенка, более приближенного к нормативным показателям, у родителей прослеживаются тенденции планирования и ближайшего, и более отдаленного будущего. В то же время эмоциональная нестабильность таких родителей проявляется в перекладывании вины за неудачи на самого ребенка, приписывании ему негативных черт и т.д.

Н.В. Ключева и М.Д. Маврина (2016) констатируют снижение показателей субъективной удовлетворенности родителей детей с ограниченными возможностями здоровья по таким параметрам, как последовательность в достижении целей, согласованность между поставленными и достигнутыми целями, общий фон настроения. И.Е. Ефимова (2018) выявила актуализацию у родителей, воспитывающих таких детей, чувства вины. Р.И. Хайрудинова (2015) отмечает снижение самооценки родителей, воспитывающих детей с нарушениями развития, по шкалам счастье, уверенность в себе, удовлетворенность статусом, стрессоустойчивость, а также наличие эмоционального дисбаланса как внутриличностного, так и во взаимодействии с ребенком. Автор отмечает также преобладание у таких родителей защитных механизмов по типу отрицания, что связано с потребностью в оптимизации их эмоционального состояния. В результате применения комплекса психодиагностических методик Н.В. Мазурова (2014) выделяет высокий, средний и низкий уровни социально-психологической адаптации родителей, воспитывающих длительно болеющих детей. Родители с низким уровнем социально-психологической адаптации характеризуются замкнутостью, заниженной самооценкой, эмоциональной неустойчивостью, преобладанием внешнеобвинительных тенденций и недостаточным проявлением волевых качеств. Н.И. Зарубина (2018) пишет, что отцы в силу профессиональной занятости реже контактируют с детьми с ограниченными возможностями здоровья, их жизненный стереотип претерпевает менее значимые изменения. В результате они испытывают меньше эмоциональных деформаций, чем матери. В то же время Е.В. Устинова (2016), анализируя родительскую позицию отцов, воспитывающих детей с нарушениями развития, отмечает их неуверенность, сомнение в собственных силах, снижение требовательности по отношению к ребенку, неустойчивость системы запретов, стремление переложить ответственность за воспитание ребенка на матерей и других членов семьи. При этом 44 % респондентов эмоционально отвергают собственного ребенка, избегают контакта с ним.

По данным С.В. Перминой и Т.В. Циневской (2016), у женщин, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, отмечаются изменения ценностных ориентаций. В числе приоритетных маркеров благополучной жизни выступают эмоционально-положительные семейные отношения, достижение финансового достатка и здоровья, при этом отмечается минимизация потребности в профессиональном, карьерном и личностном росте. Исследование самоотношения таких матерей показало, что 22 % опрошенных продемонстрировали

сомнения в ценности собственной личности, недооценивают значимость своего «Я»; 38 % респондентов не удовлетворены своими возможностями. По данным исследования, более половины женщин (52 %) имеют высокий показатель по параметру «внутренняя конфликтность», что позволяет констатировать негативный эмоциональный фон их отношения к самим себе; 36 % склонны к самообвинению. Только 2 % респонденток испытывают полное эмоциональное благополучие.

В исследовании А.А. Реана, А.А. Баранова, Р.К. Махмутовой (2016) выявлен эмоциональный дисбаланс в диаде «мать — ребенок с интеллектуальными нарушениями». Матери, воспитывающие таких дошкольников, характеризуются низкой чувствительностью к состоянию и потребностям ребенка, непониманием причин его поведения, неспособностью к сопереживанию ему в трудных ситуациях.

При нарушениях опорно-двигательного аппарата у детей их родители испытывают чувство переутомления, эмоционального истощения, обнаруживается снижение потребности в саморазвитии (Дубровина, Набойченко, 2018). Предпринятое Е.И. Комковой и А.А. Шуренковой (2017) исследование показало, что матери, воспитывающие детей с ДЦП, чаще и глубже, чем матери здоровых детей, испытывают состояние депрессии и нервно-психического напряжения. В ряде случаев для них характерна дезорганизация психической деятельности, происходящая на фоне выраженных нарушений в эмоциональной сфере и расстройства соматических функций. По данным Н.П. Болотовой (2018), у 86 % родителей, воспитывающих детей с нарушениями развития, в частности с нарушениями опорно-двигательного аппарата, отмечается высокая личностная тревожность, у 9 % — умеренная личностная тревожность, у 5 % — низкая. Матери, воспитывающие детей с нарушениями слуха, испытывают опасение обидеть своего ребенка, проявляют по отношению к нему чрезмерную опеку, злоупотребляют ограничениями и запретами, нередко прибегая в этом к вербальным средствам воздействия (Левакова, 2016).

Изучение личностной и эмоциональной сфер родителей, воспитывающих детей с нарушениями развития (с умственной отсталостью, ДЦП, глухотой, ранним детским аутизмом, расщелиной неба), проведенное Е.В. Зубовой (2012), показало преобладание импульсивности у 30,9 % матерей, тревожности у 33,3 %, наличие тенденции к патохарактерологическому развитию личности у 27,2 % опрошенных. Для родителей с высоким риском невротизации (34,5 %) характерны быстрая утомляемость, нарушения сна, ипохондрическая фиксация на неприятных соматических ощущениях, снижение настроения, депрессия, повышенная раздражимость, слезливость, возбудимость, наличие страхов, тревоги и неуверенности в себе. Психопатизация, выявленная у 34,5 % обследованных, проявляется в беспечности и легкомыслии, холодном, а иногда и жестком отношении к близким, напористости, упрямстве в межличностных отношениях, склонности к асоциальным формам поведения, неадекватным поведенческим реакциям, непредсказуемости поступков и тенденции к созданию конфликтных ситуаций.

По мнению С.П. Деркач (2017), родителям детей-инвалидов свойственно хроническое снижение настроения, склонность к депрессивным переживаниям, воз-

ложение вины за рождение больного ребенка на себя. В результате далеко не все родители по своему эмоциональному состоянию могут выступать ресурсом для ребенка-инвалида и всей семьи. Следовательно, такие родители нуждаются в помощи в гармонизации психоэмоционального состояния, восполнении адаптивного потенциала.

Итак, анализ литературных источников показал наличие специфических особенностей эмоциональной и личностной сфер родителей, воспитывающих детей с нарушениями развития. Эта тема, являясь актуальной не только в контексте психологического самочувствия современных женщин, но и в связи с тесным взаимовлиянием, затрагивающим психологический, физиологический, социальный уровни матери и ребенка, особенно имеющего нарушения развития, требует детального исследования. В частности, одним из наиболее актуальных направлений исследования эмоционального состояния женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, может выступать анализ уровня стресса и депрессии как значимых показателей не только эмоционального самочувствия, но и возможностей включения и реализации адаптационных и мобилизационных механизмов личности. Указанное обстоятельство обуславливает актуальность и новизну настоящего исследования.

Процедура и методы исследования

Целью эмпирического исследования выступало изучение особенностей эмоционального состояния у женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития. В центре внимания оказались такие эмоциональные состояния, как стресс и депрессия, поскольку именно они оказывают наиболее значимое влияние на психологическое самочувствие личности. Предполагается, что для женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, характерно преобладание деструктивных эмоциональных состояний, проявляющихся в эмоциональных переживаниях негативного характера, высоком риске депрессии.

Наиболее ярко специфика эмоционального состояния женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, будет проявляться в сравнении с женщинами, воспитывающими здоровых детей. В связи с этим в исследовании приняли участие 20 женщин, воспитывающих детей с отклонением в развитии, и 20 женщин, воспитывают детей с нормальным психофизическим развитием.

Выборка женщин, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, оказалась гетерогенной по фактору нозологии нарушений у детей: нарушения речи — 6 детей, опорно-двигательного аппарата — 4 ребенка, эмоционально-волевой сферы — 8 детей, умственная отсталость — 2 ребенка, что позволяет выявить общие закономерности функционирования эмоциональной сферы, характерные для таких матерей. Возраст испытуемых — от 28 до 41 года, возраст воспитываемых ими детей — от 6 до 9 лет. В исследовании принимали участие испытуемые из полных семей, что позволяет исключить дополнительный стрессогенный фактор, связанный с отсутствием в семье отца. В двух семьях ребенок с ОВЗ является единственным, три семьи — многодетные (от 3 до 5 детей),

в остальных семьях воспитываются 2 ребенка, один из которых имеет нарушения в состоянии здоровья.

Контрольная группа испытуемых является сопоставимой с экспериментальной по факторам состава семьи: полные семьи, воспитывающие одного (3 семьи), двух (15 семей), трех и более (2 семьи) детей, а также возраста испытуемых (от 28 до 42 лет).

Эмпирическое исследование проводилось с применением «Шкалы психологического стресса PSM-25», «Шкалы депрессии Бека» и методики «Незаконченные предложения».

Методика «Шкала психологического стресса PSM-25» (Lemyr — Tessier — Fillion) позволяет оценить стрессовые переживания личности, включающие соматические, поведенческие и эмоциональные проявления. Методика содержит 25 утверждений, в соответствии с которыми испытуемый оценивает свое состояние за последнюю неделю по 8-бальной шкале (амплитуда оценки: от «никогда» — 1 балл до «постоянно/ежедневно» — 8 баллов). Подсчет суммы баллов позволяет сделать вывод об уровне стресса: показатели менее 100 баллов соответствуют низкому уровню стресса, 100—125 баллов — среднему, более 125 баллов — высокому уровню стресса.

Методика «Шкала депрессии Бека» (Beck Depression Inventory, BDI) применяется для диагностики выраженности депрессивных состояний у испытуемых. Она включает 21 группу утверждений, в каждой из которой испытуемому предлагается выбрать одно, наиболее точно описывающее его состояние. Каждому утверждению соответствует свой количественный показатель (от 0 до 3), характеризующий уровень выраженности симптома в общей картине тяжести депрессии. Суммирование показателей по всей методике позволяет оценить уровень выраженности депрессии: показатели от 0 до 9 баллов свидетельствуют об отсутствии депрессивных симптомов; от 10 до 15 баллов — о легкой депрессии (субдепрессии); от 16 до 19 баллов — об умеренной депрессии; от 20 до 29 баллов — о выраженной депрессии (средней тяжести); от 30 до 63 баллов — о тяжелой депрессии.

Методика «Незаконченные предложения» относится к группе проективных психологических методик и предполагает возможность дополнения испытуемыми высказываний, отражающих их отношений к различным сферам жизни. Методика включает ряд высказываний, в продолжении которых проецируется эмоциональное отношение испытуемых к значимым проблемам, связанным с развитием детей, имеющих нарушения здоровья. По семантической направленности можно выделить такие группы высказываний, как «отношение к болезни ребенка», «представление о будущем ребенка», «отношение окружающих» и т.д. В ходе обработки результатов применения методики «Незаконченные предложения» высказывания испытуемых классифицировались как эмоционально-положительные, эмоционально-нейтральные и эмоционально-отрицательные.

Статистическая обработка полученных данных проводилась с применением *U*-критерия Манна — Уитни.

Результаты и их обсуждение

Результаты применения методики «Шкала психологического стресса PSM-25» в группах женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития и детей с нормативным развитием, представлены в табл. 1.

Таблица 1/Table 1

Результаты методики «Шкала психологического стресса PSM-25»
[Results of “Psychological Stress Measure PSM-25”]

Уровень стресса	Женщины, воспитывающие детей с нормативным развитием, %	Женщины, воспитывающие детей с нарушениями развития, %
Высокий	75	0
Средний	25	35
Низкий	0	65

Из данных табл. 1 следует, что женщины, воспитывающие детей с нормально протекающим развитием, испытывают более выраженный уровень психической напряженности по сравнению с родителями, воспитывающими детей с нарушениями развития. Средние показатели по данной методике в группе испытуемых, воспитывающих детей с нарушениями развития, составляют $90 \pm 24,45$, тогда как у матерей здоровых детей — $152,6 \pm 17,33$. Качественный анализ полученных данных свидетельствует, что среди женщин, воспитывающих детей с нормальным психофизическим развитием, преобладают лица с высоким уровнем стресса (75 % выборки). Примечательно, что в этой группе ни у одного испытуемого нет низкого показателя психической напряженности. В то же время у женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, высокий уровень психической напряженности выявлен не был. Среди родителей данной категории преобладают респонденты с низким уровнем психической напряженности (65 % выборки). Возможно, для этих респондентов характерна психологическая адаптированность к актуальной ситуации.

Показатели психического напряжения родителей, воспитывающих детей с нормальным психофизическим развитием, значительно превышают таковые у родителей, воспитывающих детей с нарушениями развития. На первый взгляд эти результаты противоречат логике, согласно которой воспитание ребенка с ограниченными возможностями здоровья — это стресс для матери, обуславливающий актуализацию у нее психической напряженности. Однако, мы полагаем, что полученные данные вполне закономерны, ведь семья, воспитывающая больного ребенка, постоянно испытывает тревогу по поводу состояния ребенка, качества его жизни. Ребенок с нарушением развития требует большего внимания, в зависимости от характера заболевания ему может требоваться помощь даже в таком обыденном деле, как самообслуживание. Нередко заболевание ребенка требует дополнительных затрат на работу с узкими специалистами, покупку дорогостоящих медицинских препаратов и т.п. Родителям данной категории необходимо постоянно контролировать ситуацию, быть в тонусе. Они вынуждены психологически адаптироваться к проблеме и часто в повседневной действительности действуют автоматически, избегая острого реагирования на стрессовые ситуации. Иначе говоря, трудности, встающие перед женщиной, воспитывающей ребенка

с нарушением развития, имеют пролонгированный характер, а вызванный этим фактором стресс может приобретать хронический характер и не вызывать острого эмоционального реагирования.

Результаты методики «Шкала депрессии Бека» представлены в табл. 2.

Таблица 2/Table 2

**Результаты методики «Шкала депрессии Бека»
[Results of “Beck Depression Inventory”]**

Уровень депрессии	Женщины, воспитывающие детей с нарушениями развития, %	Женщины, воспитывающие детей с нормативным развитием, %
Отсутствие депрессивных симптомов	0	80
Легкая депрессия (субдепрессия)	10	20
Умеренная депрессия	60	0
Выраженная депрессия	30	0
Тяжелая депрессия	0	0

Количественный анализ результатов применения методики «Шкала депрессии Бека» показал, что средние показатели в группе испытуемых, воспитывающих детей с нарушениями развития, составляют $18 \pm 3,2$. В то же время средние результаты женщин, воспитывающих детей с нормативным развитием, составляют $5,6 \pm 4$. Согласно проведенному исследованию, у всех женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, встречаются депрессивные симптомы различной степени выраженности. Примечательно, что у значительного числа таких женщин наблюдаются довольно серьезные нарушения эмоциональной сферы. У женщин, воспитывающих детей с нормативным развитием, депрессия практически не встречается. Таким образом, результаты применения методики «Шкала депрессии Бека» свидетельствуют, что для женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, характерно более выраженное эмоциональное неблагополучие. К сожалению, среди матерей таких детей нет респонденток с отсутствием депрессивных симптомов, в то время как среди родителей, воспитывающих детей с нормативным развитием, респонденты с отсутствием депрессивных симптомов составляют большую часть выборки. Более чем у половины женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, отмечается умеренная депрессия, а у трети — выраженная депрессия. Указанные факты свидетельствуют о деструктивном эмоциональном состоянии женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития.

Данные сравнения результатов применения методик «Шкала психологического стресса PSM-25» и «Шкала депрессии Бека» в двух группах представлены в табл. 3.

Как видно из табл. 3, выявлены статистически значимые различия выраженности уровня стресса и депрессии в группах испытуемых, воспитывающих детей с нарушениями развития и с нормативным развитием. Сопоставление и анализ результатов исследования уровня стресса и депрессии у женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, позволяют констатировать у них глубокие эмоциональные деструкции. Стресс, являясь часто внешне-ориентированным эмо-

циональным состоянием, способен мобилизовать возможности личности для преодоления возникающих трудностей. Хронизация же стрессовых состояний переводит эмоциональные нарушения на более глубокий, иммобилизирующий уровень — уровень депрессии. У человека, находящегося в депрессивном состоянии, резко ограничены адаптационные, ресурсные возможности.

Таблица 3/Table 3

Различия в эмоциональном состоянии женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития и с нормативным развитием
[Differences in an emotional state in the women raising children with developmental disorders and with standard development]

Показатели	Женщины, воспитывающие детей с нарушениями развития	Женщины, воспитывающие детей с нормативным развитием	U-критерий	Уровень значимости
Уровень стресса	90 ± 24,45	152,6 ± 17,33	4,00	$p < 0,01$
Уровень депрессии	18 ± 3,2	5,6 ± 4	6,00	$p < 0,01$

Пониманию качественного своеобразия эмоционального состояния женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, способствует применение методики «Незаконченные предложения». В ходе исследования испытуемым предлагалось закончить предложения, характеризующие их отношений к болезни ребенка, эмоциональное самочувствие, самооценку, представления о будущем ребенка и т.д. Семантические группы ответов, наиболее наглядно отражающие эмоциональное состояние испытуемых, представлены в табл. 4.

Таблица 4/Table 4

Результаты методики «Незаконченные предложения»
[Results of “Sack’s Sentence Completion Test”]

Группы высказываний	Женщины, воспитывающие детей с нарушениями развития			Женщины, воспитывающие детей с нормативным развитием		
	Эмоционально-положительные ответы, %	Эмоционально-нейтральные ответы, %	Эмоционально-отрицательные ответы, %	Эмоционально-положительные ответы, %	Эмоционально-нейтральные ответы, %	Эмоционально-отрицательные ответы, %
Отношение к болезни ребенка	0	20	80	90	10	0
Представление о будущем ребенка	0	30	70	80	20	0
Отношение окружающих	0	30	70	60	40	0

Анализ ответов на вопросы, раскрывающие отношение матери к болезни ребенка, показывает, что в 80 % ответов матерей детей с нарушениями развития преобладает негативная окрашенность переживаний («Когда я думаю о болезни своего ребенка, то я страдаю», «Мне очень тяжело и больно»). В ответах матерей детей с нормальным психофизическим развитием негативная окрашенность выражена не так явно. Их ответы более оптимистичны («Когда я думаю о болезни своего ребенка, то считаю, что он скоро выздоровеет», «...знаю, что скоро болезнь

пройдет»). В группе ответов на вопросы, касающиеся представлений о болезни у матерей детей с нарушениями развития также констатируется более сильное эмоциональное напряжение. У всех респонденток этой группы прослеживаются отражение чувства страха, отчаяния, боли; болезнь переживается ими как нечто страшное, непоправимое («Когда я впервые узнала о болезни ребенка, у меня был шок», «..весь мир рухнул», «...я не хотела жить»), что не присуще матерям детей с нормальным психофизическим развитием. Среди ответов респондентов, воспитывающих нормально развивающихся детей, чаще всего встречались ответы типа: «С такой болезнью, как у моего ребенка, справиться несложно», только 1 респондентка ответила «эмоционально нейтрально» («С такой болезнью, как у моего ребенка... я надеюсь, что у моего ребенка не будет никакой болезни»). В то же время мать ребенка с нарушением развития на аналогичный вопрос ответила: «С такой болезнью, как у моего ребенка, жить непросто и нет возможности быть счастливым».

Заканчивая предложения, матери детей с нарушениями развития указывают на переживание своих чувств чаще, чем родители детей с нормальным развитием. Они описывают переживания боли и страха (90 % опрошенных) («Когда я думаю о болезни своего ребенка, то мне очень горько», «...то мне очень тяжело на сердце», «...я в растерянности», «...опускаются руки», «..я очень сильно переживаю»). Большинство родителей детей с нарушениями развития (80 %) испытывают чувство вины по отношению к себе или обвиняют медперсонал: «Мой ребенок был бы сейчас другим, если бы не врачи», «...если бы я повела себя по другому, то...». Матери детей с нормативным развитием в 90 % случаев, заканчивая аналогичные предложения, либо указывают на факты, не зависящие от них, либо вовсе не рассматривают эти вопросы, как касающиеся здоровья: «Мой ребенок был бы сейчас другим, если бы не вмешивались бабушки», «...мы чаще бы проводили время вместе», «...если бы не простудились», «...это просто воля случая».

В предложениях женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, где рассматривается будущее ребенка, в 70 % ответов прослеживаются пессимистичные настроения: «Через 20 лет мой ребенок научится хоть что-нибудь делать сам», «...он будет зависеть от нас», «..он не сможет прожить без помощи», «В будущем его здоровье также будет зависеть от нас, от врачей», «Будущее мне кажется серым», «...мой ребенок будет таким же, как и сейчас», «...сложным». Часто встречался ответ «...не могу представить», что отражает неуверенность родителей в будущем. Ответы матерей детей с нормальным психофизическим развитием в большинстве случаев (80 %) носили оптимистичный характер: «Через 20 лет мой ребенок добьется высот», «...будет заботиться о своих родителях», «В будущем его здоровье будет отличным», «...будет зависеть от правильного образа жизни»; «Будущее мне кажется-перспективным», «...солнечным».

В завершении предложения «Окружающие думают...» в группе женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, прослеживается заниженная самооценка, самообвинительные тенденции (70 %): «...что я сумасшедшая», «...зря родила пятого ребенка», «...в болезни ребенка виновата я», «...ничего не делаю для лечения и воспитания ребенка», «...мой ребенок опасен, и они правы». В большинстве ответов родителей детей с нормальным психофизическим развитием (60 %) отмечаются тенденции, свидетельствующие о более высокой самооценке: «Окру-

жающие думают, что я красива», «...мой ребенок талантливый», «...мой ребенок невоспитан, но он это перерастет», «...мы очень шумные, но на самом деле мы просто веселые».

Варианты окончания предложения «Если бы мой ребенок был здоров...» у женщин обеих групп в целом не отличаются: «...я бы была самой счастливой», «... жизнь была бы прекрасной», «...мы бы совершили много подвигов». Две матери детей с нарушениями развития (10 %) это предложение закончили иначе: «Если бы мой ребенок был здоров, то моя жизнь была бы легче», «...зачем строить иллюзии».

Таким образом, у матерей, воспитывающих детей с нарушениями развития, в завершении всех предложений преобладают «эмоционально отрицательные» ответы (80 %), остальные 20 % составляют «эмоционально нейтральные» ответы, «эмоционально положительные» ответы отсутствуют. И наоборот, для женщин, воспитывающих детей с нормативным развитием, характерны «эмоционально положительные» ответы (85 %), 15 % — «эмоционально нейтральные» ответы, «эмоционально отрицательные» ответы отсутствуют.

Заключение

Результаты исследования эмоционального состояния женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, позволяют констатировать его выраженную деструктивность. У таких женщин отмечается склонность к депрессии, эмоциональные переживания носят преимущественно негативный характер, отмечается хроническая психическая напряженность, выраженность тревоги. В ходе исследования выявлено снижение уровня стресса в сочетании с более высокими показателями депрессии, что свидетельствует о снижении эмоционального адаптационного потенциала женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития, переходе переживаний на более глубокий, иммобилизирующий уровень. Полученные данные свидетельствуют о необходимости проведения целенаправленной психологической работы, ориентированной на оптимизацию эмоционального состояния женщин рассматриваемой категории. В частности, существует необходимость как можно более раннего начала психологической поддержки матерей, воспитывающих детей с нарушениями развития, формирования у них адаптивных способов реагирования на стрессовую ситуацию, что будет способствовать профилактике хронизации стрессовых состояний и возникновения депрессии.

Список литературы

- Белякова А.С., Гринина Е.С. К вопросу об эмоциональном состоянии родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья // Реабилитация, абилитация и социализация: междисциплинарный подход / под ред. О.Е. Нестеровой, Р.М. Шамяинова, Л.В. Шиповой, Е.С. Пяткиной, М.Д. Коноваловой. М.: Перо, 2017. С. 218—226.
- Болотова Н.П. Психолого-педагогическое изучение семей подростков с двигательными нарушениями. М.: МПГУ, 2018. 110 с.
- Бразгун Т.Н., Ткачева В.В. Семья ребенка с синдромом Дауна сквозь призму изучения особенностей межличностных отношений // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 1. С. 28—39. <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070103>

- Григина Е.С., Рудзинская Т.Ф. Особенности детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 2. С. 163—168.
- Деркач С.П. Использование телесно-ориентированных методов в работе с родителями, воспитывающими детей с ограниченными возможностями здоровья // Ученые заметки ТОГУ. 2017. Т. 8. № 2. С. 150—154.
- Дубровина Н.А., Набойченко Е.С. Оптимизация личностного потенциала родителей как аспект сопровождения семей с детьми, имеющими нарушения опорно-двигательного аппарата // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 8. С. 129—147.
- Евлампиева Г.А. Роль и значение эмоциональной зрелости родителей в процессе социализации аутичных детей дошкольного возраста // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Т. 6. № 5А. С. 112—124.
- Ефимова И.Е. Результаты исследования чувства вины у родителей детей с ограниченными возможностями здоровья // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 6 (23). С. 254—257.
- Заборина Л.Г. Изучение состояния психологической напряженности и эмоциональных переживаний у родителей, воспитывающих детей-инвалидов // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 136—140.
- Зарубина Н.И. Психологические особенности родителей, воспитывающих детей с ОВЗ и детей-инвалидов, их учет в педагогической деятельности // Вопросы педагогики. 2018. № 2. С. 35—38.
- Зубова Е.В. Особенности психологического состояния родителей, воспитывающих дошкольников с нарушениями ОВЗ // Клиническая и специальная психология. 2012. № 3. С. 28—45. <https://doi.org/10.17759/cpse>
- Клюева Н.В., Маврина М.Д. Психологические аспекты отношений родителя и ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Психологическое благополучие современной семьи: материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского, 2016. С. 56—59.
- Комкова Е.И., Шуренкова А.А. Эмоциональные состояния матерей, воспитывающих детей с ДЦП // Наука, образование, общество. 2017. № 2 (12). С. 61—68.
- Корнеева Т.П., Тарасенко Е.П. Психологическая поддержка родителей детей с ОВЗ // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2018. № 1 (13). С. 9—15.
- Левакова Е.М. Проблема формирования родительского отношения к детям с ограниченными возможностями здоровья (на примере детей с нарушениями слуха) // Перспективы науки. 2016. № 3 (78). С. 29—32.
- Мазурова Н.В. Психологическая помощь родителям длительно болеющих детей: создание модели // Российский педиатрический журнал. 2014. Т. 17. № 1. С. 25—29.
- Мишина Г.А., Тарасова А.Д. Прошлое, настоящее и будущее детей с ограниченными возможностями здоровья в представлении их родителей // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 9—13.
- Мкртчян А.И. Психологические условия взаимного влияния эмоционального состояния родителей и детей с нарушениями психологического развития // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 432—433.
- Пермина С.В., Циневская Т.В. Особенности психологического состояния женщины, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Психология XXI столетия. Новые возможности: сборник по материалам ежегодного конгресса «Психология XXI

столетия» / под ред. В.В. Козлова. Ярославль: Изд-во Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского, 2016. С. 190—193.

Реан А.А., Баранов А.А., Махмутова Р.К. Оптимизация внутрисемейного эмоционального взаимодействия в диаде мать — ребенок дошкольного возраста с нарушением интеллекта // Национальный психологический журнал. 2016. № 4 (24). С. 108—114.

Степанова Н.А., Леценко С.Г., Хаидов С.К. Психолого-педагогическое сопровождение семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья: организация, содержание, технологии // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. С. 254—262.

Ткачева В.В. Психологическое изучение семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии: монография. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2004. 192 с.

Ткачева В.В. Современные технологии психологической помощи семье ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 4. С. 155—163.

Ткачева В.В. Технологии психологической помощи семьям детей с ограниченными возможностями здоровья: учебник. М.: ИНФРА-М, 2017. 281 с. <https://doi.org/10.12737/21495>

Ткачева В.В. К проблеме психической травмированности членов семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Социальная психология семьи: сборник материалов международной научно-практической конференции (28—29 марта 2019) / под ред. Н.П. Болотовой, М.Ю. Чибисовой. М.: Люкс, 2019. С. 270—275.

Устинова Е.В. Особенности родительской позиции отцов, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья // Коррекционная педагогика: теория и практика. 2016. № 4 (70). С. 55—69.

Хайрудинова Р.И. Личностные особенности и адаптивные ресурсы родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях реализации инклюзивного образования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. С. 335—342.

Seligman M., Darling R. Ordinary families, special children. A Systems Approach to Childhood Disability. NY: The Guilford Press, 2009. 434 p.

Singer G.H., Ethridge B.L., Aldana S.I. Primary and secondary effects of parenting and stress management interventions for parents of children with developmental disabilities: a meta-analysis // Mental Retardation and Developmental Disabilities Research Reviews. 2007. Vol. 13. No. 4. Pp. 357—369. <https://doi.org/10.1002/mrdd.20175>

История статьи:

Поступила в редакцию: 5 апреля 2019

Принята к печати: 15 мая 2019

Для цитирования:

Гринина Е.С. Особенности эмоционального состояния женщин, воспитывающих детей с нарушениями развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 196—212. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-196-212>

Сведения об авторе

Гринина Елена Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры реабилитационных технологий на базе ГАУ СО «ЦАРИ» Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). ORCID iD: 0000-0002-8766-9668; eLIBRARY SPIN-код: 8942-0829. E-mail: elena-grinina@yandex.ru

Emotional State Features in Women Raising Children with Developmental Disorders

Elena S. Grinina

Saratov State University
83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the results of a theoretical and empirical study of the emotional state of the modern women raising children with developmental disorders. This subject is relevant not only in the context of the emotional health of modern women, but also in connection with close psychological interference of mother and child with developmental disorders. According to the modern literature these parents have specific emotional sphere and personality characterized by a prevalence of guilt, anxiety, changing of value system, self-deprecation, etc. The most relevant is the analysis of the level of stress and depression as significant indicators of not only the emotional well-being, but also the possibilities of activating and implementing the adaptation and mobilization mechanisms of the personality. A comparative empirical study of the emotional state was conducted in the women raising children with developmental disorders and women raising healthy children. In accordance with the PSM-25 Psychological Stress Measure and the Beck Depression Inventory there is a decrease in the manifestation of an acute reaction to stress factors, the chronization of stress state with a tendency of the transition of the emotional sufferings to a depressive phase in the women raising children with developmental disorders. The results of the “Sack’s Sentence Completion Test” technique show that 80% of the answers of the mothers raising children with developmental disorders as “emotionally negative” whereas in the control sample “emotionally positive” answers prevail (85%). The data obtained in the course of empirical research allow us to state the expressed disruptiveness of the emotional condition of the women raising children with developmental disorders, the tendency to depression, mainly negative nature of emotional experiences, and chronic mental tension. The decrease in the level of stress in combination with higher rates of depression, demonstrates a decrease in the emotional adaptation potential of such women, the transition of experiences to a deeper, immobilizing level. The analysis of the research data suggests that it is necessary to start psychological support of mothers raising children with developmental disorders as early as possible, to develop adaptive ways of responding to a stressful situation, which will help prevent chronic stress and developing of a depression.

Key words: emotional state; stress; depression; factors of destabilization of an emotional state; mothers raising children with developmental disorders; parents of children with disabilities

References

- Beliakova, A.S., & Grinina, E.S. (2017). К вопросу об эмоциональном состоянии родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья. In O. Nesterova, R. Shamionov, L. Shipova, E. Piatkina, M. Konovalova (Eds), *Reabilitatsiia, abilitatsiia i sotsializatsiia: mezhdistsiplinarnyi podkhod* (pp. 218—226). Moscow: Pero Publ. (In Russ.)
- Bolotova, N.P. (2018). *Psihologo-pedagogicheskoe izuchenie semej podrostkov s dvigatelnyimi narusheniyami*. Moscow: MPGU Publ. (In Russ.)
- Brazgun, T.N., & Tkacheva, V.V. (2018). A family of a child with Down syndrome in terms of interpersonal relationships research. *Clinical Psychology and Special Education*, 7(1), 28—39. <https://doi.org/10.17759/psycljn.2018070103> (In Russ.)

- Derkach, S.P. (2017). Ispol'zovanie telesno-orientirovannykh metodov v rabote s roditelyami, vospityvayushchimi detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya. *Uchenye zametki TOGU*, 8(2), 150–154. (In Russ.)
- Dubrovina, N.A., & Nabojchenko, E.S. (2018). The optimisation of parenting personal potential as an aspect of support for families of children with movement disorders. *Education and Science Journal*, 20(8), 129–147. (In Russ.)
- Efimova, I.E. (2018). Rezul'taty issledovaniya chuvstva viny u roditelej detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya. *Sovremennye Nauchnye Issledovaniya i Razrabotki*, (6), 254–257. (In Russ.)
- Evlampieva, G.A. (2017). The role and importance of the emotional maturity of parents in the process of socialization of autistic children of preschool age. *Psikhologiya. Istoriko-Kriticheskie Obzory i Sovremennye Issledovaniya*, 6(5A), 112–124. (In Russ.)
- Grinina, E.S., & Rudzinskaya, T.F. (2016). Peculiarities of parent-child relations in families raising a child with disabilities. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. (N.S.) Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 5(2), 163–168. (In Russ.)
- Khairudinova, R.I. (2015). Personal features and adaptive resources of the parents raising with limited opportunities of health in the conditions of realization of inclusive education. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniia*, (6), 335–342. (In Russ.)
- Klyueva, N.V., & Mavrina, M.D. (2016). Psychological aspects of the relationship of parents and child with disabilities. *Psikhologicheskoe Blagopoluchie Sovremennoj Sem'i* (pp. 56–59). Yaroslavl: YSPU named after K.D. Ushinsky Publ. (In Russ.)
- Komkova, E., & Shurenkova, A. (2017). Emotional state of the mothers, bringing up healthy children and children with cerebral palsy. *Science, Education, Society*, 2(12), 61–68. (In Russ.)
- Korneeva, T.P., & Tarasenko, E.P. (2018). Psychological support for parents of children with disabilities. *Forum. Seriya: Gumanitarnye i ehkonomicheskie nauki*, (1), 9–15. (In Russ.)
- Levakova, E.M. (2016). The problem of developing parental attitude towards children with disabilities (case study of children with hearing impairment). *Science Prospects*, (3), 29–32. (In Russ.)
- Mazurova, N.V. (2014). Psychological assistance to the parents of long-term ill children: development of a model. *The Russian Journal of Pediatrics*, 17(1), 25–29. (In Russ.)
- Mishina, G.A., & Tarasova, A.D. (2018). Past, present and future of children with learning disabilities in the parental representation. *Psychological Studies*, 11(60), 9–13. (In Russ.)
- Mkrtychyan, A.I. (2009). Psikhologicheskie usloviya vzaimnogo vliyaniya ehmotSIONal'nogo sostoyaniya roditelej i detej s narusheniyami psikhologicheskogo razvitiya. *Pyatigorsk State University Bulletin*, (2), 432–433. (In Russ.)
- Permina, S.V., & Tsinevskaya, T.V. (2016). Osobennosti psikhologicheskogo sostoiianiia zhenshchiny, vospityvaiushchei rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami. In V.V. Koslova (Ed.), *Psikhologiya XXI stoletia. Novye vozmozhnosti. Sbornik po materialam ezhegodnogo kongressa "Psikhologiya XXI stoletia"* (pp. 190–193). Yaroslavl: YSPU named after K.D. Ushinsky Publ. (In Russ.)
- Rean, A.A., Baranov, A.A., & Makhmutova, R.K. (2016). Optimizing family emotional interaction in the dyad "mother and preschool child with intellectual disabilities". *National Psychological Journal*, 4(24), 108–114. (In Russ.)
- Seligman, M., & Darling, R. (2009). *Ordinary families, special children. A Systems Approach to Childhood Disability*. New York: The Guilford Press.
- Singer, G.H., Ethridge, B.L., & Aldana, S.I. (2007). Primary and secondary effects of parenting and stress management interventions for parents of children with developmental disabilities: a meta-analysis. *Mental Retardation and Developmental Disabilities Research Reviews*, 13(4), 357–369. <https://doi.org/10.1002/mrdd.20175>

- Stepanova, N.A., Leshchenko, S.G., Khaidov, S.K. (2017). Psychological and pedagogical support of the child's family with disabilities: organization, content, technology. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*, (5), 254—262. (In Russ.)
- Tkacheva, V.V. (2004). *Psikhologicheskoe Izuchenie Semej, Vospityvayushhikh Detej s Otkloneniyami v Razviti*. Moscow: MPSI Publ. (In Russ.)
- Tkacheva, V.V. (2016). Modern technologies of psychological aid to the family of a child with disabilities. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*, (4), 155—163. (In Russ.)
- Tkachyova, V.V. (2017). *Technology of Psychological Assistance to the Families of Children with Disabilities*. Moscow: INFRA-M Publ. <https://doi.org/10.12737/21495> (In Russ.)
- Tkacheva, V.V. (2019). К проблеме психической травмированности членов семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья. In N.P. Bolotova, M.Yu. Chibisova (Eds), *Sotsialnaya Psikhologiya Semyi* (pp. 270—275). Moscow: Lyuks Publ. (In Russ.)
- Ustinova, E.V. (2016). Osobennosti roditel'skoj pozicii otcov, vospityvayushchih detej s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya. *Korrekcionnaya Pedagogika: Teoriya i Praktika*, 4(70), 55—69. (In Russ.)
- Zaborina, L.G. (2007). Research of mental tension state and emotional experience character of parents bringing up handicapped children. *Siberian Journal of Psychology*, (26), 136—140. (In Russ.)
- Zarubina, N.I. (2018). Psikhologicheskie osobennosti roditel'ej, vospityvayushhikh detej s OVZ i detej-invalidov, ikh uchet v pedagogicheskoy deyatel'nosti. *Voprosy Pedagogiki*, (2), 35—38. (In Russ.)
- Zubova, E.V. (2012). Peculiarities of psychological condition of parents with preschoolers with disabilities. *Clinical Psychology and Special Education*, (3), 28—45. <https://doi.org/10.17759/cpse> (In Russ.)

Article history:

Received: 5 April 2019

Revised: 13 May 2019

Accepted: 15 May 2019

For citation:

Grinina, E.S. (2019). Emotional State Features in Women Raising Children with Developmental Disorders. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 196—212. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-196-212>

Bio Note:

Elena S. Grinina, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor at Rehabilitation Technologies Department, the National Research Saratov State University (Saratov, Russia). ORCID iD: 0000-0002-8766-9668; eLIBRARY SPIN-code: 8942-0829. E-mail: elena-grinina@yandex.ru

Research article

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-213-223

UDC 159.99

Pedagogical Content Knowledge, School Climate and Instructional Effectiveness of Secondary Schools Business Teachers in Ogun State, Nigeria

Abolaji O. Bukki¹, Margaret M. Dosunmu¹, Titilola O. Bukki²¹ Olabisi Onabanjo University*Ago Iwoye, Ogun State, Federal Republic of Nigeria*² Amazing Grace Kiddies College*Ago Iwoye, Ogun State, Federal Republic of Nigeria*

This research examined the relative influence of pedagogical content knowledge and school climate on instructional effectiveness of secondary schools business teachers in Ijebu Division, Ogun State, Nigeria. Descriptive survey design was adopted for the study. Pedagogical Content Knowledge Scale (PCKS), Organizational Climate Index (OCI) and Teacher Effectiveness Questionnaire (TEQ) were used as the instrument for data collection. The statistical method of analysis used for testing the raised questions were Simple percentage, Pearson Product Moment Correlation (PPMC) and Regression Analysis at 0.05 level of significance. The findings revealed that there was a positive relationship between pedagogical content knowledge, school climate and instructional effectiveness of secondary schools business teachers in Ijebu Division, Ogun State. Furthermore, pedagogical content knowledge, school climate significantly influenced the business teachers' instructional effectiveness in secondary schools. It was recommended among others that principals should ensure that cooperative school climate that can inspire teachers to effectively fulfil their duties is created. The government should persuade and support business teachers to focus on conferences, workshops and seminars that will boost their pedagogical content knowledge in the fulfilment of their duties efficiently.

Key words: pedagogical content knowledge; school climate; instructional effectiveness; teachers; secondary schools

Introduction

Education is a dynamic instrument of progress, both developed countries and those seeking advancement have embraced it as an apparatus of qualification for affecting national progress. The value of education relies on the excellence of teachers and this influences the instructional quality in the schools accordingly, the teacher is basic to the accomplishment of any educational system. The incapability of the teachers in the classroom interaction would have a bearing on the school success. Studies on teachers'

© Bukki A.O., Dosunmu M.M., Bukki T.O., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

instructional effectiveness in classes have gained importance in recent years. Teachers' instructional effectiveness is thought to be an imperative school variable that should be investigated even in the area of teaching business subjects. Teachers need to possess various knowledge and skills to get ready for and execute a successful training that will promote students' understanding and learning. However, they not only need to have in-depth knowledge of the subject-matter, instructional method, educational modules, and students, in addition, they should have the capacity to convey this knowledge successfully while instructing (Kilic, 2009).

Pedagogical content knowledge (PCK) can be defined as a capacity to consolidate knowledge of the specific disciplines and how to teach those disciplines. It can clarify that the content knowledge ought to be mixed with the components of the teaching process and the instructional method (Nuangchalem, 2012). Kilic (2009) defined PCK as having four segments: knowledge of subject-matter (knowing specific subject ideas, actualities, and methodology and the connections between them), knowledge of pedagogy (knowledge of planning a lesson and teaching strategies), knowledge of learners (knowledge of students' common difficulties, errors, and misconceptions), and knowledge of curriculum (knowledge of learning objectives for different grade levels and instructional materials such as innovative manuals, and course books) (Kilic, 2009)

PCK is not quite the same as the knowledge of the subject itself and the general pedagogical knowledge. It includes the knowledge of teaching strategies that incorporate the appropriate methods and prior conceptions, and create a learning environment (Kane & Russell, 2005; Nuangchalem, 2012). PCK is viewed as a transformation of teacher knowledge from a variety of domains of knowledge, which includes subject matter knowledge, pedagogical knowledge, and knowledge about the content (Botha & Reddy, 2011). Earlier research had similarly demonstrated that pedagogical and subject content knowledge of teachers were observed to be critical indicators of teachers' performance and students' accomplishment (Olasehinde-Williams, Yahaya & Owolabi, 2018; Sultan & Shafi, 2014).

The significance of the school climate to teachers' effectiveness is additionally applicable to a high degree since it is demonstrative of how well the teacher manages to understand his/her maximum capacity. Hence, the school climate certainly influences the teachers' performance in school (Bai, Heydari & Niknahad, 2014). The school climate is depicted as the quality and character of school life. School climate depends on students, parents or guardians' and school work force's involvement into school life and reflects standards, objectives, values, interpersonal relationships, educating and learning practices, and organizational structures (The National School Climate Council, 2007). The school climate is a generally continuing nature of the school condition that is experienced by members, influences their conduct, and depends on their aggregate view of conduct in schools. It is vital to portray and analyse the school climate because the atmosphere of a school has a major impact on the organisational behaviour and because the administrators can have a significant positive influence on the development of the image of the school (Adejumobi & Ojikutu, 2013).

The school climate is a result of social interactions among students and teachers, is impacted by instructive and social qualities, and has been shown to relate to social situations in classrooms and within the school as a whole (Thapa, Cohen, Guffey, &

Higgins, 2013). The National School Climate Center (2012) as referred to by Chinelo and Ogbah (2013) uncovered that the school climate is a multidimensional construct that incorporates physical, social and scholastic measurements. How students and staff feel about their school climate (either positive or negative) underlies individual attitudes, practices, and group standards (Chinelo & Ogbah, 2013). It affects the teachers responsibility for setting out the school vision about where the school is going to, reflects upon the attributes of respect, individual nobility of spirit, trustworthiness, decency, and security. If the school climate neglects to reflect this set of characteristics, then integration, maintenance of sustainability, the establishment of the sense of equality among students with constrained scholarly abilities or not, is absent (Rapti, 2013).

School climate is made up of several factors and behaviours that determine people's attitude, feelings, and behaviour within the school or organization. The correlation between the school climate and the PCK cannot be overruled because if the knowledge of pedagogical content is the transformation and mixing of knowledge and beliefs and pedagogy into instructional achievements in the classroom, the PCK of a teacher enables content issues and expertise to be tailored to the learner's skills and interests. The PCK integrates unique knowledge, beliefs and values that are all imperative for improving professional teaching experience. They are: (a) knowledge of subject matter content, (b) pedagogical knowledge, (c) knowledge of curriculum, (d) student knowledge (how they understand their conceptions and common errors), (e) understanding of teaching functions, and (f) general pedagogical knowledge (Amade-Escot, 2000). Effective teaching will take place if teachers integrate all PCK factors and observe them in their specific teaching environments.

School climate influences teacher motivation and commitment at work, work fulfilment, and adequacy. In an organization with a high degree of the humanistic relationship, collegiality, and interest, the teaching effectiveness is high, triggering a higher success of education, too (Babu & Kumari, 2013; Bai, Heydari & Niknahad, 2014). Several past studies had uncovered that school climate had an effect on teachers' productivity, teachers' innovation and morale (Oder & Eisenschmidt, 2018; Eboka, 2017; Bai, Heydari & Niknahad, 2014; Okoye, 2012; Yusuf & Adigun, 2010). While pedagogical content knowledge and school climate are believed to influence teachers viability in some science-related subjects, little is thought about its impact on business studies teachers' instructional effectiveness, if there are any of such studies at all, it is not to the knowledge of this researcher; consequently the justification of this investigation. It is on the basis of this premise that the researcher seeks to find out the influence of pedagogical content knowledge and school climate on the instructional effectiveness of secondary schools business teachers in Ijebu-Division, Ogun State, Nigeria.

The objective of this study was to examine the influence of the pedagogical content knowledge and school climate on the instructional effectiveness of secondary schools business teachers in Ijebu Division, Ogun State, Nigeria. The specific objectives are:

- to assess the relationship among pedagogical content knowledge, school climate and instructional effectiveness of business teachers in secondary schools;
- to examine the influence of pedagogical content knowledge on the teacher's instructional effectiveness;

— to determine to what extent the school climate affects the teacher's instructional effectiveness in the secondary school.

The following research questions are raised to guide the study:

1) What is the relationship between pedagogical content knowledge, school climate and instructional effectiveness of business teachers in the secondary schools?

2) What is the influence of pedagogical content knowledge on the business teacher's instructional effectiveness?

3) To what extent does the school climate affect the business teachers' instructional effectiveness in the secondary schools?

Methodology

The descriptive research design was adopted for this study. The target population is 199 business studies teachers of junior secondary schools in Ogun State. A sample of 120 respondents was selected for this study. A simple random sampling technique was used to select 60% of the teachers in the division.

Three research instruments were used to collect data. The instruments are Pedagogical Content Knowledge Scale (PCKS), Organizational Climate Index (OCI) and Teacher Effectiveness Questionnaire (TEQ).

Pedagogical Content Knowledge Scale (PCKS) developed by Aksu, Metin, and Konyalioglu (2014) consisted of 50 items on a five point rating scale. The Cronbach-Alpha internal integrity coefficient of the scale was found to be 0.967.

The Organizational Climate Index (OCI) was used to measure school climate. It is a short descriptive measure for schools (Hoy et al., 2002). It is a 27-item 4-point Likert-type scale that assesses critical aspects of the school workplace with RO — rarely occurs, SO — sometimes occurs, OO — often occurs, VFO — very frequently occurs. The OCI has four dimensions: collegial leadership, teacher professionalism, academic press, and institutional vulnerability to the community. The reliability scores for each dimension were as follows: Collegial Principal Behaviour (.94), Professional Teacher Behaviour (.88), Achievement Press (.92), and Institutional Vulnerability (.87).

For measuring teacher effectiveness, the scale developed by Sujata Mishra (2013) was adopted. The instrument assesses teacher effectiveness by 48 items on the innovations implemented in the school and the changes they created in the school performances on a five-point Likert scale from level 1 (strongly agree) to level 5 (strongly disagree). The instrument gave high Cronbach Alpha Coefficient which is 0.925 for teacher effectiveness.

The researcher personally visited the schools that were selected for the study. The permission was sought from the school management to allow administering the questionnaire. The respondents were asked to fill in the questionnaire independently before returning them to the researcher. One hundred and twenty (120) questionnaires were distributed but one hundred and seventeen (117) were properly filled in and retrieved back from respondents. Therefore, the analyses were based on the 117 questionnaires properly filled in representing 97.5% return rate.

Simple percentages, Pearson Product Moment Correlation (PPMC) and Regression analysis at 0.05 level of significance were used to analyse the raised research questions of this study.

Results

Demographic Characteristics of Respondents

Table 1

Distribution of respondents' demographic characteristics

Demographic Variables	Options	Frequency	Percentage (%)
Gender	Male	51	43.6
	Female	66	56.4
	Total	117	100
Age	Below 25 yrs.	24	20.5
	26–30 yrs.	37	31.6
	31–40 yrs.	46	39.3
	41–50 yrs.	10	8.5
	Total	117	100
Highest Level of Education	NCE	12	10.3
	B.Sc (Ed) / B.Ed	88	75.2
	PGDE	10	8.5
	M.Sc/M.Ed	7	6
	Total	117	100
Years in Teaching Service	1–10 yrs.	104	88.9
	11–20 yrs.	13	11.1
	Total	117	100

Table 1 presents the distribution of respondents' demographic data. The result of the analysis showed that 51 (43.6%) respondents are male while 66 (56.4%) respondents are female. For the age, 24 (20.5%) are below 25 years, 37 (31.6%) are within 26–30 years, 46 (39.3%) are within 31–40 years and 10 (8.5%) are within 41–50 years. For the marital status, 44 (37.6%) respondents are single, 70 (59.8%) respondents are married, 2 (1.7%) respondents are divorced and 1 (.9%) respondent is widowed. This analysis showed that 12 (10.3%) respondents are NCE holders, 88 (75.2%) respondents hold B.Sc (Ed)/B.Ed certificates, 10 (8.5%) respondents holds PGDE certificates and 7 (6%) respondents hold M.Sc/M.Ed certificates. Furthermore, the analysis showed that 104 (88.9%) respondents have 1–10 years teaching experience and 13 (11.1%) respondents have 11–20 years teaching experience.

Test of Research Questions

Research Question One. What is the relationship among pedagogical content knowledge, school climate and business teachers' instructional effectiveness of the secondary schools?

Table 2

Relationship among the pedagogical content knowledge (PCK), school climate (SC) and business teachers' instructional effectiveness (IE)

Variables	Mean	Standard deviation	PCK	SC	IE
Pedagogical Content Knowledge (PCK)	59.547	10.982	1		
School Climate (SC)	51.992	5.605	.570**	1	
Instructional Effectiveness (IE)	61.435	11.988	.204*	.199*	1

Notes: * $p \leq 0.05$ (2-tailed); ** $p \leq 0.01$ (2-tailed).

Table 2 presents the mean scores and standard deviations of the responses to the variables measured in the study. For PCK, the mean score — 59.54, standard deviation — 10.98; School Climate, the mean score — 51.99, standard deviation — 5.60; and Teachers' Instructional Effectiveness, the mean score — 61.43; standard deviation — 11.98. It also showed that there is a significant positive relationship between pedagogical content knowledge and school climate ($r = .570$; $p \leq .01$); there is a significant positive relationship between pedagogical content knowledge and teachers' instructional effectiveness ($r = .204$; $p \leq .05$); and there is also a significant positive relationship between school climate and teachers' instructional effectiveness ($r = .199$; $p \leq .05$). This implies that there was a significant relationship between PCK, school climate and the secondary school business teachers' instructional effectiveness.

Research Question Two. What is the influence of pedagogical content knowledge on the teacher's instructional effectiveness?

Table 3

Summary of multiple regression analysis of the influence of PCK on the teachers' instructional effectiveness

Model	Sum of Squares	Df	Mean Square	F	p
Regression	693.679	1	693.679	14.993	.000
Residual	15977.091	115	138.931		
Total	16670.769	116			

Summary of Model: $R = 0.204$; R square = 0.042; Adjusted R square = 0.033; Standard Error = 11.78691.

Table 3 revealed the influence of pedagogical content knowledge to the prediction of teachers' instructional effectiveness ($F = 14.993$; $p \leq .000$). This means that PCK influenced teachers' instructional effectiveness. The analysis also yielded a co-efficient of multiple regressions (R) of .204 with corresponding R^2 of .042 indicating that the independent variable accounted for 4.2% of the total variance in teachers' instructional effectiveness in secondary schools. Therefore, the postulated research question two concludes thus that PCK had a significant influence on the instructional effectiveness of secondary schools business teachers in Ijebu Division, Ogun State, Nigeria.

Research Question Three. To what extent does the school climate affect the teacher's instructional effectiveness in the private secondary schools?

Table 4

Summary of multiple regression analysis of the influence of the school climate on the teachers' instructional effectiveness

Model	Sum of Squares	Df	Mean Square	F	p
Regression	663.011	1	663.011	4.463	.031
Residual	16007.758	115	139.198		
Total	16670.769	116			

Summary of Model: $R = 0.199$; R square = 0.040; Adjusted R square = 0.031; Standard Error = 11.79822.

Table 4 revealed the influence of the school climate on the prediction of teachers' instructional effectiveness ($F = 4.463$; $p \leq .05$). This means that school climate influenced teachers' instructional effectiveness. The analysis also yielded a co-efficient of multiple

regressions (R) of .199 with corresponding R^2 of .040 indicating that the independent variable accounted for 4% of the total variance in teachers' instructional effectiveness in private secondary schools. Therefore, the postulated research question three concluded that school climate had a significant influence on the instructional effectiveness of the secondary schools business teachers in Ijebu Division, Ogun State, Nigeria.

Discussion

The result of Question One research indicated that there was a significant and positive relationship between PCK, school climate, and teachers' instructional effectiveness. The implication of this is that for effective teaching of Business studies to take place in our schools, better school climate and pedagogical content knowledge of teachers should be considered in order to have appropriate preparation and delivering of lessons that will achieve its objectives. This was in line with the findings of Sultan and Shafi (2014) that indicated that teachers' subject knowledge predicted the school performance. This result is also in consonance with the assertion of Rivkin, Hanushek, and Kain (2005) that school climate is a perfect representation of the physical and psychological aspects of the school that are more vulnerable to change, which provide the essentials necessary for teaching and learning to be effective.

The result of the research of Question Two also indicated that PCK had a significant influence on the instructional effectiveness of the secondary schools business teachers in Ijebu Division, Ogun State, Nigeria. This result is in consonance with the findings of Olasehinde-Williams, Yahaya and Owolabi, (2018) who revealed that the pedagogical and subject content knowledge of teachers significantly predicted teachers' performance and students' achievement.

Furthermore, the result of Question Three research revealed that the school climate had a significant influence on the instructional effectiveness of the secondary schools business teachers in Ijebu Division, Ogun State, Nigeria. The finding implies that the teachers' instructional effectiveness is a product of the school climate and that a better school climate and conducive environment would create an atmosphere that would enhance the teachers' instructional effectiveness. This result corroborated the findings of Ozgan and Toprak (2012) that discovered that teachers' perceptions, their interactions with students, problem-solving strategies, learning habits, perceptions about learning, and how these perceptions are transferred to the student are of high importance in creating an effective class. It also supported the assertion of Bai, Heydari, and Niknahad (2014) that school climate definitely affects the teacher's performance in school.

Conclusions

The objective of this study was to find out the influence of the pedagogical content knowledge and school climate on the instructional effectiveness of the secondary schools business teachers in Ijebu Division, Ogun State, Nigeria. With the result of the analyses, it can, therefore, be concluded that there was a significant relationship between the pedagogical content knowledge and school climate, and there was also a significant relationship between the pedagogical content knowledge and instructional effectiveness

of the secondary schools business teachers in Ijebu Division, Ogun State, Nigeria. Furthermore, the pedagogical content knowledge and school climate had a significant influence on the instructional effectiveness of the secondary schools business teachers in Ijebu Division, Ogun State, Nigeria.

Recommendations

Based on the findings of the present research, the following are hereby recommended.

1. The Principals and School Authorities should ensure that the cooperative school climate that can inspire teachers to viably carry out their duties is made or created.
2. The government should persuade and support Business teachers to focus on conferences, workshops, and seminars that will boost their pedagogical content knowledge in carrying out their duties productively.
3. The government should inspire and encourage mentoring practice among teachers in schools; the veterans with skilled pedagogical content knowledge should be compelled to serve as mentors for the young teachers.
4. The Ministry of Education officials should always ensure that effective supervisory team is made available to keep an eye on the improvement of each teacher during class sessions.

References

- Adejumobi, F.T., & Ojikutu, R.K. (2013). School climate and teacher job performance in Lagos state Nigeria. *Discourse Journal of Educational Research*, 1(2), 26—36. Retrieved from: www.resjournals.org/IJER
- Akiri, A.A., & Ugborugbo, N.M. (2009). Teachers' effectiveness and students' academic performance in public secondary schools in Delta State, Nigeria. *Stud. Home Comm. Sci.*, 3(2), 107—113.
- Aksu, Z., Metin, M., & Konyalioglu, C. (2014). Development of the Pedagogical Content Knowledge Scale for pre-service teachers: the validity and reliability study. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5(20), 1365—1377.
- Amade-Escot, C. (2000). The contribution of two research programs on teaching content: "Pedagogical Content Knowledge" and "Didactics of Physical Education". *Journal of Teaching in Physical Education*, 20(1), 78—101.
- Babu, A., & Kumari, M. (2013). Organizational climate as a predictor of teacher effectiveness. *European Academic Research*, 5, 553—568.
- Bai, N., Heydari, M., & Niknahad, S. (2014). The relationship between School Organizational Climate and Physical Education Teachers' Effectiveness. *Research Journal of Sport Science*, 2(1), 27—31. Retrieved from: <http://www.rjssjournal.com>
- Botha, M.L. & Reddy, C.P.S. (2011). In-service teachers' perspectives of pre-service teachers' knowledge domains in science. *South African Journal of Education*, 31, 257—274.
- Chinelo, O.D., & Ogbah, R. (2013). The School Climate: Challenges Facing Principals in Secondary Schools in Delta State of Nigeria. *Journal of Emerging Trends in Educational Research and Policy Studies (JETERAPS)*, 4(1), 53—63. Retrieved from: jeteraps.scholarlinkresearch.org
- Eboka, O.C. (2017). Influence of School Climate on Teachers Morale in Public Secondary Schools in Delta State. *IOSR Journal of Research & Method in Education (IOSR — JRME)*, 7(1), 19—24. Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.9790/7388-0701031924>

- Greenway, G. (2017). *The relationship between school climate and student achievement*. Doctoral Dissertation. Georgia Southern University, Georgia.
- Hoy, W.K., Smith, P.A., & Sweetland, S.R. (2002). The development of the organizational climate index for high schools: its measure and relationship to faculty trust. *High School Journal*, 86(2), 38.
- Kane, R., & Russell, T. (2005). Reconstructing knowledge in action: Learning from the authority of experience as a first-year teacher. In C. Power et al. (Eds), *Teacher Professional Development in Changing Conditions*. Netherlands: Springer.
- Kilic, H. (2009). *Pedagogical Content Knowledge of Pre-Service Secondary Mathematics Teachers*. A Dissertation of University of Georgia, Georgia. Retrieved from: https://getd.libs.uga.edu/pdfs/kilic_hulya_200908_phd.pdf
- The National School Climate Centre (2012). *What is school climate?* New York, NY: 10018. Retrieved from: www.schoolclimate.org/climate/
- The National School Climate Council (2007). *The school climate challenge; narrowing the gap between school climate research and school climate policy, practice guidelines and teacher Education Policy*. Retrieved from: <http://nsc.ccssee.net>; <http://www.wesc.org/school-climate>
- Nuangchalem, P. (2012). Enhancing Pedagogical Content Knowledge in Preservice Science Teachers. *Higher Education Studies*, 2(2), 66–71. Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.5539/hes.v2n2p66>
- Oder, T., & Eisenschmidt, E. (2018). Teachers' perceptions of school climate as an indicator of their beliefs of effective teaching. *Cambridge Journal of Education*, 48(1) 3–20. Retrieved from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/0305764X.2016.1223837>
- Okoye, F.N. (2012). *Influence of school climate on educational innovations in Nsukka Education Zone of Enugu State*. An MED Dissertation. University of Nigeria, Nsukka.
- Olasehinde-Williams, F., Yahaya, L. & Owolabi, H. (2018). Teachers' Knowledge Indices as Predictors of Secondary School Students' Academic Achievement in Kwara State, Nigeria. *IAFOR Journal of Education*, 6(1), 73–90.
- Ozgan, H., & Toprak, M. (2012). Classroom effects on the effectiveness of a School. *Journal of Educational and Instructional Studies in the World*, 2(2), 102–109.
- Rapti, D. (2013). School Climate as an Important Component in School Effectiveness, *Academicus – International Scientific Journal*, 8, 110–125. Retrieved from: <http://www.academicus.edu.al/nr8/Academicus.pdf>
- Rivkin, S.G., Hannushek, E.A. & Kain, J.F. (2005). Teachers, schools, and academic achievement. *Econometrical*, 73(2), 417–458.
- Sultan, S., & Shafi, M. (2014). Impact of perceived teachers' competence on students' performance: evidence for mediating/moderating role of class environment. *I-manager's Journal of Psychology*, 1(11), 10–18.
- Thapa, A., Cohen, J., Guffey, S., & Higgins D.A. (2013). A review of school climate research. *Review of Educational Research*, 83, 357–385. Retrieved from: <https://k12engagement.unl.edu/REVIEW%20OF%20EDUCATIONAL%20RESEARCH-2013-Thapa-357-85.pdf>
- Yusuf, M.A., & Adigun, J.T (2010). The influence of school climate change on teachers' productivity and students' achievement. *Journal of Research in National Development*, 8(2).

Article history:

Received: 25 April 2019

Revised: 28 May 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Bukki, A.O., Dosunmu, M.M., & Bukki, T.O. (2019). Pedagogical Content Knowledge, School Climate and Instructional Effectiveness of Secondary Schools Business Teachers in Ogun State, Nigeria. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 213—223. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-213-223>

Bio Notes:

Abolaji O. Bukki, Ph.D., is a lecturer in the Department of Educational Management and Business Studies at Olabisi Onabanjo University (Ago Iwoye, Ogun State, Nigeria). His research focuses on the teaching and learning of business education, business teachers' professional development, managing change and innovations and business subjects methodological approaches. E-mail: abarngbenga@yahoo.co.uk

Margaret Moronke Dosunmu, Ph.D., is a lecturer in the Department of Educational Management and Business Studies at Olabisi Onabanjo University (Ago Iwoye, Ogun State, Nigeria). Her research focuses on employability skills, workplace learning, business education and secretarial studies. E-mail: akinmoe2007@yahoo.com

Titilola O. Bukki is a counselor and a teacher at Amazing Grace Kiddies College (Ago Iwoye, Ogun State, Nigeria). Her research focuses on students' cognitive and socio-emotional competence development. E-mail: bukkikemi@gmail.com

Исследовательская статья

**Соотношение педагогических знаний,
школьного климата и эффективности преподавания
учителей бизнеса в средних школах штата Огун, Нигерия**

А.О. Букки¹, М.М. Досунму¹, Т.О. Букки²

¹ Университет Олабиси Онабанджо
Аго Ивой, штат Огун, Федеративная Республика Нигерия

² Эмэйзинг Грейс Киддис Колледж
Аго Ивой, штат Огун, Федеративная Республика Нигерия

В исследовании изучалось относительное влияние педагогических знаний и школьного климата на учебную эффективность учителей бизнеса средних школ в округе Иджебу, штат Огун, Нигерия. Одним из методов исследования был описательный дизайн; для сбора данных применялись «Шкала педагогических знаний», «Индекс организационного климата» и «Опросник эффективности учителей»; для статистической обработки — методы описательной статистики, корреляционный анализ Пирсона и регрессионный анализ. В результате было выявлено, что существует положительная связь между педагогическими знаниями, школьным климатом и эффективностью преподавания у учителей бизнеса средних школ в округе Иджебу, штат Огун, Нигерия. На основе результатов исследования даны рекомендации директорам школ с целью лучшего обеспечения и создания благоприятного школьного климата, способ-

ного стимулировать учителей эффективно выполнять свои обязанности; правительство Нигерии должно поддерживать участие учителей средних школ в конференциях, мастер-классах и семинарах, что позволит им повысить педагогические знания для эффективного выполнения своих обязанностей.

Ключевые слова: педагогические знания; школьный климат; учебная эффективность; учителя; средние школы

История статьи:

Поступила в редакцию: 25 апреля 2019

Принята к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Bukki A.O., Dosunmu M.M., Bukki T.O. Pedagogical Content Knowledge, School Climate and Instructional Effectiveness of Secondary Schools Business Teachers in Ogun State, Nigeria (Соотношение педагогических знаний, школьного климата и эффективности преподавания учителей бизнеса в средних школах штата Огун, Нигерия) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 213—223. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-213-223>

Сведения об авторах:

Букки Аболаджи О., Ph.D., преподаватель кафедры управления образованием и бизнес-исследований, Университет Олабиси Онабанджо (Аго Ивой, штат Огун, Нигерия). E-mail: abarngbenga@yahoo.co.uk

Досунму Маргарет М., Ph.D., преподаватель кафедры управления образованием и бизнес-исследований, Университет Олабиси Онабанджо (Аго Ивой, штат Огун, Нигерия). E-mail: akinmoe2007@yahoo.com

Букки Титилола О., консультант и учитель в Эмэйзинг Грейс Киддис Колледж (Аго Ивой, штат Огун, Нигерия). E-mail: bukkikemi@gmail.com

Review article

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-224-236

UDC 159.99

Psi Chi at 90 Years: The International Honor Society in Psychology

Harold Takooshian

Fordham University
113 W. 60th St., New York, NY 10023, United States of America

Abstract. In 2019, Psi Chi celebrates its 90th and 10th birthdays as the National and International Honor Society in Psychology. This review of the glorious history of Psi Chi is in three parts: (1) its current mission, serving over 750000 life members in 1130 college campuses world-wide; (2) its humble but inspiring origins in 1929 at Yale University; (3) four points of impressive courage within the history of Psi Chi — in 1929, 1959, 1981, and 2009; and also includes a bibliography, for international and U.S. readers to access prior histories of Psi Chi.

Key words: Psi Chi; Psi Beta; National Honor Society in Psychology; International Honor Society in Psychology; international psychology; history of psychology

Introduction

In 2019, psychology students and faculty world-wide have reason to celebrate two momentous anniversaries: 90 years of Psi Chi, formed on September 4, 1929, and, since 2009, its 10 years as the International Honor Society in Psychology.

How did Psi Chi become, by some measures, the world's largest honor society, touching the lives of over 750000 life members in over 1130 chapters world-wide? This article offers a panoramic review of the glorious 90 year history of Psi Chi and, in particular, four points where it showed bold courage, to become the glorious Society that it is today.

Those who learn of the glorious history of Psi Chi may be inspired at many turns: (a) how the original idea was conceived in 1927 in a basement in Kansas; (b) how quickly this humble idea spread to national popularity by 1929, despite some resistance; (c) how this idea drew together so many brilliant faculty and students over the years, to further develop it into so many life-changing programs; (d) how so many thousands of students and faculty lives today (both inside and outside the Society) have been deeply touched by its many awards, grants, conferences, chapter and other activities; (e) not least of all, how this huge Society thrives without charging a penny in dues after a new member is inducted for life.

© Takooshian H., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Are Psi Chi members familiar with this rich history? Sadly, we find few U.S. Psi Chi members know much about the glorious history of their Society (Takooshian, 1999). Since 2009, might new international members be even less familiar?

Happily, we have many diverse and inspiring histories of Psi Chi, written by past leaders — some of these easily available on the Internet. A list of citations appears below. These histories include anniversary publications to mark 50 years (Hunt, 1979) and 75 years (Hogan & Takooshian, 2004), an edited volume (MacKinney, 1986), an oral history (Davis & Wertheimer, 2000), an international report (Takooshian & Newman, 1998), a video that is now online (Karlin, 1998) and, not least of all, two rich historical essays (Cousins, Tracy, & Giordano, 1992; Hogan & Sexton, 1993).

On this 90th and 10th anniversaries of the National and International Honor Society in Psychology, this four-part report reviews: (a) the mission of Psi Chi; (b) its unique origin and history; (c) four points of bold courage in this history; (d) and now its global future.

Psi Chi Mission

The mission of Psi Chi is stated succinctly in its induction ceremony, as well as its constitution, website and video (Karlin, 1998): “The purpose of Psi Chi shall be to encourage, stimulate, and maintain excellence in scholarship of the individual members in all fields, particularly in psychology, and to advance the science of psychology” (www.psiichi.org).

Over the years, Psi Chi has found increasingly diverse ways to achieve this mission, through its conferences (local, regional, national, and now international), publications (newsletter, student journal), Internet resources, and promotion of research, internships, and service projects. Thanks to a series of Psi Chi Hunt Awards (Takooshian, 1999), past research has found and documented many facts about Psi Chi. For example: (a) hundreds of eminent U.S. psychologists today began their psychology careers through Psi Chi, agreeing with APA Past-President Raymond Fowler that “As a student, Psi Chi put me in closer contact with faculty, and strengthened my decision to become a psychologist” (Heitner & Denmark, 2000, p. 14); (b) Psi Chi is by far the world’s single largest sponsor of student research (Takooshian, Velayo, and Prohaska, 2002), now topping \$400000 in grants per year; (c) many Psi Chi programs have deeply touched the lives and careers of thousands of students who offered their first presentations at a Psi Chi conference (Carmody, 1998; Young & DaPrada, 1998).

In 2010, Past-President Alvin Wang stated this crisply: “Psi Chi continues to be a vibrant, growing community of scholars. Last year we inducted 21578 new members, and in so doing broke the 600000 member mark... in 1102 chapters. While we were pleased that \$183359 in grants and awards was distributed to our members, I hope we will greatly increase levels of this important form of support in the future” (Wang, 2010, p. 6).

Psi Chi Origins in 1927

Though we mark September 4, 1929, as the “birth” of Psi Chi at Yale, the idea for the Society was “conceived” two years earlier in a very different place. Its fascinating history

Figure 1. Undaunted: Edwin B. Newman and Frederick Howell Lewis

necessarily begins in late 1927, when two student researchers shared a hot drink late one night in a basement lab at the University of Kansas. Masters student Frederick Howell Lewis told undergraduate Edwin Broomell Newman how psychology lacks a national student fraternity like many other fields have (Figure 1). “Eddie” Newman asked “Bud” Lewis if they can be the ones to start one? Newman and Lewis organized three meetings in May of 1928 (in Madison WI), December of 1928 (at Columbia University), and May of 1929 (in Urbana, IL),

where students decided to form a “National Graduate Council for a Psychology Fraternity”, and to conduct a national survey on this question. Lewis later recalled “[T]his 22-year-old graduate student had the nerve in the spring of 1928 to address an inquiry to all the moguls of psychology — names I saw in gold lettering on the covers of formidable tomes on the library shelves... [In our survey,] a few replied ‘Great’ — a few said ‘Nuts’ — and most were lukewarm. Undaunted, as kids are, Eddie Newman and I were undismayed by the enthusiastic indifference” (Lewis, 1969, p. 7).

In over 100 replies to their survey, they found an even split: one-third of students and faculty loved the idea of a national psychology student group, one-third were indifferent, and one-third were opposed. No one was more opposed than Harvard Professor E.G. Boring, who famously returned a scathing three-page letter refusing to circulate their survey at Harvard, and urging the two students to stop immediately their efforts “to start another abortive, debilitating organization” (Boring, in Davis & Wertheimer, 2000, p. 11).

What to do?

Four Points of Bold Courage in Psi Chi History

1. 1929: Two Courageous Students

At their May, 1929 meeting in Illinois, students were undaunted, drafted a constitution, and voted to meet in September at Yale, during the Ninth International Congress of Psychology on September 1–7 (Figure 2). For seven days that Labor Day week, these students were part of what some regard as the greatest scientific meeting in the 140-year history of psychology. This was the first international congress on American soil, including 1050 participants: 722 U.S. psychologists and students from all 48 states, 104 international psychologists from 21 nations, plus 96 spouses and 129 guests.

Undaunted, the students met on September 3, then reconvened on September 4 to sign the charter that formed their society. Representatives of 14 schools signed the charter, and eight others joined by December 31, 1929 — totaling 22 charter chapters. The society’s original name was Sigma Pi until the preferred name of Psi Chi became available in 1930.

Psi Chi met annually, starting in 1930 in Iowa City, and grew slowly yet steadily — launching a Newsletter in 1931, publishing a handbook, generating ideas for new projects, and attracting many brilliant young leaders like Ruth and J.P. Guilford (Hogan, 2001).

By its fifth anniversary in 1934, Psi Chi had 612 individual members in 27 chapters. By its tenth anniversary in 1939 at Stanford, it chartered 34 chapters, then 69 chapters by 1949 in Denver.

Figure 2. In 1929, the Ninth International Congress of Psychology at Yale University

During the 1950s, the American Psychological Association (APA) sought greater involvement with a student organization, and agreed to provide much-needed space for Psi Chi to create its first true national headquarters, in the APA building in Washington DC. In 1955, the last act of Psi Chi's out-going Executive Secretary Louise Forer was to ship all her Psi Chi boxes to the incoming Executive Secretary Meredith Marks, to open the Psi Chi office in 1956. But times remained hard for Psi Chi in the 1950s. In 1954, Psi Chi raised its lifetime fee from \$3 to \$5 to make ends meet (since Psi Chi never charges dues), yet costs were rising, and the survival of the Society was increasingly questionable when Dr. Marks resigned after two years, in the fall of 1958.

What to do?

2. 1959: A "Single Mom" and The Courage to Expand

Looking back, 1959 proved a watershed year for Psi Chi. To replace Dr. Marks in 1958, George Washington University Professor Eva Johnson turned to her student Ruth Hubbard Cousins. Ruth was a talented and gracious 38-year-old graduate student who began college at Duke in 1940, and was now completing her masters in psychology at GWU. Ruth was reluctant, because she was married with two daughters, and needed to focus on her masters (Figure 3). But Ruth's husband James F. Cousins, CPA, was a respected accountant in Washington DC who encourage Ruth to say yes, even offering to donate his financial skills to help Psi Chi rebound. Based on this, Ruth agreed to a limited one-year appointment, at \$3000 for the year. During this year, the couple made great headway together, improving the Society's book-keeping and cash flow, filing IRS tax forms properly, and redesigning the Newsletter. Ruth was set to resign later in 1959 during the APA meeting in Cincinnati.

But life intervened. On Labor Day weekend in September of 1959, (exactly 30 years after the 1929 Congress), Ruth had to rush Jim to Doctors Hospital with a ruptured appendix. Due to a botched surgery, her beloved Jim died a week later, on September 14, 1959. Ruth was suddenly a single mother raising two young daughters.

What to do?

Figure 3. Ruth and Jim Cousins with their daughter Carol

With great courage, Ruth decided to remain with Psi Chi, hopeful that she and her Cousins girls could find ways to help expand Psi Chi. Young Carol learnt to type, Joan excelled at filing, and their mom Ruth was full of plans. One cannot help but be moved by the touching oral histories given by a single mom and her loving daughter Carol, who sacrificed to keep Psi Chi alive and healthy (Davis & Wertheimer, 2000, pp. 35—44). This marked the start of Ruth's legendary 33 years of brilliant service to Psi Chi, from 1958—1991. At first, Psi Chi leadership ignored Ruth's innovative ideas. But soon, incoming Presidents Wayne Dennis (1960—1962) and Roger Russell (1962—1964) were very receptive, encouraging Ruth's two efforts.

First, to expand Psi Chi, by collaborating with APA and other organizations. In 1958, APA Council approved Psi Chi as its first APA "affiliate organization", giving Psi Chi program time at its annual meetings, space in its periodicals, and access to its resources. Under Cousins, Psi Chi began inviting eminent psychologists to meet with students during APA — like B.F. Skinner, Albert Bandura, Carl Rogers. One of the first in 1960 was E.G. Boring of Harvard, who agreed to visit APA as Psi Chi's invited speaker, voicing his high praise for the student group he attacked in 1928. Psi Chi increasingly encouraged student research, and issued certificates to outstanding students and faculty.

Second, to convert Psi Chi from an "honorary society" (which simply recognizes past achievements) into an "honor society" (which also promotes future achievements). Under Cousins, Psi Chi carefully revised its constitution and membership policies to qualify for election into the Association of College Honor Societies (ACHS) in 1965 as "the National Honor Society in Psychology". When anyone occasionally criticized Psi Chi as an "elitist" organization that deliberately excludes most students, Cousins' two-fold reply was: (a) most Psi Chi activities like the distinguished lectures benefit non-members as well, and (b) everyone is equally eligible to join the Society based on merit, regardless of their ethnicity, gender, disability, or other demographics.

Through the 1960s and 1970s, as the psychology major swelled to record numbers on U.S. college campuses, so also did the number of Psi Chi chapters and individual members — totaling 81812 life members in 361 chapters by 1974. Each year, Cousins' office registered over 3000 new members and over a dozen new chapters. Cousins' annual reports increasingly noted that Psi Chi was now thriving in every way — its numbers, programs, and finances — with just one exception. That one exception was students at two-year colleges. The national office received a steady flow of calls from psychology students at two-year colleges who wanted to join Psi Chi. But the ACHS had a clear policy barring students at two-year schools, so Psi Chi had to turn these deserving students away, despite their achievements and interest in Psi Chi membership.

What to do?

3. 1981: The Courage to Include The Excluded

Starting in 1977, Cousins engaged her daughter Carol to look into a new society for two-year colleges. In 1980, in U.S. higher education, there were 1957 four-year schools teaching 6000000 students, compared with 1274 two-year schools teaching 4525000 students, so over 40% of U.S. students are in community or two-year colleges with no ACHS honor societies. Though ACHS rules prevented Psi Chi chapters at two-year

colleges, Psi Chi Council did not want to continue to exclude outstanding two-year psychology students.

So in 1981, with Carol Tracy (Figure 4) as its Executive Director, Psi Beta was officially chartered and incorporated in Carol's home town of Chattanooga, Tennessee, as "The National Honor Society in Psychology for Two Year Colleges", with the same mission as Psi Chi. Psi Beta quickly elected a National Council, launched its new logo and Newsletter, and soon attracted thousands of previously excluded two-year students and faculty. Like Psi Chi, Psi Beta was accepted as an affiliate of APA, and grew steadily, with 24 chapters by 1983, 50 chapters in 1987, and 80 chapters with 4500 members for its 10th anniversary in 1991.

By 1992, seeing the success of Psi Beta, the ACHS itself "made history" by following the lead of Psi Beta to repeal its exclusion of two-year schools, and electing Psi Beta as the first ACHS-approved honor society for two-year schools. Psi Beta now continues to flourish past its 35th anniversary in 2016, under a series of dedicated Executive Directors: Carol Tracy, Ann Ewing, Jerry Rudmann, and now Valerie Smith Senatore (www.psbeta.org).

The APA meeting in 1991 was an unusually joyous event. It marked not only 10 years of Psi Beta, but also the retirement of Ruth Cousins after 33 years as Executive Director from 1958–1991, and the debut of Kay Wilson as Cousins' successor. At her final APA meeting, Cousins was celebrated with an APA Presidential Citation, and Bud Lewis agreed with his friend Eddie Newman, that "Far more than most people recognize, Psi Chi is not what we founded, it is what you have made it" (Hogan & Sexton, 1993, p. 200).

By 1991, Cousins was beloved across her many large circles — Psi Chi, Psi Beta, APA, ACHS, ASAE, the National Press Club, and Washington DC (Hogan, 2009). She was "as wise as a serpent, and gentle as a dove" (Matthew 10:16) — gracious to all, yet too clever to be manipulated by even the most powerful people. After Alfred and Dorothy Takooshian (the parents of a future Psi Chi President) spent three hours with Cousins, Alfred told his son "Harold, Ruth Cousins is as close as this nation comes to producing American Royalty". Whether we call this "Southern charm" or Christian Caritas, this joyous woman brought joy to all around her, with one exception below.

Cousins told friends that when Jim lay ill in Doctors Hospital in 1959, he wanted her to promise that she would remarry if he did not make it, so she would not deny to another man the great joy that she brought to Jim. But for 42 years, from his death in 1959 till her death on January 11, 2007, this single mother explained to the many adoring men around her that her beloved Jim was a proud Navy veteran buried in Arlington National Cemetery, so Ruth could never remarry if she wanted to be buried beside her Jim. On the Internet today, we can view the gravestones of Jim and Ruth Cousins, side by side in Arlington for eternity.

Following Cousins, Kay Wilson (Figure 5) was the Executive Officer of Psi Chi for 12 years, from 1991 till her untimely death from cancer on 2003, at age 63. Like Cousins, Wilson brought her own unique gifts to Psi Chi, raising it to new heights — its magazine,

Figure 4. Executive Officers
Ruth H. Cousins and Carol Tracy

Figure 5. Executive Officer
Kay Wilson

awards, conference programs. Under Wilson, Psi Chi more than doubled in membership in 12 years — from 221573 members in 734 chapters in 1991, up to 445361 members in 1013 chapters in 2003. Though Psi Chi income is based squarely on its members' one-time fee, the Society under Wilson tripled its revenues in six years, holding a hefty \$4000000 in assets by 1997. With boundless energy, Wilson was elected the President of the ACHS for 2003.

As Wilson proudly noted in 1998, Psi Chi had excelled to number-one in many ways: it was by far the world's largest psychology membership organization (with over 500000 life members), the world's largest honor society in any field (based on its 1000+ chapters), the outstanding non-profit organization in the USA with a small staff of five or fewer people (judged by the ASAE, the American Society of Association Executives), and “more psychologists have been through the doors of Psi Chi than of any other psychological association in the world” (Karlin, 1998).

Two inspiring special issues of the Psi Chi magazine are available online, celebrating the legacy of Ruth H. Cousins (edited by Kay Wilson, 1991), and then Kay Wilson (edited by Daniel P. Bockert, 2003).

4. 2009: The Courage to Expand World-Wide

In recent years, some Psi Chi officers felt increasingly uneasy that non-USA students were excluded from the Psi Chi family. Psychology today is now a global field, with 75% of the world's psychologists living outside the USA (Zoma & Gielen, 2015). Moreover, barely 10 percent of U.S. psychologists had international interests; it took 21 years (from 1976 until 1997), for APA to find enough psychologists (810) to finally approve a Division of International Psychology in 1997 (Takooshian & Bais, 2017).

But this is less true of Psi Chi — which “has a long history of international involvement” (Zlovovich, 2012, p. 6). Not only was Psi Chi born at the 1929 International Congress, but a surfeit of Psi Chi officers had international credentials. For example, in the 1930s, Eddie Newman spent a year in Germany with Max Wertheimer before returning to Harvard to complete his doctorate in 1934. In the 1940s, Psi Chi President Florence L. Goodenough (1945—1948) had previously served in 1942—1943 as the founding President of what is now the International Council of Psychologists (O’Roark, 2018). At least half of Psi Chi Presidents over the decades were widely known as international leaders (like Roger W. Russell in the 1960s, Florence Denmark in the 1970s, Virginia S. Sexton in the 1980s).

Table lists some international developments within Psi Chi. In 1963, President Roger Russell dedicated The Psi Chi Newsletter to “the International Year of Psychology”, inviting students from a score of nations to write about psychology in their homeland. In 1964, Cousins toured psychology around the world at the invitation of the ICP.

Much later, in 1994, Psi Chi President Joseph Horvat appointed a new “International Committee” to explore possibilities. Its Chair Harold Takooshian partnered with Joan Buchanan of the APA Office of International Affairs to survey all 75 national psychology

associations, with three results: (1) fewer than half of the surveys were returned; (2) of these, barely 20% of the associations allowed students as affiliate members (as APA does), preferring that that students wait to finish their degree; (3) not a single nation outside the USA has a national student group, and the concept of a national student honor society was simply unknown outside the USA.

Table

The Internationalization of Psi Chi: A Timeline

1929	The Ninth International Congress of Psychology, New Haven CT (Sept. 1–7)
1963	Psi Chi International Year of Psychology
1964	Ruth Cousins tours the world with the International Council of Psychologists
1985	A new Psi Chi bylaw introduced “international affiliate chapters”
1994	Psi Chi Council appoints a new committee on international psychology. The International Committee speaks at ICP in Lisbon, Portugal
1995	The Psi Chi Council meets in the United Nations headquarters in New York City
1996	Psi Chi Mini-Convention #2 is held in Canada at the University of Toronto
1997	APA charters its new International Division (52) under President Ernst G. Beier
1998	A Psi Chi article in the <i>International Journal of Psychology</i> . President Slater Newman launches a quarterly column on “International Notes”
1999	Psi Chi Council meets in San Juan, Puerto Rico. Psi Chi panel at APA on forming an international student group leads to IPSO
2000	A special issue of the <i>Eye</i> on “International & cross-cultural psychology”
2003	Formation of IPSO, the International Psychology Student Organization
2009	Psi Chi chapters vote to become the “International Honor Society of Psychology”

Based on this, and with no funding, Takooshian visited the ICP meeting in Lisbon in 1994, to tell colleagues and students what they were missing, with a data-based message on “The impact of a student honor society on a nation’s psychology” (Takooshian, 1994). Sadly, the entire audience consisted of just one American professor. Happily, this one professor was the legendary John M. Davis, who was the incoming Secretary-General of ICP (1994–1997) and later President of Psi Chi (2006–2007). The two discussed specific ways to open international colleagues to the Psi Chi concept.

In 1997, the *International Journal of Psychology* (IJP) Editor Merry Bullock invited a detailed article about Psi Chi for the IJP (Takooshian & Newman, 1998). In 1998, Newman launched “International Notes” as a quarterly column in the *Eye on Psi Chi*. The co-authors also organized what proved to be a fecund session at APA in Boston on August 21, 1999, for the 70th anniversary of Psi Chi, on “An international psychology group for psychology: Desirable? Feasible?” From this panel, four bold students in four nations joined to launch the International Psychology Students’ Organization (IPSO) in 2003. These four were Edward Van Rossen of Belgium, Shannon McCaslin of the USA, Nana Owusu-Banahene of Ghana, and Malin G. Wiking of Denmark (Van Rossen et al., 2003).

Despite such international activities, Psi Chi itself hesitated to “go global”. Back in 1985, Psi Chi added “international affiliate chapters” to its bylaws, and even approved the first non-USA school — the University of British Columbia in Canada. But the school

never installed its chapter, due to the unfavorable currency conversion that year. At the same time, the ACHS actively discouraged its U.S. honor societies to “go global”, due to all the problems of language, currency, culture, distance.

President John M. Davis (in press) recently shared his “inside story” of how he carefully collaborated for years with others, to secure a majority of voting Psi Chi chapters in 2009, for the pivotal vote to approve the “International Honor Society in Psychology”. Now, the fast-growing number of psychology students in other nations are eligible to join the Psi Chi family, and reap all its benefits. Of course, this now opens vast new horizons for Psi Chi. As of 2019, an estimated 151 million students in 193 nations study at 17000 universities across Europe (4000 universities), North America (3400), Latin America (1300), India (1600), China (1200), Russia (1000), Japan (800), Africa (600), Australia (100), and elsewhere. Though the Psi Chi Board has not yet surveyed its international chapters, many are clearly thriving (Novikova et al., 2019).

Sadly, progress is slow, with barely 20 international chapters these past 10 years — about half of the number of “Psi Chi International Ambassadors” (35) appointed to “spread the word” (Takooshian, 2013). In 2010, Executive Officer Martha Zlokovich proposed a 50-page “Strategic Plan for International Expansion”. In 2013, thanks to President Mercedes McCormick’s program of “Building Bridges” between Psi Chi and international psychology, an experienced team of seven leaders outlined a thoughtful roadmap to globalize Psi Chi, published in the *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* (McCormick et al., 2014).

Though progress is slow, the potential is there — beyond the wildest dreams of Newman, Lewis, Cousins, or Wilson, for even greater achievements yet to be.

Looking Back

Ninety years after 1929, we continue to see two lingering ironies about these two courageous young students — Newman and Lewis.

First, about them. Each went on to a long and celebrated career. Bud Lewis (1906—2000) taught at Bates College and Harvard, before becoming the esteemed Director of the New York Herald Tribune Fresh Air Fund for over a quarter-century. Eddie Newman (1908—1989) had a distinguished career, including the Recording Secretary of the American Psychological Association and a Professor and Chair of the Psychology Department at Harvard. Yet any search of these two will find that they are most celebrated as the two students who co-founded Psi Chi. Fortunately, both Lewis and Newman were able to join Ruth Cousins (1920—2007) in 1979, to celebrate the 50th anniversary of their joint creation.

Second, about Psi Chi. Some consider the Ninth International Congress of Psychology at Yale as the greatest assembly of psychologists in history. Indeed, the Congress’ August 535-page program lists a “who’s who” of luminaries from 22 nations (Takooshian & Salovey, 2004). This book makes no mention at all of any student group, except for a handful of students’ names scattered among the index of 826 participants — like Anne Anastasi (Columbia University), Ernest R. Hilgard (Yale University), M.H. Lewis (University of Kansas), and Edwin Newman (University of Kansas). Yet nearly every five years since 1999, distinguished psychologists from many cities converge on the stately

Presidents Room at Yale University on September 4, less to speak of past luminaries, but more to celebrate Psi Chi and the overlooked students who quietly created it in 1929.

Thanks to their youthful determination in 1929, tens of thousands of student and faculty lives have been touched across the USA, and now the world.

Figure 6. In 2009 at Yale, celebrating 80 years of Psi Chi

Bibliography of Histories of Psi Chi

- Cousins, R.H., Tracy, C., & Giordano, P.J. (1992). Psi Chi and Psi Beta: The two national honor societies in psychology. In A.E. Puente, J.R. Matthews, & C.L. Brewer (Eds.), *Teaching psychology in America: A history* (pp. 403–427). Washington DC: American Psychological Association.
- Davis, S.F., & Wertheimer, M. (Eds.). (2000). *An oral history of Psi Chi, the National Honor Society in Psychology*. Chattanooga TN: Psi Chi.
- Hogan, J.D., & Sexton, V.S. (1993). Psi Chi, the National Honor Society in Psychology. In J.L. Pate & M. Wertheimer (Eds.), *No small part: A history of regional organizations in American psychology* (pp. 189–203). Washington DC: American Psychological Association.
- Hogan, J.D., & Takooshian, H. (2004, Spring). Psi Chi, the National Honor Society in Psychology: 75 years of scholarship and service. *Eye on Psi Chi*, 8, 16–39. Retrieved from: www.psichi.org/page/083EyeSpringaHogan#.XM5mWTBKjbi
- Hunt, T. (Ed.). (1979). *History of Psi Chi: Fiftieth anniversary*. Washington DC: Psi Chi.
- Karlin, N.J. (1998). *Psi Chi: encouraging excellence in psychology*. Chattanooga TN: Psi Chi [9-minute video]. Retrieved from: <http://youtu.be/gIKMZdNgumE>
- MacKinney, A.C. (Ed.). (1986). *History of Psi Chi, the National Honor Society in Psychology: 1929–1986*. Arlington VA: Psi Chi.
- Takooshian, H., & Newman, S.E. (1998). Recognizing excellent psychology students. *International Journal of Psychology*, 33, 367–369. Retrieved from: <https://doi.org/10.1080/002075998400268>
- Tracy, C. (2000). Psi Beta. In A.E. Kazdin (Ed.), *Encyclopedia of Psychology*. (Vol. 6, pp. 332–333). Washington DC: American Psychological Association.

References

- Bockert, D.P. (2008, Fall). Special issue in honor of Kay Wilson. *Eye on Psi Chi*, 8(1), 1—56.
- Carmody, D.P. (1998, Spring). Student views on the value of undergraduate presentations. *Eye on Psi Chi*, 2, 11—14. Retrieved from: http://www.kon.org/stud_views.html
- Davis, J.M. (in press). Psi Chi Goes International. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*.
- Heitner, E. & Denmark, F.L. (2000, Spring). The impact of Psi Chi on eminent psychologists. *Eye on Psi Chi*, 4(3), 14—16.
- Hogan, J.D. (2001, Winter). The “other” founders of Psi Chi. *Eye on Psi Chi*, 5(2), 9—11.
- Hogan, J.D. (2009). Ruth Hubbard Cousins (1920—2007). *American Psychologist*, 64(1), 48.
- Lewis, F.H. (1969, Fall). Message from the first historian of Psi Chi. *Psi Chi Newsletter*, p. 7.
- McCormick M.A., Takooshian H., Denmark F.L., del Pilar Grazioso M., Velayo R.S., Wang, A.Y., Zlokovich M.S. (2014). Building Bridges: Psi Chi and International Psychology. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (4), 5—16. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2014-4-5-16>
- Novikova, I.A., Tarkhova, V.S., Kardashova, S.Z., & Kharitonenko, A.A. (2019). *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(1), 101—109. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-88-100>
- O’Roark, A.M. (2018). *Footprints and visions: 75 years of the International Council of Psychologists*. New York: Global Scholarly Publications.
- Takooshian, H. (1994, August). *Psi Chi: The impact of a student honor society on a nation’s psychology*. Presentation to the International Council of Psychologists, Lisbon, Portugal.
- Takooshian, H. (1998, Fall). Presidential message #1: Seventy years young. *Eye on Psi Chi*, 3(1), 55—56.
- Takooshian, H. (1999, Spring). Presidential message #3: What is your Psi-Q? *Eye on Psi Chi*, 3(3), 67—68. Retrieved from: www.psichi.org/general/custom.asp?page=033EyeSpr99hTakooshi#XM3S6zBKjbg
- Takooshian, H. (2013, Fall). Psi Chi International Ambassadors, 2013. *International Psychology Bulletin*, 17(4), 13—14.
- Takooshian, H., & Bais, A.M.S. (2017, Winter). A pre-history of the APA Division of International Psychology. *International Psychology Bulletin*, 21(1), 11—13.
- Takooshian, H. & Salovey, P. (2004, Nov.). Psign of the times. *APS Observer*, 17(11), 23—24. Retrieved from: <https://www.psychologicalscience.org/observer/psign-of-the-times>
- Takooshian, H., Velayo, R.S. & Prohaska, V. (2002, Spring). Funding undergraduate research. *Eye on Psi Chi*, 6, 34—35.
- Van Rossen, E., McCaslin, S., Owusu-Banahene, N.O., & Wiking, M.G. (2003, Winter). The International Psychology Students’ Organization (IPSO). *Eye on Psi Chi*, 7(2), 26—27. Retrieved from: www.psichi.org/page/072EYEWIn03eRossen#.XL0sFzBKjbg
- Wang, A.Y. (2010, Fall). Report to Psi Chi members. *Eye on Psi Chi*, 15(1), 6.
- Wilson, K., & Bockert, D.P. (1991). Ruth H. Cousins Commemorative Issue. *Psi Chi Newsletter*, 17(5), 1—60.
- Young, J.R., & DaPrada, T. (1998, Spring). Twenty-five years of the Hunter Psychology Convention. *Eye on Psi Chi*, 2(3), 15—17.
- Zlokovich, M.S. (2010, October 14). *Strategic plan for international expansion*. Unpublished report.

Zlokovich, M.S. (2012, Fall) Psi Chi and international psychology. *Eye on Psi Chi*, 17(1), 6. Retrieved from: www.psichi.org/general/custom.asp?page=international_histor#.XOsDBhZKjbg

Zoma, M., & Gielen, U. P. (2015). How many psychologists are there in the world? *International Psychology Bulletin*, 19, 47–50.

Article history:

Received: 28 April 2019

Revised: 18 May 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Takooshian, H. (2019). Psi Chi at 90 Years: The International Honor Society in Psychology. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 224–236. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-224-236>

Bio Note:

Harold Takooshian, Ph.D., is Professor of Psychology, Urban Studies, and Organizational Leadership at Fordham University (USA, New York). He is Past-President of the APA Division of International Psychology (2003), and Past Officer and President of Psi Chi from 1993–2000. He was elected a Distinguished Member of Psi Beta and Psi Chi. Like thousands of others, he is deeply grateful to Psi Chi for its many impacts on his life. E-mail: takoosh@aol.com

Обзорная статья

90-летие Psi Chi: Международное психологическое общество почета

Г. Такушьян

Университет Фордхэм
Соединенные Штаты Америки, 10023, Нью-Йорк, 113 W. 60th St.

В 2019 году Psi Chi празднует свое 90-летие как Национальное и 10-летие как Международное психологическое общество почета. Представленный обзор славной истории Psi Chi состоит из трех частей, описывающих: 1) текущую миссию, объединяющую более 750 000 пожизненных членов в 1130 отделениях по всему миру; 2) скромное, но вдохновляющее рождение в 1929 году в Йельском университете; 3) четыре вехи впечатляющей смелости в истории Psi Chi — в 1929, 1959, 1981 и 2009 годах; а также включает библиографию, с помощью которой можно подробнее познакомиться с историей Psi Chi.

Ключевые слова: Psi Chi; Psi Beta; Национальное психологическое общество почета; Международное психологическое общество почета; международная психология; история психологии

История статьи:

Поступила в редакцию: 28 апреля 2019

Принята к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Takooshian H. Psi Chi at 90 Years: The International Honor Society in Psychology (90-летие Psi Chi: Международное психологическое общество почета) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2019. Т. 16. № 2. С. 224—236. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-224-236>

Сведения об авторе:

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии, урбанистики и организационного лидерства в Университете Фордхэм (США, Нью-Йорк). Был президентом отделения международной психологии Американской психологической ассоциации (2003 г.), а также офицером и президентом Psi Chi (199—2000 гг.). Избран заслуженным членом Psi Beta и Psi Chi. Как и тысячи других, он глубоко благодарен Psi Chi за сильное влияние на его жизнь. E-mail: takoosh@aol.com

Review article

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-237-244

UDC 159.99

How Psi Chi Became the *International* Honor Society in Psychology

John M. Davis

Texas State University
601 University Drive, San Marcos, Texas 78666, United States of America

Abstract. Psi Chi, the National Honor Society in Psychology, was founded in 1929 during the Ninth International Congress of Psychology at Yale University, the first convened in the United States. Eighty years later, in 2009, Psi Chi officially became the International Honor Society in Psychology. Now, on the tenth anniversary of that change, it seems fitting to tell the story of how Psi Chi became the International Honor Society in Psychology. Several former leaders contributed significantly to this international expansion. My involvement began when I was elected to the position of Vice-President for the Southwestern Region. During my two terms as VP, I advocated for an international perspective whenever possible. After completing my second term as VP, I was elected to the position of President-Elect and began writing short articles for *Eye on Psi Chi* that suggested a more international perspective. As President, I continued the effort to encourage Psi Chi to become international. I developed ten proposed amendments to the Psi Chi Constitution that, if approved, would transition Psi Chi from a national to an international society. During the last business meeting of my term as Past-President in August 2008, the Council approved all ten amendments. The final step, a national vote by the Psi Chi chapters in April of 2009, also approved all ten amendments and made the changes official. Now, in 2019, Psi Chi celebrates the tenth anniversary of the transition from a national to an international society with 23 chapters in 15 countries or U.S. territories.

Key words: Psi Chi; National Honor Society in Psychology; International Honor Society in Psychology; international psychology

Psi Chi, the National Honor Society in Psychology, was founded in 1929 during the Ninth International Congress of Psychology at Yale University, the first to be convened in the United States. Two years earlier, in 1927, two U.S. graduate students at the University of Kansas, Edwin Newman and Frederick Howell “Bud” Lewis, had envisioned and begun planning for an honor society for psychology (Hogan & Sexton, 2000). Their vision culminated in the founding of the Society on September 4, 1929 when representatives from 14 departments of psychology approved a charter for the Society. Between that date and the end of 1929, another eight chapters signed, and these 22 chapters were designated charter chapters (Hogan & Sexton, 2000).

© Davis J.M., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

The Ninth International Congress of Psychology convened at Yale University attracted more than 1000 registered individuals. In addition to 722 U.S. and 104 foreign regular members, 106 wives of members and 129 guests registered for the Congress. This was the largest attendance up to that date. Interestingly, it was held on the 50th anniversary of the establishment of the first formal experimental laboratory in psychology by Wilhelm Wundt in Leipzig in 1879. Attendees at the Congress included a number of prominent psychologists including Ivan P. Pavlov of Russia, Wolfgang Kohler of Germany, Carl Spearman of England, and Edward L. Thorndike of the United States (Rosenzweig et al., 2000). Eighty years later, in 2009, Psi Chi chapters voted to change the Constitution in order to make Psi Chi officially the International Honor Society in Psychology.

Now, on the tenth anniversary of that international expansion, it seems fitting to tell the story of how Psi Chi, the National Honor Society in Psychology became Psi Chi, the International Honor Society in Psychology. I like to think that before it became a reality, many people imagined the possibility of expanding Psi Chi beyond U.S. borders.

In fact, several former leaders of Psi Chi had extensive international experience and interests. Those leaders contributed in various ways to the conditions that led to this international expansion. Some of them included former Psi Chi presidents. For example, Rogers Russell, President 1962—1964, held faculty positions in Australia and maintained university connections in New Zealand, England, and Sweden. During his presidency, Psi Chi designated 1962—1963 the Society's International Year. Russell later served as President of the International Union of Psychological Sciences (Rosenzweig et al., 2000). During Charles Spielberger's presidency (1980—1983), Psi Chi promoted and assisted study abroad for Psi Chi members. Spielberger later served as President of the International Association of Applied Psychology. During Slater Newman's presidency (1997—1998), his President's column for the Summer, 1998 issue of *Eye on Psi Chi* was titled Internationalizing Psi Chi. That issue had the title "Internationalizing Psi Chi" on the front cover along with the word "Psychology" in many languages. President Martha Zlokovich (2003—2004) studied in Germany, promoted international psychology (Zlokovich & Harris, 2004), and rejoined Psi Chi in 2008 as Executive Director.

In 1994, Harold Takooshian surveyed psychologists in countries outside the United States to learn if there were psychology honor societies in those countries. Later that year at the annual convention of the International Council of Psychologists in Lisbon, Portugal, he presented his results and discussed how psychologists in other countries could establish honor societies (Takooshian, 1994). He and I met at that presentation and discovered that we had similar interests in Psi Chi and international psychology. During Harold Takooshian's presidency (1998—1999), he and Past-President Slater Newman noted that "our discipline would benefit much from the international contact likely to ensue should Psi Chi chapters be established outside the US" (Takooshian & Newman, 1998, p. 369).

The process of transforming Psi Chi from the National to the International Honor Society in Psychology took several years. My involvement began when I was encouraged to accept the nomination for a position on the then Psi Chi National Council as Representative for the Southwestern Region of Psi Chi. I was serving as the faculty advisor of the Psi Chi Chapter at Texas State University at that time. Our chapter invited Past President of Psi Chi, Jesse Purdy, to give the keynote address at one of our induction ceremonies. During the social activities afterwards, Past President Purdy, who was chair

of the nominating committee, asked if I would accept a nomination for the position of Psi Chi Vice-President for the Southwestern Region. I agreed, the Texas State University Chapter nominated me, and I was elected. At that point in 2000, I began imagining how Psi Chi might be expanded internationally.

Along with my deep interest in serving students, I have a deep and lifelong interest in learning about the people of the larger world beyond U.S. borders. In addition to the United States, I have lived in Germany, China, England, and South Africa and traveled to many other countries to present or conduct research. When I was growing up in rural Oklahoma, my parents invited visiting missionaries to stay at our small farm home while they were in our area. Also, my parents arranged with the foreign student advisor at nearby Oklahoma State University for our family to meet international students. We got to know two young men from Nigeria quite well who were studying engineering. They frequently stayed with us on weekends and went to church with us. Thus, even as the opportunity to serve students in a larger arena by running for a position on the Psi Chi National Council seemed attractive, I also began to develop the idea that I could introduce Psi Chi to a more international perspective (Davis, 2000).

After being elected, I served a two-year term on the National Council (renamed Board of Directors when Psi Chi became international) as Vice-President for the Southwestern Region spanning the period from August 2000 to August 2002. I was re-elected and served a second term from August 2002 to August 2004. During that time period I learned much about Psi Chi and developed a great respect for and a strong commitment to the Society. Then I was elected to a term as President-elect from August 2005 to August 2006, transitioned to the office of President in August 2006, and to Past-President in August 2007. I completed my duties as Past-President in August 2008.

I have a lifelong commitment to expanding the science of psychology to the whole human population, the whole human family. During my two terms as Vice-President on the National Council, I advocated for an international perspective whenever possible. I initiated an international task force and a formal liaison position between Psi Chi and the American Psychological Association Committee on International Relations in Psychology (CIRP). I served in that position as the first liaison and presented reports to CIRP about Psi Chi activities. My first report to CIRP was presented on April 7, 2006. In that report I briefly described Psi Chi's founding and membership, the Society's purpose, and some of its activities. I also noted that the Psi Chi Constitution permitted the chartering of international affiliate chapters — Psi Chi had approved that addition to the Constitution in 1985. At that time, however, Psi Chi only had one international affiliate chapter, University of Victoria in Canada. I concluded the report by referring to an article I had published in *Eye on Psi Chi* in which I examined some practical benefits as well as challenges involved in Psi Chi becoming an international honor society in psychology.

When, a year after completing my second term as Vice-President for the Southwestern Region, I was elected to the position of President-elect of Psi Chi, I took the opportunity to begin writing short articles for *Eye on Psi Chi* that expressed the importance of psychology taking a more international perspective. I also shared with a few colleagues my intention to take Psi Chi international when I assumed the role of Society President. My first column as President and my first public indication of my desire to see Psi Chi become

international was titled “Promoting Psi Chi and advancing the science of psychology” (Davis, 2006, Fall). In that article, I predicted that in five years Psi Chi would be the international honor society in psychology. My subsequent Presidential columns all dealt with international issues (Davis, 2006, Winter; Davis, 2007, Spring; Davis, 2007, Summer; Davis, 2007, Winter).

It was not a simple nor an easy process. At the time, there were other priorities that could not be ignored. The Psi Chi National Office in Chattanooga was in transition. The Executive Director of many years had passed away unexpectedly, and her replacement had other priorities and wanted her commitment to the position to be short term. Psi Chi had grown rapidly over the years and the National Council decided that the Executive Director position should be divided into two positions — office management and top executive — with a new requirement that the top executive be a psychologist with teaching experience. National searches had to be conducted to fill both positions. Also, Psi Chi had recently added the responsibility of planning and holding a National Leadership Conference and that became the responsibility of the President. Organizing Psi Chi programming at the annual conventions of the American Psychological Association and the Association for Psychological Science were also responsibilities of the President, Executive Council, and National Council members.

Psi Chi was extremely fortunate to be able to hire Virginia Andreoli Mathie as the new Executive Officer responsible for facilitating the work of Psi Chi elected officers. At my request, Ginny Mathie prepared a great deal of background research to educate the members of the National Council on past efforts to expand Psi Chi in a more international direction. She also helped prepare detailed analyses of the changes to the Psi Chi Constitution that would need to be considered in order to move Psi Chi to become the international honor society.

During my term as President, I brought a motion before the National Council to approve the effort to change Psi Chi to become international. The vote was close but the motion was not approved. However, the motion had the value of opening the discussion at the Council level and of identifying the positions of the Council members. It also had the value of bringing to light the concerns of those members who did not support such a move. Some Council members simply did not want to approve the idea until they had seen it developed in more detail. Other Council members wanted to wait for other countries to develop their own honor societies

Following that Council meeting, Ginny Mathie and I continued to work on the initiative and sought to address more fully what would need to be revised in the Psi Chi Constitution as well as what work would need to be carried out to recruit Psi Chi chapters in other countries if Psi Chi did become international. We continued this work into my term as Past President. During that period, I took the extensive work that Ginny Mathie had prepared and synthesized more than twenty constitutional changes into ten proposed constitutional amendments that captured all the constitutional changes that would be needed to transform Psi Chi from a national to an international honor society.

During the final business meeting of my term as Past President in August 2008, these proposed amendments were a major portion of the agenda of the National Council. At that point, Vincent Prohaska was Psi Chi President. Ginny Mathie had retired in June and Martha S. Zlokovich had replaced her in the role of Executive Director. With President

Prohaska presiding, the National Council passed all ten proposed amendments in their original, or in one case slightly modified, form by a two-thirds majority vote to change Psi Chi from a national to an international society. Council approval, however, was not the final step. Changes to the Psi Chi Constitution also require approval by a national vote of the Psi Chi chapters.

The constitutional amendments were published in the Fall 2008 issue of *Eye on Psi Chi* with a request for letters either in support or in opposition. The Spring 2009 issue published the amendments again with seven letters of support, two letters in opposition, and a statement summarizing the National Council's reasons for supporting the proposed amendments. The accompanying instructions noted that chapters had 60 days to vote using the online voting portal, that ballots were due in the National Office by April 1, 2009, and that approval by three-fourths of the voting chapters was required to amend the Psi Chi Constitution (Amendments: Letters of support, 2009).

The final step of amending the Constitution resulted in changing Psi Chi from the National to the International Honor Society in Psychology, changing the National Council to the Board of Directors, the National Office to the Central Office, and National Awards to Society Awards. The constitutional amendments also eliminated international affiliate chapter status and made international affiliate chapters full Psi Chi chapters. Again, all ten proposed amendments to the Constitution were approved, resulting in the four affiliate chapters Psi Chi had established by that time — three new ones under Ginny Mathie's guidance in Ireland, Puerto Rico, and the US Virgin Islands — automatically becoming full chapters.

Changing the Constitution, however, was only the beginning. Psi Chi then embarked on a process of re-branding the Society's image including publications, merchandise, chapter supplies, the Psi Chi website, and more. The Board charged the new Executive Director, Martha S. Zlokovich, with working with faculty outside the U.S. 50 states to increase the number of international chapters (Zlokovich, 2012). An International Committee was formed to begin the development of a comprehensive international expansion strategic plan and budget for the Board of Directors to consider at their January 2011 business meeting. The committee consisted of Psi Chi President, Alvin Wang, and former presidents John Davis, Harold Takooshian, and Executive Director Martha Zlokovich. I continued to encourage Psi Chi members to pursue greater international understanding and to prepare for their future within a global context (Davis, 2011).

Now in 2019 Psi Chi celebrates the tenth anniversary of the transition from national to international. In the ten years since that change, Psi Chi has expanded internationally and now has 23 approved chapters in 15 countries or U.S. territories (Barbados, Canada, Ecuador, Egypt, Guam, Guatemala, Ireland, Malaysia, New Zealand, Puerto Rico, Russian Federation, Trinidad and Tobago, United Kingdom, and US Virgin Islands). As we look to the future, I believe that Psi Chi is well positioned to contribute to greater international understanding and to a perspective that is more inclusive of the entire human population.

Acknowledgements

I thank Carol J. Davis, Harold Takooshian, and Martha S. Zlokovich for providing valuable comments on earlier versions of this article.

References

- Amendments: Letters of support. (2009, Spring). *Eye on Psi Chi*, 13(3), 10—13.
- Davis, J.M. (2000, Spring). Four international organizations in psychology: An overview. *Eye on Psi Chi*, 4(3), 33—37. Retrieved from: <https://doi.org/10.24839/1092-0803.Eye4.3.33>
- Davis, J.M. (2006, Winter). Should Psi Chi become the International Honor Society in Psychology? *Eye on Psi Chi*, 10(2), 36—37, 51.
- Davis, J.M. (2006, Fall). Promoting Psi Chi and advancing the science of psychology. *Eye on Psi Chi*, 11(1), 4, 36. Retrieved from: <https://doi.org/10.24839/1092-0803.Eye11.1.4>
- Davis, J.M. (2007, Winter). The psychology of growing up global. *Eye on Psi Chi*, 11(2), 4. Retrieved from: <https://doi.org/10.24839/1092-0803.Eye11.2.4>
- Davis, J.M. (2007, Spring). US higher education in a global context: A user's guide. *Eye on Psi Chi*, 11(3), 4. Retrieved from: <https://doi.org/10.24839/1092-0803.Eye11.3.4>
- Davis, J.M. (2007, Summer). Strategies for planning and setting goals. *Eye on Psi Chi*, 11(4), 4. Retrieved from: <https://doi.org/10.24839/1092-0803.Eye11.4.4>
- Davis, J.M. (2011, Spring). A user's guide to U.S. higher education in a global context. *Eye on Psi Chi*, 15(3), 10—11. Retrieved from: <https://doi.org/10.24839/1092-0803.Eye15.3.10>
- Hogan, J.D., & Sexton, V.S. (2000). Psi Chi, the National Honor Society in Psychology. In S.F. Davis & M. Wertheimer (Eds). *An oral history of Psi Chi, The National Honor Society in Psychology*. Chattanooga, TN: Psi Chi.
- Newman, L.E. (1998, Summer). Internationalizing Psi Chi. *Eye on Psi Chi*, 2(4). Retrieved from: <https://doi.org/10.24839/1092-0803.Eye2.4.80>
- Rosenzweig, M., Holtzman, W., Sabourin, M., & Belanger, D. (Eds). (2000). *History of the International Union of Psychological Science (IUPsyS)*. London: Psychology Press. Retrieved from: <https://doi.org/10.4324/9780203987797>
- Takooshian, H. (1994). *Psi Chi: Impact of a student honor society on a nation's psychology*. Paper presented at the annual meeting of the International Council of Psychologists, Lisbon, Portugal.
- Takooshian, H., & Newman, S.E. (1998). Recognizing excellent psychology students. *International Journal of Psychology*, 33, 367—369.
- Zlokovich, M.S. (2012, Fall). Psi Chi and international psychology. *Eye on Psi Chi*, 17(1), 6. Retrieved from: <https://doi.org/10.24839/1092-0803.Eye17.1.6>
- Zlokovich, M.S., & Harris, B. (2004, Winter). Where in the world is Wilhelm Wundt? *Eye on Psi Chi*, 8(2). Retrieved from: <https://doi.org/10.24839/1092-0803.Eye8.2.4>

Article history:

Received: 27 April 2019

Revised: 13 May 2019

Accepted: 15 May 2019

For citation:

Davis, J.M. (2019). How Psi Chi Became the *International Honor Society in Psychology*. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 237—244. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-237-244>

Bio Note:

John M. Davis, Ph.D., is Graduate Professor of Psychology and Honorary Professor of International Studies at Texas State University. His research focuses on interpersonal, intergroup, and

international relations. He has served as Faculty Advisor of the Texas State Chapter of Psi Chi for many years, as Psi Chi Southwestern Regional Vice-President for two terms, and as Psi Chi President (2006–2007). As President-elect, President, and Past-President, he initiated and led the successful effort to transform Psi Chi from a national to an international honor society. E-mail: jd04@txstate.edu

Обзорная статья

Как Psi Chi стало Международным психологическим обществом почета

Дж.М. Дэвис

Техасский государственный университет
Соединенные Штаты Америки, 78666, Техас, Сан Маркос, University Drive, 601

Psi Chi, Национальное психологическое общество почета, было основано в 1929 году на IX Международном психологическом конгрессе, который впервые проходил в Соединенных Штатах Америки в Йельском университете. Спустя семьдесят лет, в 2009 году, Psi Chi официально стало Международным психологическим обществом почета. В десятую годовщину этого преобразования представляется уместным рассказать о процессе трансформации Psi Chi в международное общество, чему и посвящена данная статья.

Несколько бывших лидеров Psi Chi внесли значительный вклад в процесс его интернационализации. Наше участие началось с избрания на должность вице-президента Psi Chi по Юго-Западному региону США. Одной из задач на этом посту на протяжении двух сроков было развитие международных перспектив общества. После завершения второго вице-президентского срока и избрания на должность президента Psi Chi мы начали писать короткие статьи для журнала Eye on Psi Chi, в которых предлагали развивать международные перспективы общества, а также продолжили курс на интернационализацию общества. Нами были разработаны и предложены десять поправок к Конституции Psi Chi, которые, в случае их принятия, должны были превратить Psi Chi из национального в международное общество. Во время нашей последней деловой встречи уже в качестве бывшего президента в августе 2008 года Совет утвердил все десять поправок. И, наконец, путем общенационального голосования отделения Psi Chi в апреле 2009 года также одобрили все десять поправок, что сделало изменения в Конституции официально принятыми. В сентябре 2019 года Psi Chi отмечает десятую годовщину своей интернационализации, имея 23 отделения в 15 странах мира.

Ключевые слова: Psi Chi; Национальное психологическое общество почета; Международное психологическое общество почета; международная психология

Благодарности

Мы благодарим Кэрл Дэвис, Гарольда Такушьяна и Марту Злокович за ценные комментарии к более ранним версиям этой статьи.

История статьи:

Поступила в редакцию: 27 апреля 2019

Принята к печати: 15 мая 2019

Для цитирования:

Davis J.M. How Psi Chi Became the *International Honor Society in Psychology* (Как Psi Chi стало *Международным* психологическим обществом почета) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 237—244. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-237-244>

Сведения об авторе:

Дэвис Джон М., Ph.D., профессор кафедры психологии и почетный профессор международных исследований в Техасском государственном университете. Его исследовательские интересы связаны с изучением межличностных, межгрупповых и международных отношений. В течение многих лет был советником отделения Psi Chi штата Техас, в течение двух сроков занимал должность регионального вице-президента Psi Chi Юго-Западного региона США и был президентом Psi Chi в 2006—2007 гг. Один из инициаторов и непосредственный участник процесса трансформации Psi Chi из национального в международное психологическое общество почета. E-mail: jd04@txstate.edu

Scientific report

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-245-269

UDC 159.99

Psi Chi in Global World: Vision of 9 International Chapters

Harold Takooshian¹, Yarielizmar Nieves-Lebrón², Bernadette M. Delgado-Acosta²,
Daniela Talavera Pagán³, Nelson D. Cruz-Bermúdez³, Andrew M. Rivers⁴,
María del Pilar Grazioso⁵, Marinés Mejía⁵, Diana Williams⁶, Grace Sooknanan⁶,
Alicia Hosein⁶, Valeriia S. Tarkhova⁷, Sayad Z. Kardashova⁸, Yuliya V. Kozhukhova⁸,
Tsee Leng Choy⁹, Kyle Danielson¹⁰, Marios Adonis¹¹,
Yianna Ioannou¹¹, Ester Lima¹¹

¹ Fordham University

113 W. 60th St., New York, NY 10023, United States of America

² University of Puerto Rico at Mayagüez

PO Box 9000, Mayagüez, 00681-9000, Puerto Rico

³ University of Puerto Rico at Río Piedras

9 Ave. Universidad, Suite 901, San Juan, 00925, Puerto Rico

⁴ University of British Columbia

2136 West Mall, Vancouver, BC V6T 1Z4, Canada

⁵ University of the Valley of Guatemala

18 Ave., 11–95 Zona 15, Vista Hermosa III, Guatemala 01015, Guatemala

⁶ University of the West Indies

St. Augustine Campus, Trinidad and Tobago, West Indies

⁷ National Research University “Higher School of Economics”

20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation

⁸ Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

⁹ HELP University

Jalan Sri Semantan 1, Off Jalan Semantan, Bukit Damansara, 50490, Kuala Lumpur, Malaysia

¹⁰ University of Toronto Scarborough

1265 Military Trail, Toronto ON M1C 1A4, Canada

¹¹ University of Nicosia

46 Makedonitissas Ave., Nicosia, CY-241, Cyprus

Abstract. Since 2009, when Psi Chi became the International Honor Society in Psychology, outstanding faculty and students across many nations have stepped forward to join the Psi Chi family of 750000 life members in 1130 schools on six continents. How is the Psi Chi experience changing lives around the world, as it has been doing since 1929 in the USA? Here, for the first time, Psi Chi “pioneers” in 9 international Chapters share in their own words and images their Psi Chi experiences.

Key words: Psi Chi; International Honor Society in Psychology; international psychology; international students; cross-national cooperation

© Takooshian H., Nieves-Lebrón Ya., Delgado-Acosta B.M., Talavera Pagán D., Cruz-Bermúdez N.D., Rivers A.M., del Pilar Grazioso M., Mejía M., Williams D., Sooknanan G., Hosein A., Tarkhova V.S., Kardashova S.Z., Kozhukhova Yu.V., Tsee Leng Choy, Danielson K., Adonis M., Ioannou Y., Lima E., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Introduction

(by Harold Takooshian)

In March 2019, as a Past-President of Psi Chi and *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* editorial board member, I appealed to representatives of 20 international Psi Chi Chapters with an invitation to complete a survey dedicated to the 10th anniversary of Psi Chi internationalization. The survey included the following items:

- 1) Your school? 3 sentences — year, location, size, features?
- 2) Psi Chi installation? Installation date, why your school?
- 3) Founding chapter Faculty Advisor(s) and President(s)?
- 4) Impact so far? Psi Chi activities? Any past highlights? Other impacts?
- 5) Future possibilities? Interaction with other Chapters? International opportunities?
- 6) Wishes? (Anonymous.) Anythings you wish Psi Chi offered?
- 7) A photo or two: Installation? Conference? Other activity?

Figure 1. World map¹ with 9 international Psi Chi Chapters that presented their reports:

1 — University of Puerto Rico of Mayagüez (Puerto Rico); 2 — University of Puerto Rico at Rio Piedras (Puerto Rico); 3 — University of British Columbia (Canada); 4 — University of the Valley of Guatemala (Guatemala); 5 — University of the West Indies (Trinidad and Tobago); 6 — Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) (Russia); 7 — HELP University (Malaysia); 8 — University of Toronto Scarborough (Canada); 9 — University of Nicosia (Cyprus)

During the month *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* editorial board received completed surveys from 9 Chapters representing 7 countries of the world (Figure 1). This article joins the reports of these Chapters, which are presented below in the order of their

¹ Map source: <https://video-photo.net/karty/karta-mira>. Figure design by Evelina Simanskaya (RUDN University student).

origin: from very first Psi Chi international Chapter at the University of Puerto Rico, Mayagüez Campus to one of the newest ones at the University of Nicosia, Cyprus. The final part of the article contains wishes that are arranged in a random order.

Psi Chi at University of Puerto Rico, Mayagüez Campus

(by Yarielizmar Nieves-Lebrón & Bernadette M. Delgado, Ph.D.)

1. The University of Puerto Rico, Mayagüez Campus, UPR-M (<https://www.uprm.edu/portada/>) is located in the town of Mayagüez, Puerto Rico. It is the second largest campus of the UPR system and the only one with a School of Agriculture and a graduate program in Marine Sciences in Puerto Rico. Established on September 23, 1911, the campus has four academic units: The Colleges of Agricultural Sciences, Engineering, Arts and Sciences, and Business Administration. Currently, the staff includes over 800 professors and researchers, 264 agricultural extension workers and 12264 students enrolled in the various undergraduate and graduate programs. It also has a renowned Graduate Program that offers masters and doctorates. In addition, this campus has more than 100 student organizations and annual events such as Five Days with Our Earth (event to highlight agriculture), Interuniversity Fair of the LAI (athletic competitions among the universities of Puerto Rico), International dinner (dinner shared with typical dishes of Puerto Rico and international) and the ignition of Christmas (party of the beginning of the Christmas season in the Campus). The University of Puerto, Mayagüez Campus is a founding member of the LAI (Interuniversity Athletic League). It is the only university that participates in all sports sponsored by the LAI. The UPR-M currently participates in 16 men's sports and 12 women's sports, with a total of 373 athletes. The vision of this university is to be a vanguard institution in higher education and research, transforming society through the search for knowledge, in an environment of ethics, justice, and peace.

2. Psi Chi UPR-M is the first Chapter established in Puerto Rico and has been active since 2008. It was founded by the student Zaade A. Torres and Dr. Bernadette Delgado has been the Faculty Advisor since then. The board of directors, for the year 2018–2019, is composed by Alondra Nieves (President), Claudia A. Mercado (Vice President), Gabriela N. Torres (Secretary), Sheila E. Chaparro-Pérez (Treasurer), Yarielizmar Nieves-Lebrón (Historian), Ivan J. Feliciano-Romeu (Public Relations Officer), Andrea Velez (Webmaster) and William J. Cartagena-Nieves (Event Coordinator) (Figure 2). We are characterized by unity, leadership, and responsibility. Psi Chi has allowed us to expand our knowledge and skills through social work, workshops, conferences, and fraternization.

3. The founding and current Faculty Advisor is Dr. Bernadette Delgado and the first President was Zaade A. Torres. The President for the year 2018–2019 is Alondra Nieves.

Figure 2. Current Board of Directors of UPR-M Psi Chi Chapter

4. In our chapter, we conceive community service as an integral part of the activities to be accomplished. The purpose is for members to have an experience beyond the academic realm and apply what they have learned to a real-world context. To accomplish this objective, we carried out several community service activities.

A. One of them was a full breakfast prepared for the homeless. For this, we joined forces with the Student Association for Community Support (AEAC), since they had access to the people in need. We were responsible for preparing everything necessary for the breakfast, it was accomplished with donations from our members. It was an unforgettable moment for us; not only did we provide a meal for them, but we also interacted with them, played dominoes, and listened to the stories they told us. The most rewarding thing about this experience is to know that you can achieve anything with the tools that the society of honor and the profession itself offers you.

B. The International Honor Society in Psychology is distinguished by the unique training it offers to its members. For this reason, we had a wide variety of workshops and conferences intended to provide knowledge of how to progress in this profession. We provided conferences about options for graduate schools in Puerto Rico, how to apply and participate in internships and the preparation of a curriculum vitae. Also, a conference dedicated to the different areas of psychology such as the psychology of nutrition, organizational psychology, social psychology, and so on. We also had different workshops such as “True Colors” (workshop dedicated to knowing their personality), first aid (CPR), personal defense and others. Thanks to these activities we can expand our knowledge beyond our academic curriculum and improve ourselves to help others.

C. This Chapter is also characterized for being very friendly, so much that we consider ourselves family. Fundraising sales for the induction ceremony became extremely fun and dynamic. The people around us enjoy the interaction of us and how we handle different conflicts. We are characterized by empathy, kindness, affection, responsibility, punctuality, and happiness. We want people to feel appreciated and welcomed. As the

director board we always make it our mission to get to know everyone since they are the essence of Psi Chi.

D. The induction ceremony for the current year took place on May 7, 2019 (Figure 3). We are proud to have inducted 32 new members. In addition, following the protocol already established by Psi Chi Central, we establish the new board of directors composed by Paulina D. Marrero-Torres (President), Arnaldo L. Lopez-Cruz (Vice President), Glorianis Valentín-Morell (Secretary), Yomarie Vargas-Morales (Treasurer), Bryan Garcia-Muñiz (Historian), Andrea Colón-Gonzalez (Public Relations Officer), Maryliz Soto-Quiles (Webmaster) and Elizabeth Montalvo-Ruiz (Event Coordinator) (Figure 4).

Figure 3. New members of UPR-M Psi Chi Chapter

Figure 4. New Board of directors of UPR-M Psi Chi Chapter

We recognize the excellent work of our mentor Dr. Bernadette Delgado who has guided and shaped us into what we are today, not only as part of the society but also as our professor and academic counselor. Psi Chi is much more than we could imagine. It has given us a family for life and has provided us with the knowledge and skills necessary to become better professionals today and tomorrow.

Psi Chi at University of Puerto Rico, Río Piedras Campus, Puerto Rico

(by Daniela Talavera Pagán & Nelson D. Cruz-Bermúdez, Ph.D.)

1. The University of Puerto Rico at Río Piedras (UPR-RP) located in the town of San Juan, Puerto Rico, is the oldest and largest campus within the UPR system. Established in 1903, the UPR-RP provides higher education every year to over 18000 students from all over the country. It offers 70 undergraduate-level degrees and 19 graduate-level degrees, with 71 areas of specializations. The mission of the UPR-RP and its deanships and schools together is to foster an integrated education, promote intellectual curiosity and critical thinking, and embrace ethics, aesthetic values, social awareness and responsibility among students, faculty and alumni (<http://www.uprrp.edu/>).

2. In 2009, the Psychology Department faculty at UPR-RP, specifically professors Guillermo Bernal and Dolores Miranda, and student Jhenny Zhen, presented a proposal to activate a Psi Chi Chapter at our campus. In August 2010, our Chapter was officially approved and celebrated the first members' installation ceremony on March 4th, 2011.

3. The founding Chapter advisor was Professor Guillermo Bernal and first president was Nicole Ryan-Nolla. Dr. Cruz-Bermúdez became the Advisor in 2017 and the Chapter's current President is Ms. Daniela Talavera-Pagán. Since 2011, the Chapter has offered dozens of activities, and posts its reports and photos on social media (<http://psichiuprrp.weebly.com/>; <https://www.facebook.com/psichiuprrp/>; https://www.instagram.com/psichi_uprrp/).

Figure 5. Introduction ceremony at UPR-RP Psi Chi Chapter, 2018

4. In the spring of 2019, our Psi Chi Chapter celebrated its 9th anniversary. The 2018—2019 Chapter directorate designed several activities with three particular goals in mind.

A. It is important to offer opportunities that *positively contribute to members' professional development*. Because of this, on Sep. 19, 2018, we offered the seminar *Road to graduate*

school, in which Professor Cruz-Bermúdez presented tips to prepare successful graduate school applications. Also, on Dec. 5, 2019, we offered a mini symposium *Sub-Disciplines within Psychology*, in which academicians from different psychology areas (e.g., clinical, social, industrial, school) exposed particulars about their scopes. Lastly, on Feb. 27, 2019, we provided the *Curriculum Vitae Workshop*, through which Dr. Karinette Rivera provided useful details on how to create and keep a professional, updated CV.

B. In our Chapter, we *strive to create mental health-related educational workshops and activities*. Social Community Psychology Professor, Dr. Yovanka Bultrón, provided two essential activities for our members: *Microaggression Workshop* (Oct. 1, 2018), as well as *Psychological First Aid Training* focusing on panic and anxiety attacks. President Daniela Talavera is one of the three organizers of the first *Mental Health Festival* that will be held on April, 2019. This activity, first of its kind in the history of the UPR-RP will be open for the community and we expect to have over 30 mental health related entities to provide information about their services, along with ongoing workshops during the day. Other activities already confirmed for the semester are: *Mental Health and the LGBTTIQ+ Community Workshop*, by Dr. Teresa Gracia, *Sexual Aggression Workshop* by the ERAAS Program, *Clinical Psychology Workshop* by Dr. Amaryllis Muñoz and *Methods of Relaxation Training* by Dr. Yovanka Bultrón.

C. We also value to *contribute to society through volunteer work*. Last semester, we participated in two activities that involved donating toys for underprivileged children in Puerto Rico as well as around the world. In the *Build a Box* activity, members decorated a shoebox and filled it with toys that were later sent to an organization that distributes those boxes around the world. The other activity was gathering donated toys and clothing for an underprivileged community in Puerto Rico.

5. For the future, the Psi Chi Chapter at UPR-RP would love to collaborate to implement an international student exchange program as well as a research symposium, where students from multiple Chapters all over the world have an opportunity to present their research and interchange ideas.

Psi Chi at the University of British Columbia (UBC), Canada

(by Andrew M. Rivers, Ph.D.)

1. The Psi Chi Chapter at the University of British Columbia (UBC) is located in Vancouver, Canada. The University of British Columbia is one of the top universities in Canada. The psychology programme specifically, consistently ranks among the top 10 programs and, for 2018 and 2019, was ranked as the topmost university for psychology studies by Macleans (<https://www.macleans.ca/schools/university-of-british-columbia/>).

2. The Psi Chi Chapter was started on November 23, 2011, as the second existing Psi Chi affiliated program in the country (after the nearby Chapter at University of Victoria) (<https://psichi.psych.ubc.ca/>; <https://www.facebook.com/psichiUBC/>). To date, our Chapter has inducted more than 500 members.

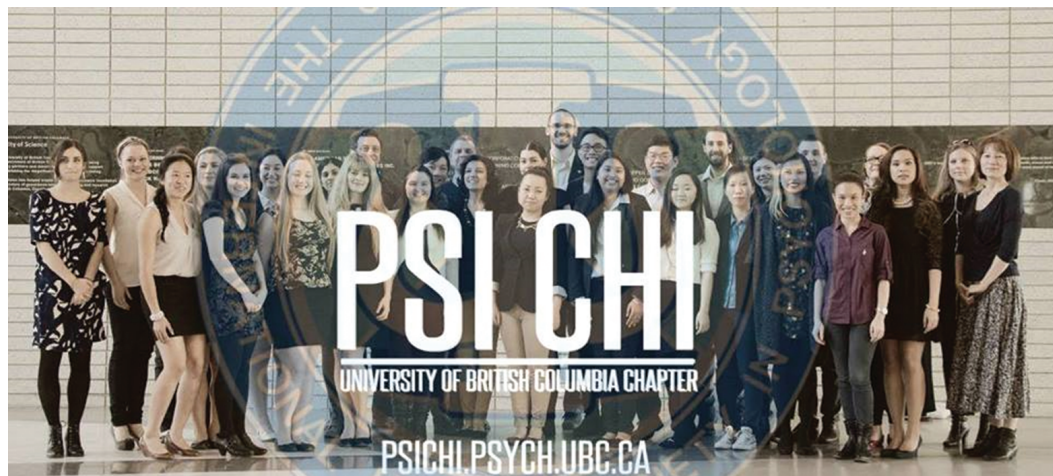

Figure 6. 2016 UBC Psi Chi Inductees

3. The founding chapter Faculty Advisor was Professor Michael Souza and first President was Kaitlyn Goldsmith.

4. The UBC Chapter of Psi Chi has sought to support the scientific development of its members. To this end, our Chapter has established four different research awards. Across all of these awards, UBC Psi Chi has awarded more than \$12000 in funds to support student research. Prior to a department-wide *Psychology Undergraduate Research Conference (PURC)*, Psi Chi organizes a practice session where students can rehearse their presentations for their conference talks and poster discussions. Outside UBC Psi Chi's support for student research, the Chapter also organizes a yearly trip for high school (secondary) students in the greater Vancouver area to visit the Psychology Department. This year, 50 high school students attended for an evening discussion of the undergraduate psychology programme at UBC and were able to tour four active psychology research labs.

5. Psi Chi at UBC is now developing events to support student employment following their undergraduate studies. To this end, the UBC Psi Chi Chapter is organizing our first careers event for psychology majors. At this event, students will have the opportunity to hear from and network with local businesses and organizations that hire students who have graduated with a psychology degree.

Psi Chi at University of the Valley of Guatemala (UVG), Guatemala

(by María del Pilar Grazioso, Ph.D. & Marínés Mejía)

1. The University of the Valley of Guatemala (UVG) is located in Guatemala City (<http://uvg.edu.gt>). It was formed in 1966 due to the need of promoting the learning of pure sciences. Its focus has evolved through time and now it is one of the top leading universities focused on science and technology. The mission of the university is to develop change agents that are capable of creating an impact in society through their educational experiences and research based in science and technology. UVG has seven core values: ethics, academic excellence, responsibility, respect, critical thinking, compromise and innovation and entrepreneurship. It has two external campuses: University of the Valley of Guatemala South Campus located in Santa Lucía Cotzumalguapa, Escuintla and Atiplano Campus of University of the Valley in Sololá (<http://www.campussur.uvg.edu.gt/>; <http://altiplano.uvg.edu.gt/>). These campuses offer relevant academic and extension programs to the region (<http://uvg.edu.gt>; <https://www.youtube.com/watch?v=xo2lsDKtiw4>). Lastly, UVG obtained the first place in the QS 2019 ranking for Guatemala and the private universities in Central America.

2. UVG was the first university in Latin America to install a Psi Chi Chapter, in the year 2012 after two years of preparation. For the past six years there have been four different inductions, accounting for more than 40 Psi Chi members (Figure 7).

Figure 7. 5th Anniversary of the Latest Psi Chi Chapter in Guatemala on July 20, 2018

3. Founding Chapter Faculty Advisor was Professor María del Pilar Grazioso and first President was Wendy Acevedo who led the development of the Chapter helped by UVG graduates Meri Lubina and María Andrée Maegli. Dr. Grazioso continues to be the Faculty Advisor and current President is Marvin Chávez.

4. Throughout these years the Guatemalan Chapter has been active in engaging in international collaboration with Psi Chi board as well as with other Chapters in the US and Russia. In addition, it has served to disseminate information to other countries in Latin America so that other Chapters can begin.

During all these years, Psi Chi has committed to several areas:

- expanding healing processes with people involved in disasters (Figure 8);
- community volunteer activities;
- promoting suicide prevention;
- academically, a psychological newsletter was created with the purpose of educating the faculty and students about mental health issues;
- creating new therapy spaces as was the play therapy space in the community clinics (CIPA);
- submitting publications in the *Eye on Psi Chi* magazine;
- developing informative videos to disseminate in Spanish what Psi Chi is;
- attending congresses and presenting research material created by students.

Figure 8. Psi Chi Chapter Staff Working with Those Affected by Natural Disasters

5. For the future, the Guatemalan Chapter is committed to increase and expand international collaborations with Central America, the Caribbean, and other university Chapters in other regions of the world. Expand the outreach and membership of the Chapter in Guatemala. Another plan is to participate in conferences and congresses not only as attendees but as professionals. Lastly, it is also a plan to earn grants to expand the field of Psychology in Guatemala.

6. UVG Chapter can host international encounters and facilitate the traveling exchange in our beautiful country. Guatemala can be a wonderful setting for international encounters due to the fact that it is rich in culture, flora and fauna that can enrich the experience. The chapter has the goal of doing this to move forward towards obtaining funding.

Psi Chi at The University of the West Indies, St. Augustine Campus, Trinidad and Tobago

(by Diana Williams, Grace Sooknanan & Alicia Hosein)

1. The University of the West Indies (UWI), St. Augustine Campus is located in one of the Caribbean's most rapidly developing island states, Trinidad and Tobago, 15 km away from the capital. The campus was formed in 1960, twelve years after The UWI was first founded in Jamaica. Together with its sister campuses (i.e., Cave Hill, Mona and the Open Campus), The UWI St. Augustine serves 17 countries of the Commonwealth Caribbean, has faculty and students from more than 40 countries, and has collaborative links with over 160 universities globally. With its focus on research and innovation, fully accredited programmes across seven faculties, and a cosmopolitan campus community, The UWI St. Augustine is a true representation of an innovative, internationally competitive, contemporary university deeply rooted in the Caribbean.

2. On March 21st 2013, the ANSA McAL Psychological Research Centre¹, in collaboration with the Department of Behavioural Sciences (DBS)², hosted the Installation and Inaugural Induction Ceremony of the UWI St. Augustine Campus Psi Chi Chapter (Figure 9). A total of 40 undergraduate, postgraduate, and alumni members were inducted at this historic ceremony (https://sta.uwi.edu/uwitoday/archive/june_2013/article14.asp).

At the time, The UWI, St. Augustine was one of a select number of higher education institutions to have gained entry into the Society, not to mention the sole university to have done so within the Caribbean. The introduction of the Chapter to the campus was spurred largely by recognition of the continued growth of the discipline of Psychology at the campus, as well as The UWI's identification of internationalisation as a major objective in enhancing the university's reach and impact. The ANSA McAL Psychological Research Centre is extremely grateful to Professor Jason Young who as Psi Chi President encouraged the establishment of the St. Augustine Campus.

3. The founding Chapter Faculty Advisor, Co-Advisor, and President were Professor Derek Chadee, Head of the DBS, Dr. Jannel Phillip, faculty member of the Department's Psychology Unit, and Ms. Nikita Ng Ying, respectively. Professor Chadee has since maintained his role as Faculty Advisor, while Dr. Heather Hollingsworth, also a faculty member of the Psychology Unit, currently serves as the faculty Co-Advisor in place of Dr. Phillip.

¹ The ANSA McAL Psychological Research Centre is a research unit at The UWI, St. Augustine, which has played a core role in the growth of Psychology at the University.

² The Department of the Behavioural Sciences is a multidisciplinary department (housing the Psychology, Sociology, Social Work, Criminology, and Mediation Units) at The UWI, St. Augustine.

Figure 9. The UWI St. Augustine Campus Psi Chi Chapter Installation Ceremony

4. Since 2013, The UWI Chapter has developed five unique activities.

A. Annual Undergraduate Student Research Conference. Since its installation at The UWI, St. Augustine, the Chapter has continued to host its Annual Undergraduate Student Research Conference. The first of its kind, this event provides final year psychology students with the opportunity to showcase their research projects in front of peers and colleagues on-campus. It also provides students with experience presenting their work in a formal setting (<https://sta.uwi.edu/news/releases/release.asp?id=1079>; <https://www.facebook.com/PsiChiUWI/>).

B. Annual Induction Ceremony. As a formal result of its membership drives, The UWI St. Augustine Campus Psi Chi Chapter hosts annual ceremonies aimed at formally welcoming new members to the Chapter.

C. Student Seminars and Workshops. In effort to further the discipline of psychology on-campus, the Chapter has staged a number of workshops since its installation. The most notable of these is its *Research Writing Workshop*, held bi-annually to equip psychology students with tips on how to conduct their own research. This workshop has continued to have a significant impact over the years, particularly among final year students undertaking their research projects. Other seminars/workshops hosted thus far include: The Peer Support Workshop (2014), Applying Art Therapy to the Context of Trinidad and Tobago (2018).

D. Psych Fair. In 2014, the Chapter hosted a fair aimed at raising awareness of psychological theories and applications through fun games and examples. This event targeted the general student population and was a resounding success.

E. One Mic Night. This event, hosted in 2013 and 2014, offered students a forum for showcasing their talents. It was held with the intention of fostering networking and camaraderie among active and potential members.

5. Future possibilities. *Cross-Cultural Virtual Conference.* The hosting of a virtual conference for students, particularly those pursuing Psychology at the undergraduate

level, could allow members of various Psi Chi Chapters to partake in activities undertaken by The UWI St. Augustine Chapter (e.g., student research conferences). This would create greater cohesion among the chapters. *Establishment of a Research Committee*. The introduction of a research committee within The UWI St. Augustine Campus Psi Chi Chapter could foster a culture of student research. This committee could increase students' understanding of the process, and raise awareness of opportunities (e.g., grants) offered by Psi Chi. *Cross-Faculty Collaborations*. Through collaboration between the chapter and other faculties, students within other disciplines can be provided with a general knowledge of psychological theories and how they may be useful/applicable in various fields. *Collaboration with "World of Work"*. World of Work (WOW) is an initiative of The UWI aimed at providing final year students with the tools necessary for their successful transition to the work environment. This entails providing a forum for receiving advice from leading experts, practicing interviewing skills, and networking with local and international recruiters. Collaboration between the Chapter and WOW could allow for the promotion of students' awareness of careers in the field of psychology, and could provide information on the necessary steps to achieve desired career paths.

Psi Chi at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia

(by Harold Takooshian, Ph.D., Valeriia S. Tarkhova,
Sayad Z. Kardashova & Yulia V. Kozhukhova)

1. The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) is located in central Moscow (<http://eng.rudn.ru/about>). The RUDN University campus is situated in southwestern Moscow in one of the beautiful and ecologically clean places of the city. The most "green" Russian university (according to the UIGreenMetric World University Ranking, 2017) is located nearby the parkland covered 50 hectares (<http://eng.rudn.ru/about/our-campus/>). RUDN University was formed in 1960 as a multicultural urban university, now with 30454 students, coming from 155 countries. It is the most international university in Russia because the proportion of international students is 30%. The annual QS survey ranks RUDN University as #446 among the world's universities (www.topuniversities.com/universities/rudn-university). Mission of RUDN University says: "Uniting people of different cultures by knowledge RUDN University creates leaders to make the World better" and one of RUDN University core values is multinationality and international cooperation (<http://eng.rudn.ru/about>).

RUDN University also publishes a peer-reviewed *Journal of Psychology and Pedagogics* (<http://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/index>), which includes articles on Psi Chi (McCormick et al., 2014; Novikova et al., 2019; Takooshian et al., 2014, etc.).

2. RUDN University was the first school in Russia to install its Psi Chi Chapter (Figure 10), on 11 October 2013 — a joyous gathering of over 120 students and faculty (www.youtube.com/watch?v=ggtDPVAPjJY). The 1000 schools in Russia today include

many outstanding schools, but RUDN University stands out in its close faculty — student rapport, which encouraged Professors Elena Chebotareva and Irina Novikova to successfully petition for a Psi Chi Chapter (Takooshian et al., 2014).

3. Founding Chapter Faculty Advisor was Professor Elena Chebotareva and first President was Valeria Tarkhova. Since 2018, Chapter Faculty Advisor is Professor Irina Novikova and President is Elina Kaminskaya.

Figure 10. Installation of the RUDN University Psi Chi Chapter in Moscow during Science Week with the Participation of Professor Harold Takooshian, on 11 October 2013

4. In the fall of 2018 Psi Chi Chapter at RUDN University had 5th anniversary (Novikova et al., 2019). Since 2013, Psi Chi at RUDN University has flourished in at least 4 ways.

A. It is an organization of the *student scientific conferences* in which hundreds of students of RUDN University and other Russian universities have the opportunity to participate, to present and publish the results of their research: on 27th of October 2013, the Moscow Psi Chi Conference gathered 40 teachers and students from different universities; from 2013—2018, the Annual Young Psychologists Conference organized by the Social and Differential Psychology Department of the RUDN University and the Psi Chi Chapter of University; on 30 October 2015, a Teleconference with the UN Psychological Coalition in New York City.

B. It is an organization of the *international competitions of students' research projects*: the International Competition of Research Projects for Young Scientists on “Psychological Well-Being in Modern Society”, 3 winners from RUDN University (October — November 2015); Petrovic Awards for the best multicultural research from Fordham University (USA), 4 winners from People’s Friendship University of Russia (November 2015); RUDN University students joined two Psi Chi international students’ research projects on “Wealth and Happiness Across the World” and “Life Values Cross-Cultural” (2015—2016); annual competition of student reports at Young Psychologists Conferences at RUDN University (2013—2018).

C. Support of *student participation in international scientific conferences, meetings, and congresses* in Russia and abroad: annual meetings of the EPA, APA, and APS (USA, 2013—2016); annual conferences of psychologists and educators organized by the Social

and Differential Psychology Department at the RUDN University, young psychologists symposium (RUDN University, 2013–2019); the first APS regional teaching workshop in Russia on “Improving the Psychology Teaching Techniques” (Higher School of Economics, 2015).

D. Support for the *scientific and professional development* of students. For the example, since 2013, two RUDN University Psi Chi Chapter members received a PhD in Psychology, eight — a MA in Psychology, ten — BA in Psychology. Five students became teachers of psychology, five — counseling psychologists.

Figure 11. Induction Ceremony at the RUDN University Psi Chi Chapter with the Participation of U.S. Professors Alfredo Ardila and Monica Rosselli, on 30 May 2019

5. A possible prospect for the development of Psi Chi Chapter at RUDN University may be international cooperation with other universities (Figure 11), Psi Chi Chapters, as well as international student exchange.

Psi Chi at HELP University, Malaysia

(by Tsee Leng Choy, Ph.D.)

1. Established in 1986, HELP University spans three campuses in Kuala Lumpur, catering to 8000 students (including 2100 international students) and 570 staff. Having pioneered psychology in Malaysia in 1999, HELP houses one of the most established and the largest undergraduate Psychology program in Asia (1300 full time students) (<https://www.help.edu.my/>).

2. Having an established regional and national reputation in psychology, HELP University was the first Asian and Malaysian university to install a Psi Chi Chapter on 26 August 2015. To date, this Chapter has inducted more than 380 members (Figure 12).

Figure 12. Induction Ceremony and Game Night (January 2019)

3. The founding Chapter Faculty Advisor was Dr. Cameron Teoh and the President was Catherine Foo. Since 2017, the Faculty Advisor is Dr. Tsee Leng Choy and the Presidents have been Ong Ray Gan (2016—2017), Andrea Chew (2017—2018) and Anne Sharmila Selvam (2018—2019).

4. Since 2015, the Chapter has (https://campayn.com/contact_list_form/signup/80506?; <https://www.facebook.com/HELPUiversityPsiChi/>):

A. Organized *workshops* to educate the students on psychology and global issues. These have ranged from APA formatting, psychological first aid and sexual harassment (Figure 13).

B. Planned *retreats* for team bonding. These popular annual retreats for networking are open to members and non-members alike, including lecturers, alumni and students.

C. Implemented *tutoring* initiatives. Since 2016, select members with strong academic grades have served as peer tutors with the Department of Psychology.

D. Formed *sharing groups, game sessions and mini competitions* for recruitment and bonding. This has progressed from posting discussion threads on Youtube and online platforms (emotion, sleep, suicide, depression) to self-organized sessions (i.e. the depression support group named “You Matter”). Debates, quiz challenges and board game sessions are also routine.

E. Planned a *proposal* to combat sexual harassment on campus and *educated* the students on proactive measures. In 2019, this initiative to raise awareness and propose a better operating procedure for sexual harassment cases within campus included Think Tank sessions, opinion boxes, education booths, talks and a self-defence class in collaboration with the Taekwondo Club and AWAM.

5. A future possibility for the HELP Chapter would be to participate in international Psi Chi conferences and to increase networking among the various Psi Chi Chapters (e.g. online networking).

Figure 13. Sexual Harassment Awareness Talk (February 2019)

Psi Chi at University of Toronto Scarborough, Canada

(by Kyle Danielson, Ph.D.)

1. The University of Toronto Scarborough (UTSC) is one of the University of Toronto's three campuses, located in Ontario, Canada (https://en.wikipedia.org/wiki/University_of_Toronto_Scarborough). Founded in 1827, the University of Toronto is the top-ranked university in Canada, and the UTSC campus hosts over 13000 students (<https://www.topuniversities.com/universities/university-toronto>).

2. UTSC's Psi Chi Chapter is the fifth in Canada and was launched in the Fall of 2017 (<https://www.utsc.utoronto.ca/projects/psichi/about-content/>). We had our first induction ceremony in March of 2018, and currently have 115 active members in our Chapter. UTSC has a focus on excellence in undergraduate education and seemed a natural fit for a new Psi Chi Chapter. So far, UTSC student Olivia Rennie (BSc, 2018) received a Psi Chi Undergraduate Research Grant for her research using a light-based method to examine the role of the ventral hippocampus in approach-avoidance behaviour (<https://utsc.utoronto.ca/news-events/undergraduate-experience/where-does-anxiety-come-u-t-student-research-focuses-understanding-mental>).

3. The Chapter was founded by Professor Michael Souza and the inaugural President was Kristen Albano. Since 2017, Professor Kyle Danielson is the Chapter Faculty Advisor. This is very new Chapter is just over one year old, and looks forward to expanding in coming years (Figure 14).

Figure 14. Inaugural Induction Ceremony for the University of Toronto Scarborough's Psi Chi Chapter in March of 2018

Psi Chi at University of Nicosia, Cyprus

(by Marios Adonis, Ph.D., Yianna Ioannou, Ph.D. & Ester Lima)

1. The University of Nicosia (UNIC) is located in Nicosia, the capital of Cyprus (<https://www.unic.ac.cy/dynamic-urban-campus/the-city-of-nicosia/>). UNIC is the largest university in Cyprus, with more than 11500 students, coming from over 70 different countries. The annual QS survey ranks UNIC as #91 between the top universities of the Emerging Europe and Central Asia Region (EECA) (<https://www.unic.ac.cy/unic-ranked-among-top-100-universities-in-the-eeca-region/>). UNIC's mission is: "To promote research and the generation of knowledge; to be of service to society through the dissemination and application of knowledge, as well as through innovative partnerships with business and civic society institutions". A core value of UNIC is integrity in a personal and academic level (<https://www.unic.ac.cy/unic-at-a-glance/the-universitys-mission/>).

2. UNIC was the first University in Cyprus to install its Psi Chi Chapter, on 31 January 2018 — a remarkable ceremony that gathered faculty members and students (Figure 15). The University of Nicosia through its committed faculty members has achieved great academic advancements, and the initiative of Professor Charles Spirrisson and Dr. Marios Adonis to bring the distinctive honor society, Psi Chi to the university illustrates it.

3. Founding Chapter Faculty Advisor was Dr. Marios Adonis and first President was Andrea Evdokimou. Chapter Faculty Advisors are Dr. Yianna Ioannou and Dr. Maria Hadjimarkou. Since September of 2018 President is Ester Lima.

Figure 15. UNIC Installs its Psi Chi Chapter in Cyprus on January 31, 2018

Figure 16. Ms. Katerina Georgaki (Director of UNIC Mentor Programme) with Dr. Yianna Ioannou (Advisor of UNIC Psi Chi Chapter) Formalizing the Partnership between Mentor Programme and Psi Chi

4. Psi Chi Chapter at UNIC had just completed its first anniversary on January of 2019. Even though the Chapter is new we have already almost double the number of members and partnered with the psychology society of the university in their Christmas toy collection, and with the UNIC mentor program that provides assistance to primary school students (Figure 16).

5. For the future, Psi Chi Chapter at UNIC is looking forward to develop research projects with its members, and to foster the team spirit between its members through the development of social initiatives that benefit the society.

Wishes to Psi Chi (anonymous, in a random order)

As a wish, we would like Psi Chi:

— to create or fine-tune a structure that could serve better to link all international chapters, including ways to report international chapters' activities. This in turn could potentially maximize networking at regional conferences, or facilitate outreach to other universities that currently do not have a Psi Chi chapter;

— to consider improving and developing new avenues for the exchange of experiences and knowledge between chapters;

— more activities such as conferences outside the USA for better access to international chapters;

— to consider introducing alternative requirements for membership entry other than the Cumulative Grade Point Average Grade, and exploring means to deal with extremely passive members who do not contribute (e.g. merit point based system). This may also aid in determining the allocation of grants and scholarships;

— to increase support for cross-chapter collaboration. The provision of support, particularly through funding, for cross-chapter activities (e.g., student exchanges, conferences, etc.) could strengthen relationships among chapters;

— to increase accessibility of research grants. Extending grant opportunities to alumni members, rather than solely active members, could prove beneficial;

— to create a structure to better link its international chapters, so these can better network at regional conferences, or outreach to local schools with no Psi Chi chapter;

— to establish travel grant for international members so they can visit Psi Chi activities at the USA.

In conclusion, we would like to wish the Psi Chi further development and improvement of the knowledge and experience exchange between all chapters!

References

- McCormick, M.A., Takooshian, H., Denmark, F.L., del Pilar Grazioso, M., Velayo, R.S., Wang, A.Y., & Zlokovich, M.S. (2014). Building Bridges: Psi Chi and International Psychology. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (4), 5–16. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2014-4-5-16>
- Novikova, I.A., Tarkhova, V.S., Kardashova, S.Z., & Kharitonenko, A.A. (2019). First and Only Russian Psi Chi Chapter: 5 years at the RUDN University! *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(1), 101–109. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-1-101-109>
- Takooshian, H., Novikova, I.A., & Chebotareva, E.Y. (2014). Psi Chi at PFUR: First Russian Chapter of the International Honor Society in Psychology. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 118–123. (In Russ.)

Article history:

Received: 20 April 2019

Revised: 15 May 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Takooshian, H., Nieves-Lebrón, Ya., Delgado-Acosta, B.M., Talavera Pagán, D., Cruz-Bermúdez, N.D., Rivers, A.M., del Pilar Grazioso, M., Mejía, M., Williams, D., Sooknanan, G.,

Hosein, A., Tarkhova, V.S., Kardashova, S.Z., Kozhukhova, Yu.V., Tsee Leng Choy, Danielson, K., Adonis, M., Ioannou, Y., Lima, E. (2019). Psi Chi in Global World: Vision of 9 International Chapters. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 245–269. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-245-269>

Bio Notes:

Harold Takooshian, Ph.D., is Professor of Psychology, Urban Studies, and Organizational Leadership at Fordham University (USA, New York). He is Past-President of the APA Division of International Psychology (2003), and Past Officer and President of Psi Chi from 1993–2000. He was elected a Distinguished Member of Psi Beta and Psi Chi. Like thousands of others, he is deeply grateful to Psi Chi for its many impacts on his life. E-mail: takoosh@aol.com

Yarielizmar Nieves-Lebrón, a 5th-year undergraduate student of the Psychology Department of the University of Puerto Rico, Mayaguez Campus (Mayaguez, Puerto Rico). Psi Chi member since 2017. Historian of Psi Chi Chapter UPRM since 2018. E-mail: yarielizmar.nieves@upr.edu

Bernadette Delgado-Acosta, Ph.D. School Psychology, Texas A&M University (1995); M.S. School Psychology, Texas A&M University (1993). Professor at the University of Puerto Rico, Mayaguez Campus (Mayaguez, Puerto Rico). The Faculty Advisor of Psi Chi Chapter UPRM since 2008 to the present. E-mail: bernadette.delgado@upr.edu

Daniela Talavera Pagán, senior psychology undergraduate student and President of the Psi Chi Chapter at the University of Puerto Rico, Río Piedras Campus (Río Piedras, Puerto Rico). E-mail: daniela.talavera@upr.edu

Nelson D. Cruz-Bermúdez, Ph.D. in Neuroscience, Professor of Psychology and Mentor of the Psi Chi Chapter at the University of Puerto Rico, Río Piedras Campus (Río Piedras, Puerto Rico). E-mail: nelson.cruz6@upr.edu

Andrew M. Rivers, Ph.D. in Psychology, Lecturer, Department of Psychology, University of British Columbia (Vancouver, Canada). Faculty Advisor of the Psi Chi Chapter at UBC. E-mail: amrivers@psych.ubc.ca

María del Pilar Grazioso, Ph.D. in Psychology, Professor of Psychology and Faculty Advisor of the IV Psi Chi Chapter at the University of the Valley of Guatemala since 2012 (Guatemala, Guatemala). E-mail: mpgrazioso@gmail.com

Marinés Mejía, psychology undergraduate student and Secretary of the IV Psi Chi Chapter at the University of the Valley of Guatemala (Guatemala, Guatemala). E-mail: mej15198@uvg.edu.gt

Diana Williams, postgraduate student in Psychology at the Department of Behavioural Sciences of The University of the West Indies (UWI), St. Augustine Campus (Trinidad and Tobago, West Indies). Psi Chi member since 2018. Treasurer of the UWI St. Augustine Chapter since 2018. E-mail: diana.williams@sta.uwi.edu

Grace Sooknanan, B.Sc. Psychology (Hons.), M.Sc. Clinical Psychology (Distinction). Research Assistant for the INTREPID II project under the Psychiatry Unit of The University of the West Indies (UWI), St. Augustine Campus (Trinidad and Tobago, West Indies). One of the initial Psi Chi members inducted in 2013. Past President of the UWI St. Augustine Chapter 2017 to 2018. E-mail: grace_sooknanan@hotmail.com

Alicia Hosein, B.Sc. in Psychology, Research Assistant at ANSA McAL Psychological Research Centre, Department of Behavioural Sciences, Faculty of Social Sciences, University of the West Indies (UWI), St. Augustine Campus (Trinidad and Tobago, West Indies). Psi Chi member since 2018. E-mail: aliciafhosein@gmail.com

Valeriia S. Tarkhova, Master of Psychology, Lecturer at Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, Higher School of Economics (Moscow, Russia). Psi Chi member since 2013. First President of the Psi Chi Chapter at RUDN University (2013—2018). E-mail: valeria.tarhova@gmail.com

Sayad Z. Kardashova, 4th year undergraduate student of the Social and Differential Psychology Department of Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). Psi Chi member since 2017. Secretary of the Psi Chi Chapter at RUDN University since 2018. E-mail: sayadkardashova@gmail.com

Yulia V. Kozhukhova, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages of the Faculty of Physics, Mathematics and Natural Science of the Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia). E-mail: kozhukhova_yuv@pfur.ru

Tsee Leng Choy, Ph.D., is Professor of Psychology and Faculty Advisor of the Psi Chi Chapter at the HELP University since 2017 (Kuala Lumpur, Malaysia). E-mail: choy.tl@help.edu.my

Kyle Danielson, Ph.D. in Psychology, Assistant Professor, Teaching Stream in the Department of Psychology, University of Toronto (Toronto, Canada). Faculty Advisor, The University of British Columbia Psi Chi Chapter 2016—2017; University of Toronto Scarborough Psi Chi Chapter 2017 — present. E-mail: k.danielson@utoronto.ca

Marios N. Adonis, Ph.D. in Clinical Health Psychology. Associated Professor of Clinical Psychology and Department Chair at the University of Nicosia (Nicosia, Cyprus). E-mail: adonis.m@unic.ac.cy

Yianna Ioannou, Ph.D. in Clinical Psychology, Lecturer of Clinical Psychology and Coordinator of the MSc Program in Clinical Psychology at the University of Nicosia (Nicosia, Cyprus). E-mail: Ioannou.yi@unic.ac.cy

Ester Lima, 4th year undergraduate student of Psychology at the Department of Social Sciences, University of Nicosia (Nicosia, Cyprus). Psi Chi member since 2018. President of the Psi Chi Chapter at the University of Nicosia. E-mail: ester.ralima@hotmail.com

Psi Chi в глобальном мире: взгляд 9 международных отделений

Г. Такушьян¹, Я. Ньевес-Леброн², Б.М. Дельгадо-Акоста²,
Д. Талавера Паган³, Н.Д. Крус-Бермудес³, Э.М. Риверс⁴,
М. дель Пилар Грациозо⁵, М. Мехия⁵, Д. Уильямс⁶, Г. Сукнана⁶,
А. Хосейн⁶, В.С. Тархова⁷, С.З. Кардашова⁸, Ю.В. Кожухова⁸,
Ци Ленг Чой⁹, К. Дениэлсон¹⁰, М. Адонис¹¹,
Я. Иоанну¹¹, Э. Лима¹¹

¹ Университет Фордхэм

Соединенные Штаты Америки, 10023, Нью-Йорк, 113 W. 60th St.

² Университет Пуэрто-Рико в Маягуэс

Пуэрто-Рико, 00681-9000, Маягуэс, PO Box 9000

³ Университет Пуэрто-Рико в Рио Пьедрас

Пуэрто-Рико, 00925, Сан-Хуан, 9 Ave. Universidad, Suite 901

⁴ Университет Британской Колумбии

Канада, V6T 1Z4, Ванкувер, West Mall, 2136

⁵ Университет Валье де Гватемала

Гватемала, 01015, Гватемала, зона 15, Виста Эрмоса III, 18 Ave., 11–95

⁶ Университет Вест-Индии

Вест-Индия, Тринидад и Тобаго, Кампус Св. Августина

⁷ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

⁸ Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

⁹ Университет HELP

*Малайзия, 50490, Куала-Лумпур, Букит Дамансара, Jalan Sri Semantan 1,
Off Jalan Semantan*

¹⁰ Университет Торонто в Скарборо

Канада, ON M1C 1A4, Торонто, Military Trail, 1265

¹¹ Университет Никосии

Кипр, CY-241, Никосия, Makedonitissas Ave., 46

С тех пор как в 2009 году Psi Chi стало Международным психологическим обществом почета, выдающиеся преподаватели и студенты из многих стран вступили в семью Psi Chi, которая в настоящее время насчитывает более 750 000 человек, работающих и обучающихся в 1130 учебных заведениях на шести континентах. Меняет ли принадлежность к Psi Chi жизнь людей в глобальном мире, как это происходит в США, начиная с 1929 года? Впервые в этой статье пионеры Psi Chi из девяти международных отделений рассказывают о собственном опыте работы в организации.

Ключевые слова: Psi Chi; Международное психологическое общество почета; международная психология; иностранные студенты; межкультурное взаимодействие

История статьи:

Поступила в редакцию: 20 апреля 2019

Принята к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Takooshian H., Nieves-Lebrón Ya., Delgado-Acosta B.M., Talavera Pagán D., Cruz-Bermúdez N.D., Rivers A.M., del Pilar Grazioso M., Mejía M., Williams D., Sooknanan G., Hosein A., Tarkhova V.S., Kardashova S.Z., Kozhukhova Yu.V., Tsee Leng Choy, Danielson K., Adonis M., Ioannou Y., Lima E. Psi Chi in Global World: Vision of 9 International Chapters (Psi Chi в глобальном мире: взгляд 9 международных отделений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 245—269. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-245-269>

Сведения об авторах:

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии, урбанистики и организационного лидерства в Университете Фордхэм (США, Нью-Йорк). Был президентом отделения международной психологии Американской психологической ассоциации (2003 г.), а также офицером и президентом Psi Chi (1993—2000 гг.). Избран заслуженным членом Psi Beta и Psi Chi. Как и тысячи других, он глубоко благодарен Psi Chi за сильное влияние на его жизнь. E-mail: takoosh@aol.com

Ньевес-Леброн Яриелизмар, студентка 5-го курса департамента психологии Университета Пуэрто-Рико (Маягуэс, Пуэрто-Рико). Член Международного психологического общества почета Psi Chi с 2017 г. Историк отделения Psi Chi в Университете Пуэрто-Рико (Маягуэс) с 2018 г. E-mail: yarielizmar.nieves@upr.edu

Дельгадо-Акоста Бернадетт, Ph.D., профессор Университета Пуэрто-Рико (Маягуэс, Пуэрто-Рико). Получила степень магистра наук в области психологии обучения в 1993 г. и степень доктора наук в области психологии обучения в 1995 г. (Техасский университет A&M). Советник отделения Psi Chi в Университете Пуэрто-Рико (Маягуэс) с 2008 г. E-mail: bernadette.delgado@upr.edu

Талавера Паган Даниэла, магистрант в области психологии и президент отделения Psi Chi в Университете Пуэрто-Рико, кампус в Рио-Пьедрас (Рио-Пьедрас, Пуэрто-Рико). E-mail: daniela.talavera@upr.edu

Крус-Бермудес Нельсон Д., Ph.D. в области нейронаук, профессор психологии и руководитель отделения Psi Chi в Университете Пуэрто-Рико, кампус в Рио-Пьедрас (Рио-Пьедрас, Пуэрто-Рико). E-mail: nelson.cruz@upr.edu

Риверс Эндрю М., Ph.D. в области психологии, преподаватель департамента психологии Университета Британской Колумбии (Ванкувер, Канада). Советник отделения Psi Chi в Университете Британской Колумбии. E-mail: amrivers@psych.ubc.ca

Дель Пилар Грациозо Мария, Ph.D. в области психологии, профессор психологии и советник IV отделения Psi Chi в Университете Валье де Гватемала с 2012 г. (Гватемала, Гватемала). E-mail: mpgrazioso@gmail.com

Мехия Маринес, студент направления «Психология» и секретарь IV отделения Psi Chi в Университете Валье де Гватемала (Гватемала, Гватемала). E-mail: mej15198@uvg.edu.gt

Уильямс Диана, аспирант в области психологии, департамент поведенческих наук, Университет Вест-Индии, Кампус Св. Августина (Тринадад и Тобаго, Вест-Индия). Член Международного психологического общества почета Psi Chi с 2018 г. Глава финансового

отдела отделения Psi Chi в Университете Вест-Индии (Кампус Св. Августина) с 2018 г. E-mail: diana.williams@sta.uwi.edu

Сукннанн Грейс, бакалавр психологии, магистр клинической психологии. Научный сотрудник по проекту INTREPID II в отделении психиатрии Университета Вест-Индии, Кампус Св. Августина (Тринадад и Тобаго, Вест-Индия). Один из первых членов Международного психологического общества Psi Chi с 2013 г. Экс-президент отделения Psi Chi в Университете Вест-Индии (Кампус Св. Августина) (2017–2018). E-mail: grace_sooknanan@hotmail.com

Хосейн Алисия, бакалавр психологии, научный сотрудник Центра психологических исследований ANSA McAL, департамент поведенческих наук, факультет социальных наук, Университет Вест-Индии, Кампус Св. Августина (Тринадад и Тобаго, Вест-Индия). Член Международного психологического общества почета Psi Chi с 2018 г. E-mail: aliciafhosein@gmail.com

Тархова Валерия Сергеевна, магистр психологии, преподаватель департамента психологии факультета социальных наук Высшей школы экономики (Москва, Россия). Член Международного психологического общества почета Psi Chi с 2013 г. Первый Президент отделения Psi Chi в Российском университете дружбы народов (2013–2018). E-mail: valeria.tarhova@gmail.com

Кардашова Саяд Зауровна, студентка 4-го курса кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов (РУДН) (Москва, Россия). Член Международного психологического общества почета Psi Chi с 2017 г. Секретарь отделения Psi Chi в РУДН с 2018 г. E-mail: sayadkardashova@gmail.com

Кожухова Юлия Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета физико-математических и естественных наук Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: kozhukhova_yuv@pfur.ru

Чи Ленг Чой, Ph.D., профессор психологии и советник отделения Psi Chi в Университете HELP с 2017 г. (Куала-Лумпур, Малайзия). E-mail: choyt.l@help.edu.my

Дениэлсон Кайл, доктор психологических наук, доцент, преподаватель кафедры психологии Университета Торонто (Торонто, Канада). Экс-советник отделения Psi Chi в Университете Британской Колумбии (2016–2017). Советник отделения Psi Chi в Университете Торонто в Скарборо с 2017 г. E-mail: k.danielson@utoronto.ca

Адонис Мариос Н., Ph.D. в области клинической психологии и психологии здоровья, доцент, заведующий кафедрой клинической психологии Университета Никосии (Никосия, Кипр). E-mail: adonis.@unic.ac.cy

Иоанну Янна, Ph.D. в области клинической психологии, преподаватель клинической психологии и координатор магистерской программы по клинической психологии Университета Никосии (Никосия, Кипр). E-mail: ioannou.yi@unic.ac.cy

Лима Эстер, студентка 4-го курса департамента социальных наук Университета Никосии (Никосия, Кипр). Член Международного психологического общества почета Psi Chi с 2018 г. Президент отделения Psi Chi в Университете Никосии с 2018 г. E-mail: ester.ralima@hotmail.com

Review article

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-270-274

UDC 159.99

Psi Chi: 10 Years of International Opportunities for Psychology Students and Researchers

Leslie D. Cramblet Alvarez¹, Melanie M. Domenech Rodríguez²,
Martha S. Zlokovich³

¹ Adams State University

208 Edgemont Blvd, Alamosa, Colorado, 81102, United States of America

² Utah State University

2810 Old Main Hill, Logan UT, 84322-2810, United States of America

³ Psi Chi, the International Honor Society in Psychology

651 E. 4th St., Suite 600, Chattanooga, TN, 37403, United States of America

As the current Chair of Psi Chi's International Advisory Committee (IAC), President of the Board of Directors, and the Executive Director of Psi Chi, we are excited to celebrate the 10th anniversary of the internationalization of this organization and to have the opportunity to help shape its future globally. Although Psi Chi has had an international flavor since its beginning, having been founded at the 9th International Congress of Psychology in 1929, the organization has been especially focused on international connections over the last 15 years.

The Board formed a Promotional/International Committee in 1992, and that transformed into the International Task Force, International Committee, and International Advisory Board before finally becoming the IAC by 2011. That year the IAC set a vision for the future: Psi Chi will become recognized globally as a premier international honor society, and the premier international honor society in psychology. Expansion of Psi Chi chapters and opportunities to universities across the world will support the Society's purpose "*to encourage, stimulate, and maintain excellence in scholarship of the individual members in all fields, particularly in psychology, and to advance the science of psychology*".

At the same time, the IAC set goals for Psi Chi's international growth, which aimed to increase Psi Chi's visibility and membership worldwide, develop international opportunities for members, and cultivate relationships among current and alumni Psi Chi members across the globe. A particularly excellent example of one of those goals coming to fruition is the Network for International Collaborative Exchange (NICE) (<https://osf.io/juupx/>).

© Cramblet Alvarez L.D., Domenech Rodríguez M.M., Zlokovich M.S., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Executive Director, Martha Zlokovich conceived this initiative in 2016. She, Research Director John Edlund, Diversity Director Susy Gallor, Journal Editor Debi Brannan, and then-President Jon Grahe collaborated to develop the idea further. In February of 2017 the Research Advisory Committee (RAC) took ownership of developing the details and named the initiative NICE. RAC members Rick Miller, Susy Gallor, and Jon Grahe co-chaired a subcommittee of the RAC, formed to bring the initiative to fruition. They extended an international call to potential collaborators — 109 responded, mostly from the U.S., but also one person each from China, Italy, Mexico, and Nigeria. They invited all 109 researchers to apply for NICE Committee Chair. John Edlund, Susy Gallor, Jon Grahe, and Martha Zlokovich selected graduate student Kelly Cuccolo and Jon Grahe agreed to serve as mentor. Kelly, Jon, and Martha attended APA convention August 2017 to launch NICE during a Psi Chi session in the Division 52 (International Psychology) suite program.

By that time NICE had grown into an initiative leveraging the power of crowdsourcing research and the technological advances that have accompanied the open science movement. Specifically, we use the Open Science Framework (OSF) as the platform for international collaboration. NICE offers two components, *NICE: Crowd* and *NICE: Connect*, both of which are unique examples of collaborative initiatives in an increasingly global world. *Crowd* is a crowdsourcing opportunity, currently completing the first approved research proposal, *Understanding Family Dynamics in a Cross-Cultural Sample* proposed by Mary Moussa Rogers and Cliff McKinney of Mississippi State University (<https://osf.io/qba7v/>). Contributors follow a prescribed protocol collecting data from their home institutions, with the ultimate goal of achieving a diverse, international sample. Twenty-six contributors from seven countries (China, Iran, Nigeria, Switzerland, Turkey, United Kingdom, and United States) and one U.S. territory (Guam) have obtained data from over 4200 respondents so far (closing June 30, 2019).

The second component, *NICE: Connect*, aims to facilitate the growth of a community of cross-cultural researchers. Using the OSF StudySwap as a platform, researchers build collaborative relationships with others interested in cross-cultural study. Not only do these components facilitate international collaborations, but they also advance Psi Chi's Vision 2020 goal of encouraging members in scholarly pursuits.

Over the 10 years since Psi Chi became an international organization, Martha Zlokovich has worked with university faculty across the world, encouraging them to apply for a chapter (local university student and faculty group) and helping them to complete the online process. Today Psi Chi has 23 chapters outside the U.S. in 12 countries and 3 U.S. territories — including one in Russian Federation (RUDN University). Like NICE, this process has been one of mutual influence. Learning about how psychology is taught in other countries, for example, has resulted in changes to Psi Chi's requirements for a chartering chapter, conference presentation collaborations involving U.S. and international chapter faculty, and opportunities for U.S. and international chapter members to “meet” one another via online platforms.

The IAC is looking to next steps in continuing to enhance international research collaborations and cultural exchanges. We are currently working to support international travel for faculty and student exchanges between our chapters. In an increasingly global world, it is important study not just cultural differences and similarities, but also to expand

our understanding by experiencing them first-hand. Moreover, the APA guidelines for the undergraduate major recommend that students “adopt values that build community at local, national, and global levels” (APA, 2013). Travel provides students with an international perspective and assists in the development of empathy and acceptance of difference (Yuksul & Nascimento, 2018).

Making travel more accessible through partnerships both domestically, and with our ever-growing network of chapters internationally, is one way we hope to see Psi Chi grow its international presence. A short-term goal in this area is to provide a clearinghouse via the Psi Chi website to connect students with programs open to them at other schools. For faculty members at a school that does not have a study abroad program, it would very helpful to have a place to connect their students to travel opportunities available through other universities. Supporting international travel, perhaps also through cross-institutional Psi Chi chapter connections, is a topic the Board will discuss at this summer’s meeting.

Research and scholarship in psychology has been fairly criticized for being WEIRD (Western, Educated, Industrialized, Rich, Democratic) (Henrich, Heine, & Norenzayan, 2010). Psi Chi is an organization whose primary mission is to advance scholarship in psychology. As such, Psi Chi is well positioned to build a community of scholars that is truly global. In doing so, we have the opportunity to transform our members and the field of psychology. We are excited to celebrate the milestone of ten years as an international organization and we look forward to the opportunities ahead.

References

- American Psychological Association. (2013). *APA guidelines for the undergraduate psychology major: Version 2.0*. Washington, DC: Author. Retrieved from: <http://www.apa.org/ed/precollege/about/psymajor-guidelines.pdf>
- Henrich, J., Heine, S.J., & Norenzayan, A. (2010). The weirdest people in the world? *Behavioral and Brain Sciences*, 33, 61—83. <https://doi.org/10.1017/S0140525X0999152X>
- Yuksul, P., & Nascimento, F. (2018). Breaking barriers: Developing faculty-led international trips for underserved students. *Scholarship of Teaching and Learning in Psychology*, 4(3), 189—197. <http://dx.doi.org/10.1037/stl0000120>

Article history:

Received: 5 May 2019

Revised: 7 May 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Cramblet Alvarez, L.D., Domenech Rodríguez, M.M., & Zlokovich, M.S. (2019). Psi Chi: 10 Years of International Opportunities for Psychology Students and Researchers. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 270—274. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-270-274>

Bio Notes:

Leslie D. Cramblet Alvarez, Ph.D., is a Professor of Psychology and the Founding Director of the Center for Teaching, Innovation, & Research at Adams State University in Alamosa, Colorado (Alamosa, Colorado, USA). She served as a Faculty Advisor for Psi Chi at Northern Arizona

University and chartered the Adams State Chapter where she has been the Faculty Advisor for 12 years. She is currently the Psi Chi Vice-President for the Rocky Mountain Region and the Chair of the International Advisory Committee. E-mail: lcramblet@adams.edu

Melanie M. Domenech Rodriguez, Ph.D., is a Professor of Psychology at Utah State University (Logan, USA). Her research, teaching, consultation, and clinical activities are focused on advancing diversity and inclusion broadly. Her research focuses on cultural competence, cultural adaptations of evidence-based interventions, and parenting training in Latinx families. Dr. Domenech Rodriguez served as Faculty Advisor for the Utah State University Chapter of Psi Chi (2002—2015), Rocky Mountain Regional Vice-President (2005—2009), Editor of *Psi Chi Journal of Psychological Research* (2012—2016), and President of the Board of Directors (2018—2019). E-mail: Melanie.Domenech@usu.edu

Martha S. Zlokovich, Ph.D., is Executive Director (ED) of Psi Chi, the International Honor Society in Psychology (Chattanooga, USA). Before her current position as ED, she was Professor of Psychology and Psychology Department Chair at Southeast Missouri State University. She is a Developmental Psychologist whose research focuses on adolescent and emerging adult sexuality and contraception, scholarship of teaching and learning (SOTL), and college student study habits and persistence to graduation. She was Faculty Advisor of the Psi Chi Chapter at Southeast Missouri State University (1993—2008) and elected to serve on the Psi Chi Board of Directors as Midwestern Vice President (1999—2000), President-Elect, President (2003—2004), and Past President. E-mail: Martha.Zlokovich@psichi.org

Обзорная статья

Psi Chi: 10 лет международных возможностей для студентов и исследователей в области психологии

Л.Д. Крамблет Альварес¹, М.М. Доменек Родригес², М.С. Злокович³

¹ Государственный университет Адамса
Соединенные Штаты Америки, 81102, штат Колорадо, Аламоса, Edgemont Blvd, 208

² Государственный университет Юты
Соединенные Штаты Америки, 84322-2810, штат Юта, Логан, Old Main Hill, 2810

³ Psi Chi, Международное психологическое общество почета (центральный офис)
Соединенные Штаты Америки, 37403, штат Теннесси, Чаттануга, 651 E. 4th St., Suite 600

Это послание от нынешних председателя Международного консультативного комитета Psi Chi, президента совета директоров и исполнительного директора Psi Chi посвящено краткому обзору существующих и перспективных международных возможностей этой организации накануне десятилетия ее интернационализации.

История статьи:

Поступила в редакцию: 5 мая 2019

Принята к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Cramblet Alvarez L.D., Domenech Rodriguez M.M., Zlokovich M.S. Psi Chi: 10 Years of International Opportunities for Psychology Students and Researchers (Psi Chi: 10 лет международных возможностей для студентов и исследователей в области психологии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 270—274. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-270-274>

Сведения об авторах:

Крамблет Альварес Лесли Д., Ph.D., профессор психологии и директор-основатель Центра обучения, инноваций и исследований в Государственном университете Адамса (Аламоса, Колорадо, США). Была советником отделений Psi Chi в Университете Северной Аризоны и Государственном университете Адамса. В настоящее время является вице-президентом Psi Chi от региона Роки Маунтан и председателем Международного консультативного комитета Psi Chi. E-mail: lcramblet@adams.edu

Доменек Родригес Мелани М., Ph.D., профессор психологии в Государственном университете Юты (Логан, США). Ее исследовательская, преподавательская, консультативная и клиническая деятельность направлено на широкое распространение принципов разнообразия и инклюзии в разных сферах, а исследования посвящены проблемам культурной компетентности, культурной адаптации и тренингам родителей в семьях латиноамериканского происхождения. Была советником отделения Psi Chi в Государственном университете штата Юты (2002—2015 гг.), вице-президентом Psi Chi от региона Роки Маунтан (2005—2009 гг.), редактором «Журнала психологических исследований Psi Chi» (2012—2016 гг.). В настоящее время является президентом совета директоров Psi Chi (2018—2019 гг.). E-mail: Melanie.Domenech@usu.edu

Злокович Марта С., Ph.D., Исполнительный директор Psi Chi, Международного психологического общества почета (центральный офис, Чаттануга, США). До своей нынешней должности была профессором и главой кафедры психологии в Государственном университете Юго-Восточного Миссури. Специализируется в области психологии развития, ее исследования посвящены сексуальной и контрацептивной деятельности подростков и молодежи, научным основам преподавания и обучения, а также изучению учебных привычек студентов. Была советником отделения Psi Chi в Государственном университете Юго-Восточного Миссури (1993—2008 гг.), избрана в состав совета директоров Psi Chi в качестве вице-президента по Среднему Западу (1999—2000 гг.), являлась избранным президентом и президентом Psi Chi (2003—2004 гг.), в настоящее время имеет статус бывшего президента Psi Chi. E-mail: Martha.Zlokovich@psichi.org

Scientific report

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-275-278

UDC 159.99

**Transforming Psi Chi and Psychology
Through Internationalization****Melanie M. Domenech Rodríguez**Utah State University
2810 Old Main Hill, Logan UT, 84322-2810, United States of America

The benefits of diversity in education and business have been touted for decades pointing to improved problem-solving, creativity, and educational and business outcomes (Curşeu & Pluut, 2013; Montalvo & Reynal-Querol, 2014). Some research also points to perils of diversity such as increased conflict (Ross, 2014). But what exactly is diversity? Diversity is construed as the presence of people from diverse sociocultural backgrounds, including but not limited to race/ethnicity, gender identity, sexual orientation, socioeconomic status, religion, and ability/disability. These characteristics of diversity are internationally applicable, but how social inequities and disparities based on these characteristics are expressed is quite rooted in specific social (e.g., national) contexts.

Social categorizations, and the very conceptualization of health and illness, are socially constructed (Burton, 2015; Waters, 2010). Because psychology deals with the broad spectrum of human behavior, including mental health and illness, it is critical that we are able to understand the wide variety of human experiences and that our psychological scholarship is both accurate and benefits people equally. This is not just a general values statement, it is an ethical imperative for researchers internationally (World Medical Association, 2013). In addition to the importance of understanding human behavior in its cultural context, and acknowledging the methods and instruments of psychology as cultural artifacts (Domenech Rodríguez et al., 2018). To date, much research is WEIRD (Heinrich, Heine, & Norenzayan, 2010), providing both a challenge but also an excellent opportunity for the field of psychology.

Psi Chi, as the International Honor Society in Psychology, has seized this opportunity to address a pressing need in psychology. Psi Chi is uniquely positioned to help fill the enormous gaps in knowledge regarding the variety of human experiences. As a society that encourages membership from the early college years, we are in an excellent position to partner with educators on college campuses to help shape the minds and hearts of

© Domenech Rodríguez M.M., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

psychologists- and psychology-supporters-in-training. The society's publications, programs, scholarships, awards, grants, and other resources are vast and available to all of our members (visit www.psichi.org). Providing a global perspective from the outset of their higher education careers can transform the field by setting the expectations for an international perspective.

It is critical in the process of internationalization not to recreate the very social dynamics that have created inequities. Representation alone (i.e., diversity) is not sufficient to create a truly international organization. Power-uneven approaches to international collaborations can result in intellectual colonization, cultural imperialism, or cultural appropriation (e.g., in research, see Domenech Rodríguez et al., 2018). Practicing principles of inclusion wards off against engaging internationalization in the fashion of explorers/colonizers of the past. Inclusion is the focus on equitable participation and leveraging differences to achieve good outcomes (Roberson, 2006).

The strength of Psi Chi's approach over the past decade has been to establish true partnerships with scholars around the globe through personal contact, proactive investment, and perhaps most importantly, our own growth as an organization. International chapters have been established primarily through substantive and meaningful personal contact whereas with students or faculty. Those personal relationships allow for an ongoing communication that results in the identification of specific organizational structures or processes that are insular or outdated. Specific issues, such as the differences in psychological training across the globe, result in requirements that may not be relevant or may be impractical in settings outside the United States (e.g., that faculty advisors hold a Ph.D.). As these issues come up, the organization takes steps to identify the structural barriers to meaningful participation of an international community. The Board discusses the original intent of requirements and regulations in the context of the mission of Psi Chi and thoughtfully and deliberately discuss alternatives. Sometimes changes are as simple as internal policy shifts, whereas others have required constitutional amendments. Constitutional amendments are our highest level of difficulty in organizational change as these require Board approval and also a membership-wide vote.

In the end, I believe one of the most powerful consequences in Psi Chi's internationalization is what we model for psychologists and professionals in the field: that growth is possible and required in order to transform ourselves and our organizations in the service of "recognizing and promoting excellence in the science and application of psychology" (www.psichi.org). Becoming an international organization has meant developing and evolving our understanding of psychology, excellence, scholarship, and honor. In engaging learning and embracing change and growth, we have ensured our continued relevance to the field and to society.

References

- Burton, N. (2015). *The meaning of madness* (2nd ed.). Oxford, United Kingdom: Acheron Press.
- Curşeu, P. & Pluut, H. (2013). Student groups as learning entities: The effect of group diversity and teamwork quality on groups' cognitive complexity. *Studies in Higher Education*, 38, 87—103. <https://doi.org/10.1080/03075079.2011.565122>

- Domenech Rodríguez, M.M., Baumann, A.A., Vázquez, A.L., Amador-Buenabad, N.G., Franceschi Rivera, N., Ortiz-Pons, N., & Parra-Cardona, J.R. (2018). Scaling out evidence-based interventions outside the U.S. mainland: Social justice or Trojan horse? *Journal of Latina/o Psychology*, 6, 329–344. <https://doi.org/10.1037/lat0000121>
- Henrich, J., Heine, S.J., & Norenzayan, A. (2010). The weirdest people in the world? *Behavioral and Brain Sciences*, 33(2–3), 61–83. <https://doi.org/10.1017/S0140525X0999152X>
- Montalvo, J.G., & Reynal-Querol, M. (2014). Cultural diversity, conflict, and economic development. In *Handbook of the Economics of Art and Culture* (vol. 2, pp. 485–506). <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-53776-8.00018-0>
- Roberson, Q.M. (2006). Disentangling the meanings of diversity and inclusion in organizations. *Group & Organization Management*, 31, 212–236. <https://doi.org/10.1177/1059601104273064>
- Ross, S.N. (2014). Diversity and intergroup contact in higher education: Exploring possibilities for democratization through social justice education. *Teaching in Higher Education*, 19, 870–881. <https://doi.org/10.1080/13562517.2014.934354>
- Watters, E. (2010). *Crazy like us: The globalization of the American psyche*. New York, NY: Free Press.
- World Medical Association. (2013). *WMA declaration of Helsinki — Ethical principles for medical research involving human subjects*. Retrieved from <http://www.wma.net/en/30publications/10policies/b3/>

Article history:

Received: 6 May 2019

Revised: 8 May 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Domenech Rodríguez, M.M. (2019). Transforming Psi Chi and Psychology Through Internationalization. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 275–278. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-275-278>

Bio Note:

Melanie M. Domenech Rodríguez, Ph.D., is a Professor of Psychology at Utah State University (Logan, USA). Her research, teaching, consultation, and clinical activities are focused on advancing diversity and inclusion broadly. Her research focuses on cultural competence, cultural adaptations of evidence-based interventions, and parenting training in Latinx families. Dr. Domenech Rodríguez served as Faculty Advisor for the Utah State University Chapter of Psi Chi (2002–2015), Rocky Mountain Regional Vice-President (2005–2009), Editor of Psi Chi Journal of Psychological Research (2012–2016), and President of the Board of Directors (2018–2019). E-mail: Melanie.Domenech@usu.edu

Преобразования Psi Chi и психологии посредством интернационализации

М.М. Доменек Родригес

Государственный университет Юты
Соединенные Штаты Америки, 84322-2810, штат Юта, Логан, Old Main Hill, 2810

Автор полагает, что одним из самых главных достижений интернационализации Psi Chi является создание модели для психологов и профессионалов в этой области, символизирующей следующее: международный рост возможен и необходим, чтобы преобразовать себя и свои организации, служить «признанию и продвижению достижений научной и прикладной психологии» (www.psichi.org). Превращение в международную организацию означает развитие и совершенствование понимания психологии, научных свершений и почета.

История статьи:

Поступила в редакцию: 6 мая 2019

Принята к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Domenech Rodríguez M.M. Transforming Psi Chi and Psychology Through Internationalization (Преобразования Psi Chi и психологии посредством интернационализации) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 275—278. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-275-278>

Сведения об авторе:

Доменек Родригес Мелани М., Ph.D., профессор психологии в Государственном университете Юты (Логан, США). Ее исследовательская, преподавательская, консультативная и клиническая деятельность направлены на широкое распространение принципов разнообразия и инклюзии в разных сферах, а исследования посвящены проблемам культурной компетентности, культурной адаптации и тренингам родителей в семьях латиноамериканского происхождения. Была советником отделения Psi Chi в Государственном университете штата Юты (2002—2015 гг.), вице-президентом Psi Chi от региона Роки Маунтан (2005—2009 гг.), редактором «Журнала психологических исследований Psi Chi» (2012—2016 гг.). В настоящее время является президентом совета директоров Psi Chi (2018—2019 гг.). E-mail: Melanie.Domenech@usu.edu

Scientific report

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-279-282

UDC 159.99

The How and Why of Creating the First Psi Chi Video

Nancy J. Karlin

University of Northern Colorado

McKee 16d, Campus Box 94, Greeley, CO 80639, United States of America

Abstract. In 1998, Psi Chi produced its first video, under the guidance of Vice President Nancy Karlin. This nine-minute video offers detailed information featuring leading psychologists like Albert Bandura, Michael Wertheimer. Here, Dr. Karlin describes the back-story on how she crafted this still-unique video, which has been translated into Russian and is often used for chapter induction ceremonies the past 20 years.

In English: <https://www.youtube.com/watch?v=a8Y8m2qxhS4>

In Russian: <https://www.youtube.com/watch?v=1t63fKZ1OPY>

Key words: Psi Chi; history of Psi Chi; first Psi Chi video

While serving as a Vice President on the Psi Chi Council from 1995—1999, I saw a need using video technology to reach the high caliber students served by this organization. Psi Chi has continually been recognized for the high-quality services provided to advisors and students within an ever-expanding list of institutions of higher learning. However, as experienced by others who focus efforts on providing services the programs created can go unrecognized by the very individuals the organization seeks to support. Like so many, especially student-centered organizations, timely changes toward a technical form of information dissemination had become necessary, which led to the idea of the promotional video. With a general notion of format, I brought my idea to the Council. This group of volunteers heard my argument and provided with an outline of the project. The Council agreed to my request of \$10000 to produce 1000 VHS copies of the end product.

As writer and producer, I began to sketch out key ideas I felt were necessary to convey to both current and potential members. Historical reference was important. Highlighting the accomplishments of the past along-side current efforts of Psi Chi without question had to lay the foundation for the project. Beyond historical elements, other key aspects within the video were broad promotion of the organization, goals of the organization (i.e., academic recognition, professional growth), along with emphasis on the potential

© Karlin N.J., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

for increased educational experience through international, national, and regional conventions. I also felt it was important to convey aspects of membership; as well as, what active membership could mean. The video allowed for the dissemination of the fact that once a Psi Chi member, always a member. Various presenters discussed the requirements of membership and that Psi Chi has more chapters than any other organization in the world. Fortunately, highly respected individuals like Kay Wilson (Psi Chi Executive Officer), Rebecca Bell (Undergraduate student at the time), along with renowned researchers and academic scholars Michael Wertheimer, Christina Maslach, Stephen Davis, Albert Bandura, Slater Newman, and Harold Takooshian discussed the various aspects of membership. Psi Chi had gained distinction as an organization that promoted responsible members through national, regional, and chapter service projects. A fact that could not be overstepped because few student-centered organizations continue to see as many hours given to these types of projects as Psi Chi.

Looking at the impressive list of video participants there are those who might wonder how such a stellar group could be assembled. Like all Psi Chi regional vice-presidents, I was responsible for obtaining the invited speakers that year for Psi Chi's portion of the Rocky Mountain Psychological Association's (RMPA) annual convention. That particular year there was a joint Western Psychological Association/RMPA meeting, which was the last meeting of its kind. Efforts were made to obtain individuals recognized for their teaching, research, and/or service to psychology, who could play a role in the video as well as serve as an invited speaker. Individuals who took part in the video were extremely gracious and more than willing to be part of the project. Each of these highly touted persons took part with zero compensation. Most of these same individuals had gone through Psi Chi membership as a student and in most cases had served as President of the Organization, Regional Vice-President, Chapter Advisor, or as a Psi Chi invited conference speaker. Throughout the development and finalization of the project, I had the great fortune to have a number of discussions with the video participants. These are conversations I will cherish forever because many went beyond the project and included researcher specific professional discussions not found in textbooks.

These discussions stemmed from review of the script sent to those who would be in front of the camera. The script was based on guidelines of the organization and participant experiences with Psi Chi. My intent was to verify participants felt comfortable with what they would say in support of this outstanding organization. Some wording adjustments were requested along with suggestions for ways to improve transitions; however, no substantial changes were requested. Each suggestion came with the intent to improve the project as well as increase the overall impact on viewership.

An individual knowledgeable about video production employed by my academic institution agreed to help me film and edit the production. Using someone from my institution to facilitate production meant costs for the project would remain manageable on something the organization had never attempted. A written agreement was signed between the two of us where he was to receive full travel compensation and a per diem. The compensation included an assistant at the filming site so as to facilitate efficiency on the days of filming and as a support mechanism on his portion of the project. Several meetings occurred prior to the filming. These meetings included a thorough review of the script, project layout and appearance, information on the list of participating

individuals, details about filming location and times, requirements for both my part and his part to complete the final project, information on arrival and departure to the filming location, and the final date all copies of the project would be provided to the National Office. During one of the meetings, we decided that it would be easier to provide a high-quality copy of the project to Psi Chi, which would allow the National Office staff to have the copies made rather than incurring the expense of shipping 1000 copies from Colorado to Tennessee.

I made arrangements for the two-person video crew to attend the conference and the room where filming took place. Filming occurred over a two-day period with approximately ten hours of actual onsite production time. Voice overs and editing occurred at my academic institution and encompassed a great deal of effort to reach completion of the project. Ultimately, each chapter of Psi Chi received a copy of the video for use in recruiting and/or chapter inductions.

Since 1998, Psi Chi has changed but in many important ways has remained the same. Changes to the organization have occurred like Psi Chi having moved from being a national organization to an international organization. This change in structure and philosophy took place at a time when psychological research was also seeking an international format. As a result, Psi Chi changed its name to demonstrate this structure change (The International Honor Society in Psychology). Other supporting organizations have also changed their name (Association of Psychological Sciences) in an effort to give emphasis to a broader base. Another change involves the substantial increase in the number of awards and grants offered to its membership. To date, over \$400000 per year is offered to students, local chapters, and faculty members.

Even with these changes, the video remains relevant in expressing the organization's impressive goals along with key aspects of Psi Chi that have not changed. What has not changed is that Psi Chi seeks to support members who are honest, well-rounded, academic achievers, and community volunteers. Psi Chi's executive officers have and will continue to provide outstanding support and distinguished service to a membership that extends throughout the globe while also promoting excellence in the science and application of psychology. These central organizational aspects were emphasized in the 1998 video and are still true today.

Article history:

Received: 21 February 2019

Accepted: 15 April 2019

For citation:

Karlin, N.J. (2019). The How and Why of Creating the First Psi Chi Video. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 279–282. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-279-282>

Bio Note

Nancy J. Karlin, Ph.D., FGSA, is Professor at School of Psychological Sciences, University of Northern Colorado (Greeley, USA); Fellow, Gerontological Society of America; and Convention Coordinator, RMPA. She served as Vice President on the Psi Chi Council from 1995–1999. E-mail: nancy.karlin@unco.edu

Как и почему создавалось первое видео о Psi Chi

Н.Дж. Кэрлин

Университет Северного Колорадо
Соединенные Штаты Америки, 80639, штат Колорадо, Грили, McKee 16d, Campus Box 94

В 1998 г. под руководством вице-президента Нэнси Кэрлин было выпущено первое видео о Psi Chi. Впервые в 9-минутном видео была представлена подробная информация о психологическом обществе и ведущих психологах, таких как Альберт Бандура и Майкл Вертгеймер. В нашем кратком репортаже представлены предыстория и история создания этого по-прежнему уникального видео, которое часто используется во время церемоний открытия отделений Psi Chi в течение последних 20 лет, и в том числе было переведено на русский язык.

Видео доступно по ссылкам: <https://www.youtube.com/watch?v=a8Y8m2qxhS4> (на английском языке) и <https://www.youtube.com/watch?v=1t63fKZ1OPY> (на русском языке).

Ключевые слова: Psi Chi; Международное психологическое общество почета; история Psi Chi; первое видео о Psi Chi

История статьи:

Поступила в редакцию: 21 февраля 2019

Принята к печати: 15 апреля 2019

Для цитирования:

Karlin N.J. The How and Why of Creating the First Psi Chi Video (Как и почему создавалось первое видео о Psi Chi) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 279—282. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-279-282>

Сведения об авторе:

Кэрлин Нэнси Дж., Ph.D., FGSA, профессор психологии Университета Северного Колорадо (Грили, США); научный сотрудник, Геронтологическое общество Америки; координатор конвенций, RMPA. Вице-президент совета директоров Psi Chi с 1995 по 1999 г. E-mail: nancy.karlin@unco.edu

Scientific report

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-283-286

UDC 159.99

Psi Chi Online Video Resources

**Florence L. Denmark¹, Maria del Pilar Grazioso², Mercedes A. McCormick¹,
Viany A. Orozco³, Matthew A. Schottenfeld³, Alexey A. Sozinov⁴,
Harold Takooshian³, Amanda Vardi⁴, Jason R. Young^{5*}**

¹ Pace University

1 Pace Plz., New York, NY 10038, United States of America

² University of the Valley of Guatemala

18 Ave., 11–95 Zona 15, Vista Hermosa III, Guatemala, 01015, Guatemala

³ Fordham University

113 W. 60th St., New York, NY 10023, United States of America

⁴ Institute of Psychology, Russian Academy Sciences

13 Yaroslavskaia St., Moscow, 129366, Russian Federation

⁵ Fiduciary Trust Company International

280 Park Avenue, New York, NY 10017, United States of America

⁶ Hunter College, City University of New York

695 Park Avenue, New York, NY 10065, United States of America

In the 90-year history of Psi Chi, its Board of Directors approved only one professional video to tell the story of the Society — “*Psi Chi: Encouraging Excellence in Psychology*”. This was a timely nine-minute video conceived, proposed, and produced by Vice President Nancy J. Karlin in 1998. Psi Chi mailed a copy of this VHS to all 1000 U.S. chapters, to use in their induction ceremonies, and in the promotion of Psi Chi and their chapter. This video is now on the Internet (1). Even 20 years later, this link continues to be useful for chapter installations, inductions and promotions.

When Psi Chi chapters voted to go global in 2009, several experienced Psi Chi officers saw the importance of creating new video resources to more effectively and easily promote Psi Chi internationally, and they kindly stepped forward to contribute their time and expertise to create several diverse public service announcements (PSAs) for the Internet.

One series of six two-minute PSAs was produced by videographer Matthew Schottenfeld in New York City, in the Fordham University Television Studio: A message to encourage

* The collaborators above are listed alphabetically.

© Denmark F.L., del Pilar Grazioso M., McCormick M.A., Orozco V.A., Schottenfeld M.A., Sozinov A.A., Takooshian H., Vardi A., Young J.R., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

chapter officers is offered by Jason Young and Mercedes McCormick (2), by Florence Denmark and Harold Takooshian (3), by Harold Takooshian alone (4), and in Spanish by Viany Orozco (5). International chapters are promoted by Mercedes McCormick and Harold Takooshian (6), and by Takooshian alone (7).

Karlin's nine-minute video was kindly and deftly translated into Russian by Alexey Sozinov of the Russian Academy of Sciences (8). At RUDN University, RUDN Television worked with Professors Elena Chebotareva and Irina Novikova to film the historic installation of the first chapter in Russia in October of 2013 (9), to inspire other Russian schools with no chapter.

In Guatemala, Professor Maria del Pilar Grazioso's talented team of students produced a five-minute introduction to Psi Chi in Spanish, to inspire other schools across Latin America (10).

With cooperation from CNN, and funding from a Psi Chi Thelma Hunt Award to Amanda Vardi, a two-minute video advised Psi Chi and other students on the prudent use of credit cards to avoid student debt (11).

With luck, chapters in other nations can also produce online resources in their own languages to promote Psi Chi activities in their region.

List of videos

(1) Karlin: http://youtu.be/gIKMZdNgumE	[9 min.]
(2) Young & McCormick: http://youtu.be/-sSYpEB6Y0Q	[2 min.]
(3) Denmark & Takooshian: http://youtu.be/peul2_xTaGs	[2 min.]
(4) Takooshian: http://youtu.be/n1NAV93Os8g	[2 min.]
(5) Orozco: www.youtube.com/watch?v=wHu-lSRuHRQ	[2 min., Spanish]
(6) McCormick & Takooshian: http://youtu.be/0dvaTemoQQ8	[2 min.]
(7) Takooshian: http://youtu.be/7KwXgyh0Ryg	[2 min.]
(8) Sozinov: http://youtu.be/1t63fKZ1OPY	[9 min., Russian]
(9) RUDN-TV: www.youtube.com/watch?v=ggtdPVAPjJY	[2 min., Russian]
(10) Grazioso: https://www.youtube.com/watch?v=BwRA-znCH64	[5 min., Spanish]
(11) Credit: www.youtube.com/watch?v=O346iDn2hgo	[2 min.]

Article history:

Received: 20 April 2019

Revised: 15 May 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Denmark, F.L., del Pilar Grazioso, M., McCormick, M.A., Orozco, V.A., Schottenfeld, M.A., Sozinov, A.A., Takooshian, H., Vardi, A., Young, J.R. (2019). Psi Chi Online Video Resources. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 283—286. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-283-286>

Bio Notes:

Florence L. Denmark, Ph.D., Robert Scott Pace Professor of Psychology, is Professor at Pace University (New York, USA). E-mail: fdenmark@pace.edu

María del Pilar Grazioso, Ph.D. in Psychology, is Professor of Psychology and Faculty Advisor of the IV Psi Chi Chapter at the University of the Valley of Guatemala since 2012 (Guatemala, Guatemala). E-mail: mpgderod@uvg.edu.gt

Mercedes A. McCormick, Ph.D., is Professor at Pace University (New York, USA). E-mail: mmccormick2@pace.edu

Viany A. Orozco, MA, is a doctoral student and Past-President of the Fordham-LC Chapter of Psi Chi, Fordham University (New York, USA). E-mail: orozcoviany@hotmail.com

Matthew A. Schottenfeld, is Television Production Manager, EIC-TV Television Studio, Fordham University (New York, USA). E-mail: schottenfeld@fordham.edu

Alexey A. Sozinov, Ph.D. in Psychology, is Researcher at Institute of Psychology, RAS (Moscow, Russia). E-mail: alesozinov@yandex.ru

Harold Takooshian, Ph.D., is Professor of Psychology, Urban Studies, and Organizational Leadership at Fordham University (New York, USA). He is Past-President of the APA Division of International Psychology (2003), and Past Officer and President of Psi Chi from 1993–2000. He was elected a Distinguished Member of Psi Beta and Psi Chi. E-mail: takoosh@aol.com

Amanda Vardi, is a Psi Chi Thelma Hunt Awardee, and now a Vice President of Fiduciary Trust Company International (New York, USA). E-mail: avardi88@aol.com

Jason R. Young, Ph.D., is Professor at Department of Psychology, Hunter College, City University of New York (New York, USA). E-mail: Jason.young@hunter.cuny.edu

Научный репортаж

Видеоресурсы о Psi Chi в онлайн-доступе

**Ф.Л. Денмарк¹, М. дель Пилар Грациозо², М.А. МакКормик¹, В.А. Ороссо³,
М.А. Шоттенфайлд³, А.А. Созинов⁴, Г. Такушьян³, А. Варди⁴, Дж.Р. Янг^{5*}**

¹ Пэйс Университет

Соединенные Штаты Америки, 10038, Нью-Йорк, 1 Pace Plz.

² Университет Валье де Гватемала

Гватемала, 01015, Гватемала, зона 15, Виста Эрмоса III, 18 Ave., 11–95

³ Университет Фордхэм

Соединенные Штаты Америки, 10023, Нью-Йорк, 113 W. 60th St.

⁴ Институт психологии РАН

Российская Федерация, 129366, Москва, Ярославская ул., 13

⁵ Fiduciary Trust Company International

Соединенные Штаты Америки, 10017, Нью-Йорк, Park Avenue, 280

⁶ Хантер Колледж, Городской Университет Нью-Йорка

Соединенные Штаты Америки, 10065, Нью-Йорк, Park Avenue, 695

* Соавторы перечислены в порядке английского алфавита.

История статьи:

Поступила в редакцию: 20 апреля 2019

Принята к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Denmark F.L., del Pilar Grazioso M., McCormick M.A., Orozco V.A., Schottenfeld M.A., Sozinov A.A., Takooshian H., Vardi A., Young J.R. Psi Chi Online Video Resources (Видеоресурсы о Psi Chi в онлайн-доступе) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 283—286. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-283-286>

Сведения об авторах:

Денмарк Флоренсе Л., Ph.D., профессор психологии Университета Пэйс (США, Нью-Йорк). E-mail: fdenmark@pace.edu

Дель Пилар Грациозо Мария, Ph.D. в области психологии, профессор психологии Университета Валье де Гватемала (Гватемала, Гватемала). E-mail: mpgderod@uvg.edu.gt

МакКормик Мерседес А., Ph.D., профессор Университета Пэйс (США, Нью-Йорк). E-mail: mmccormick2@pace.edu

Ороссо Виани А., магистр психологии, аспирант, бывший президент отделения Psi Chi Университета Фордхэм в Линкольн-центре (США, Нью-Йорк). E-mail: orozcovianu@hotmail.com

Шоттенфайлд Мэттью А., менеджер телевизионного производства, Телестудия EIC-TV, Университет Фордхэм (США, Нью-Йорк). E-mail: schottenfeld@fordham.edu

Созинов Алексей Александрович, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психофизиологии имени В.Б. Швыркова, Институт психологии РАН (Россия, Москва). E-mail: alesozinov@yandex.ru

Такушьян Гарольд, Ph.D., профессор психологии, урбанистики и организационного лидерства в Университете Фордхэм (США, Нью-Йорк). Был президентом отделения международной психологии Американской психологической ассоциации (2003 г.), а также офицером и президентом Psi Chi (1993—2000 гг.). Избран заслуженным членом Psi Beta и Psi Chi. Как и тысячи других, он глубоко благодарен Psi Chi за сильное влияние на его жизнь. (США, Нью-Йорк). E-mail: takoosh@aol.com

Варди Аманда, бакалавр психологии, лауреат премии Тельмы Хант (Psi Chi), вице-президент Fiduciary Trust Company International (США, Нью-Йорк). E-mail: avardi88@aol.com

Янг Джейсон Р., Ph.D., профессор психологии департамента психологии, Хантер Колледж, Городской университет Нью-Йорка (США, Нью-Йорк). E-mail: Jason.young@hunter.cuny.edu

Биографическая статья

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-287-292

УДК 159.99

**Мой научный руководитель — ГМ:
к 95-летию со дня рождения Г.М. Андреевой****И.Б. Бовина**

Московский государственный психолого-педагогический университет
Российская Федерация, 127051, Москва, ул. Сretenка, 29

Статья посвящена 95-му дню рождения выдающегося ученого, замечательного, яркого человека, Галины Михайловны Андреевой (1924—2014). Воспоминания о научном руководителе возвращают автора в 90-е гг. прошлого века, когда студентам посчастливилось слушать курсы лекций Г.М. Андреевой по социальной психологии, истории зарубежной социальной психологии (именуемой «курсом на троих», поскольку читался совместно с Н.Н. Богомоловой и Л.А. Петровской) и психологии социального познания.

Перед читателями возникает образ основателя кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Человека, судьба которого едва ли могла сложиться иначе: добровольный уход на фронт в 17 лет, обучение на философском факультете, пребывание у истоков второго рождения социологии в России, создание кафедры социальной психологии и школы отечественной социальной психологии, подготовка многих поколений социальных психологов...

Ключевые слова: Г.М. Андреева; социальная психология; история социальной психологии

13 июня 2019 г. Галине Михайловне Андреевой (ГМ — так называли Галину Михайловну на кафедре социальной психологии МГУ) исполнилось бы 95 лет (рис. 1).

Боль утраты немного притихла за прошедшие пять лет (Г.М. Андреева ушла из жизни 31 мая 2014 г.), хотя пустота не заполнилась. По словам Л. Лунгиной, эта пустота никогда не заполняется (Дорман, 2010).

Эти воспоминания о ГМ — некоторые штрихи к портрету необыкновенного человека, у которого мне повезло учиться, с которым посчастливилось проработать пятнадцать лет (рис. 2).

Л.Я. Гозман говорил о том, что написать связанный текст про ГМ сложно (2009). Я бы сказала, что очень сложно. Двадцать лет взаимодействия — это очень яркий период, воспоминания о котором я бережно храню.

© Бовина И.Б., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рис. 1. Галина Михайловна Андреева на защите кандидатской диссертации Е.Б. Березиной, 25 ноября 2011 г., факультет психологии МГУ (фото Б.Б. Березина)
[**Figure 1.** Galina M. Andreeva at the defense of the Ph.D. thesis by E.B. Berezina, November 25, 2011, Faculty of Psychology, Moscow State University (photo by B.B. Berezin)]

Рис. 2. И.Б. Бовина (слева) и Г.М. Андреева (75-летний юбилей Г.М. Андреевой, июнь 1999 г.)
[**Figure 2.** Inna V. Bovina (left) and Galina M. Andreeva (75th anniversary of G.M. Andreeva, June 1999)]

Думая о ГМ, вспомнился старинный эксперимент Э. Аронсона с коллегами (Aronson et al., 1966) по формированию впечатления, в котором проверялась гипотеза о том, повысится ли привлекательность высококомпетентного человека, если он совершит неуклюжую ошибку. Варьированию подвергались две переменные: 1) способности (высокие: правильные ответы на сложные вопросы викторины в 92 % случаев в сочетании с коротким интервью, в котором персонаж сообщал, что он был отличником в университете, членом легкоатлетической команды, а также редактором ежегодника, и средние: правильные ответы в 30 %

случаев в сочетании с информацией о себе — был хорошистом в университете, корректором в ежегоднике, а попасть в легкоатлетическую команду не получилось); 2) неуклюжая ошибка — опрокинутая чашка кофе (наличие или отсутствие ошибки). Испытуемые в четырех группах среди прочего, отвечали на вопрос о привлекательности персонажа. Чем выше были способности, тем выше была межличностная привлекательность ($M = 17,8$ против $M = 20,8$) при сравнении случаев, когда оцениваемые персонажи не совершали ошибок. Высокоспособный же персонаж в случае неуклюжей ошибки оценивался как более привлекательный, чем высокоспособный в ситуации отсутствия ошибки ($M = 30,2$ против $M = 20,8$). Пафос эксперимента заключается в том, что неуклюжая ошибка приближала к нам этого высокоспособного субъекта, иначе — он «слишком хорош», так не бывает. Можно только сожалеть о том, что испытуемые Аронсона не оценивали реальность существования такого успешного персонажа. Он немного пугает, ведь столько знать — невозможно.

Вспомнился мне этот эксперимент, потому что ГМ как раз и была тем человеком, который столько знал и умел, сделал и был готов сделать в жизни, что стало немного страшно... а бывает ли такое? Добровольно уйти на фронт в 17 лет, вернуться и закончить философский факультет, стоять у истоков второго рождения социологии в России, создать кафедру социальной психологии, написать серию учебников... (Памяти Галины Михайловны Андреевой..., 2015). Как бы не задевало за живое то, что И.С. Кон сказал в воспоминаниях о ГМ «Женщина на все времена», но это правда: «ГМ создала замечательную кафедру, воспитала прекрасных, высокопрофессиональных ученых, но ни один из них ей в подметки не годится» (Кон, 2009, с. 15).

Попасть к ГМ в качестве студентки мне удалось не сразу.

Первоначально моим научным руководителем был В.В. Агеев, но нашему взаимодействию, видимо, не суждено было сбыться по той причине, что Владимир Сергеевич — уже когда я училась на втором курсе — планировал отъезд в университет в Штаты, а курсовой третьего руководил дистанционно, оставив вместо себя аспирантку Надежду Захарову.

Итак, осенью 1993 г. нужно было определиться с новым научным руководителем. Никогда не забуду того напряжения, с которым я ожидала в коридоре ГМ после лекции. Историческое событие свершилось — у стенда расписания на третьем этаже психфака ГМ дала свое согласие на научное руководство. И началось замечательное время. Помню, как ГМ первый раз пригласила меня к себе домой, чтобы можно было серьезно обсудить программу исследования и план курсовой (на четвертом курсе была уже защита курсовых, не помню откуда пошло, но в кулуарах защита эта именовалась «избиением младенцев»; что-то это в те времена и значило). Объяснив, как добираться от «Киевской» до ее дома, ГМ в шутку сказала, мол, если заблудитесь, то в аспирантуру не возьму. Шутка шуткой, но образ желаемого будущего уже вырисовывался...

Сколько было этих встреч у ГМ, я никогда не считала, но в памяти осталось, что по мере обсуждения за окном, где шумят поезда, проносясь по старейшему в Москве метрополитену, становилось темно, в комнате зажигался свет, а наша дис-

куссия продолжалось. От актуальных вопросов исследования разговор переходил к обсуждению глобальных проблем социальной психологии, ГМ делилась воспоминаниями о выдающихся фигурах социальной психологии, с которыми была знакома лично. ГМ увлекла социальной психологией, влюбила в нее. Сколько всего интересного было в этих встречах, материализовывались самые различные события: советско-канадский конгресс по социальной психологии (1977 г.), конференции в рамках Европейской ассоциации по социальной психологии, поездка в лабораторию Г. Тэшфела, чтение лекций в Хельсинкском университете (Бовина, 2015).

Определившись с направлением, следуя семейным традициям, я выбрала социальную психологию, но понимание того, что это самое интересное пришло только благодаря ГМ.

Напрасны были мои опасения, что европейские коллеги знают больше, прочитали источники, которые нам просто негде было взять: не переведены на русский, а оригиналы отсутствуют в библиотеке (мое студенчество и аспирантство выпали на те времена, когда повседневного интернета еще не было, а доступ в электронную почту осуществлялся в кабинете С.Д. Смирнова два или три раза в неделю в определенное время). ГМ готовилась к лекциям по свежим иностранным изданиям, в своих лекциях транслировала нам социально-психологическое знание, преодолевая изоляцию, которой была подвергнута отечественная социальная психология. Таким образом, миноритарность отечественной социальной психологии не мешала нам быть зачастую достаточно осведомленными о западной социальной психологии (Conversations..., 2009).

Десять лет назад к 85-летию ГМ вышла книга под названием «Константа в неопределенном и меняющемся мире». ГМ действительно осталась константой в этом мире.

Список литературы

- Бовина И.Б. Памяти научного руководителя // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 1. С. 98—100.
- Гозман Л.Я. ГМ // Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г.М. Андреевой. 13.06.2009 / под ред. Ю.П. Зинченко, Т.Д. Марцинковской. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2009. С. 30—40.
- Дорман О.В. Подстрочник: жизнь Лиляны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М.: Corpus, 2010. 480 с.
- Кон И.С. Женщина на все времена // Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г.М. Андреевой. 13.06.2009 / под ред. Ю.П. Зинченко, Т.Д. Марцинковской. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2009. С. 15—18.
- Памяти Галины Михайловны Андреевой (1924—2014) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 1. С. 96—97.
- Aronson E., Willerman B., Floyd J. The effect of a pratfall on increasing interpersonal attractiveness // Psychological Science. 1966. Vol. 4. No. 6. Pp. 227—228.
- Conversation with Willem Doise by Xenia Chrysochoou // European Bulletin on Social Psychology. 2009. Vol. 21. No. 1. Pp. 7—27.

История статьи:

Поступила в редакцию: 25 апреля 2019

Принята к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Бовина И.Б. Мой научный руководитель — ГМ: к 95-летию со дня рождения Г.М. Андреевой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 287—292. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-287-292>

Сведения об авторе:

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия). Защитила под руководством Г.М. Андреевой диплом по специальности «Психология» (МГУ, 1995 г.), кандидатскую (МГУ, 1998 г.) и докторскую (МГУ, 2009 г.) диссертации по специальности «Социальная психология». E-mail: innabovina@yandex.ru

Biographical article

**My Scientific Supervisor — GM:
to the 95th Anniversary of G.M. Andreeva**

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology and Education
29 Sretenka St., Moscow, 127051, Russian Federation

The article is devoted to the 95th birthday of Galina M. Andreeva, an outstanding scientist, a wonderful, bright personality. Memories about the scientific supervisor brings back to the 90s of the last century, when students were lucky enough to listen to lectures of G.M. Andreeva on social psychology, history of western social psychology (shared with N.N. Bogomolova and L.A. Petrovskaya) and psychology of social cognition.

Readers can easily imagine the founder of the Social Psychology Department at the Faculty of Psychology of the Lomonosov Moscow State University. A person with an outstanding life, that could hardly have been imagined otherwise: a voluntary participation in the WW2, studies at the Faculty of Philosophy, the rebirth of sociology in Russia, the foundation of the Department of Social Psychology, and many generations of social psychologists...

Key words: Galina M. Andreeva; social psychology; history of social psychology

References

- Aronson, E., Willerman, B., & Floyd, J. (1966). The effect of a pratfall on increasing interpersonal attractiveness. *Psychological Science*, 4(6), 227—228.
- Bovina, I.B. (2015). In Memoriam of Scientific Supervisor. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 98—100. (In Russ.)

- Conversation with Willem Doise by Xenia Chrysochoou (2009). *European Bulletin on Social Psychology*, 21(1), 7—27.
- Dorman, O. (2010). *Podstrochnik: The Life of Lilianna Lungina, as she narrated in the Oleg Dorman film*. Moscow: Corpus Publ. (In Russ.)
- Gozman, L.Ya. (2009). GM. In Yu.P.Zinchenko, & T.D.Martsinkovskaya (Eds.), *Constant in an Uncertain and Changing World: A Small Psychological Serenade for the Anniversary of G.M. Andreeva. 13 June 2009* (pp. 30—40). Moscow: Lomonosov MSU Publ. (In Russ.)
- In Memory of Galina M. Andreeva (1924—2014). (2015). *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 96—97. (In Russ.)
- Kon, I.S. (2009). Woman for all time. In Yu.P.Zinchenko, & T.D.Martsinkovskaya (Eds.), *Constant in an Uncertain and Changing World: A Small Psychological Serenade for the Anniversary of G.M. Andreeva. 13 June 2009* (pp. 15—18). Moscow: Lomonosov MSU Publ.

Article history:

Received: 25 April 2019

Revised: 27 May 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Bovina, I.B. (2019). My Scientific Supervisor — GM: to the 95th Anniversary of G.M. Andreeva. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 287—292. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-287-292>

Bio Note:

Inna B. Bovina, D.Sc. in Social Psychology, is Professor at the Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (Moscow, Russia). E-mail: innabovina@yandex.ru

Научный репортаж

DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-2-293-298

УДК 159.99

**Международная научно-практическая конференция
«Личность в современном обществе:
образование, развитие, самореализация»,
посвященная 80-летию профессора
Александра Ивановича Крупнова**

О.Б. Михайлова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6

26 апреля 2019 г. исполнилось 80 лет Александру Ивановичу Крупнову, доктору психологических наук, профессору, заслуженному работнику высшей школы РФ, академику Российской академии наук и Международной академии наук педагогического образования, основателю и методологическому лидеру научной школы системно-функциональных исследований свойств личности и индивидуальности. Этой замечательной дате была посвящена работа международной научно-практической конференции «Личность в современном обществе: образование, развитие, самореализация», которую организовала и провела в Российском университете дружбы народов кафедра социальной и дифференциальной психологии 26–27 апреля 2019 г.

Следует отметить, что Александр Иванович Крупнов представитель школы дифференциальной психологии и психофизиологии Б.М. Теплова и В.Д. Небылицина (Психологический институт РАО) и является автором концепции системно-функциональной природы свойств личности. Данная концепция стала фундаментальной для целого ряда исследований и активно используется в научно-исследовательских лабораториях разных регионов России. Научная школа А.И. Крупнова по системно-функциональному анализу черт личности и их проявлений в различных видах деятельности выпустила целую плеяду современных ученых. Под его непосредственным руководством было подготовлено более 50 кандидатов и 7 докторов наук. Проекты академика А.И. Крупнова неоднократно поддерживались Российским гуманитарным научным фондом. Александр Иванович Крупнов является членом диссертационных советов Российского университета дружбы народов и Московского гуманитарного университета, членом ред-

© Михайлова О.Б., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

коллегий журналов «Педагогическое образование и наука», «Проблемы теории и методики обучения» и главным редактором журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика». Долгие годы А.И. Крупнов возглавлял кафедру социальной и дифференциальной психологии РУДН, кроме того являлся членом экспертной комиссии по психологии ВАК Российской Федерации.

Неслучайно в день юбилея 26 апреля 2019 г. на кафедре социальной и дифференциальной психологии филологического факультета Российского университета дружбы народов собрался значительный международный форум, посвященный очень радостной дате для многих учеников, коллег и последователей научной деятельности академика А.И. Крупнова. Закономерно, что целями данной международной конференции стали обсуждение и анализ актуальных проблем психологической науки и практики, и в том числе подведение итогов и определение перспектив исследований научной школы системно-функциональных исследований свойств личности и индивидуальности.

Задачи, которые сформулировали организаторы конференции, были направлены на чествование юбиляра и рассмотрение итогов и перспектив исследований в рамках научной школы А.И. Крупнова, а также активизацию исследовательского потенциала молодых ученых, организацию научных дискуссий по передовым проблемам практической психологии личности в контексте образования, развития, самореализации. В качестве соорганизаторов конференции выступили: Психологический институт Российской академии образования, Psi Chi, The International Honor Society in Psychology (США), Университет Белграда (Сербия), Институт педагогических исследований Республики Сербия, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Казахстан).

Работу пленарного заседания конференции открыл *Сергей Иванович Кудинов*, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и дифференциальной психологии РУДН, почетный работник высшего профессионального образования РФ, эксперт ВАК, член-корреспондент Российской академии естествознания, академик и член Президиума Международной академии наук педагогического образования. От имени учеников и коллег, собравшихся в конференц-зале, он тепло поздравил юбиляра и пожелал дальнейших творческих успехов научной школе, возглавляемой А.И. Крупновым (рис. 1).

С приветственным словом и словами поздравления выступили *Мухамед Каншобиевич Кабардов*, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией дифференциальной психологии и психофизиологии (Институт психологии РАО, Москва, Россия); *Алексей Константинович Осницкий*, доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории дифференциальной психологии и психофизиологии (Институт психологии РАО, Москва, Россия) и *Иссидора Корач*, доктор педагогических наук, профессор (Высшая школа педагогики и информатики — Сирмиум, Институт педагогических исследований Республики Сербия, Белград — Сремска Митровица, Сербия).

На пленарном заседании участники конференции прослушали ряд замечательных докладов, посвященных жизни и деятельности академика А.И. Крупнова. *Валерий Сергеевич Аганов*, доктор психологических наук, профессор кафедры

юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности (Московский университет МВД РФ имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия) выступил с докладом «Профессор А.И. Крупнов: личность и судьба в научном творчестве. К 80-летию со дня рождения». *Мухамед Каншобиевич Кабардов* и *Алексей Константинович Осницкий* представили интереснейшую ретроспективу становления исследовательской деятельности А.И. Крупнова в рамках школы дифференциальной психологии и психофизиологии Б.М. Теплова и В.Д. Небылицина в Психологическом институте РАО.

Рис. 1. Приветствие участников конференции доктором психологических наук, профессором, заведующим кафедрой социальной и дифференциальной психологии РУДН С.И. Кудиновым
[Figure 1. Greetings to the conference participants by Sergey I. Kudinov, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Social and Differential Psychology Department at RUDN University]

Далее последовала череда выступлений известных ученых — непосредственных учеников Александра Ивановича Крупнова. *Регина Вячеславовна Ершова*, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия) рассказала о перспективах использования концепции многомерно-функционального анализа в психологических исследованиях. *Сергей Иванович Кудинов*, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и дифференциальной психологии (Российский университет дружбы народов, Россия, Москва) обосновал актуальность изучения свойств личности и самореализации субъекта деятельности. *Елена Юрьевна Чеботарева*, кандидат психологических наук, доцент кафедры детской и семейной психотерапии факультета консультативной и клинической психологии (Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия) рассмотрела возможности применения целостно-

функционального подхода к исследованию семейных систем. *Ирина Александровна Новикова*, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии (Российский университет дружбы народов, Москва, Россия) выступила с итоговым докладом «35-летие научной школы А.И. Крупнова в РУДН: итоги и перспективы» (рис. 2).

Рис. 2. Доклад И.А. Новиковой, кандидата психологических наук, доцента кафедры социальной и дифференциальной психологии

[**Figure 2.** Presentation by Irina A. Novikova, Ph.D.,

Associate Professor at the Social and Differential Psychology Department, RUDN University]

В работе пленарного заседания конференции также приняли участие и выступили с докладами члены программного комитета конференции *Николетта Гутвайн*, доктор педагогических наук, директор Института педагогических исследований Республики Сербия (ИПИ, Белград, Сербия) и *Исидора Корач*, доктор педагогических наук, профессор Высшей школы педагогики и информатики — Сирмиум (Сремска Митровица, Сербия).

В конце пленарного заседания были зачитаны поздравления от коллег и учеников А.И. Крупнова из разных стран мира и городов России, а также вручены подарки юбиляру (рис. 3).

Секционные заседания конференции прошли 26 и 27 апреля и были посвящены следующим темам: 1) системные исследования свойств личности в различных сферах жизнедеятельности; 2) самореализация личности в современном обществе; 3) психолого-педагогические технологии обучения личности; 4) становление и развитие личности в онтогенезе.

Всего в работе конференции приняли участие более 100 человек, в том числе 25 зарубежных участников (Болгария, Сербия, Германия, Белоруссия, Казахстан,

Израиль, Вьетнам) и 30 ведущих и молодых ученых из многочисленных регионов России (Рязань, Псков, Пермь, Тула, Смоленск, Благовещенск, Ставрополь, Новосибирск и др.).

Рис. 3. Коллеги и ученики с А.И. Крупновым (в первом ряду в центре) после окончания пленарного заседания конференции
[**Figure 3.** Colleagues with A.I. Krupnov (in the first row in the center) after the end of the conference plenary session]

Конференция завершилась заседанием круглого стола, на котором состоялось вручение сертификатов участникам конференции, а также были подведены итоги и намечены дальнейшие перспективы развития научной школы А.И. Крупнова. Программный комитет конференции надеется, что организованный научный форум позволил не только обобщить результаты деятельности научной школы, возглавляемой Александром Ивановичем Крупновым, но и объединить в творческой обстановке международного научного содружества как ведущих современных ученых, так и начинающих молодых исследователей.

История статьи:

Поступила в редакцию: 3 мая 2019

Принята к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Михайлова О.Б. Международная научно-практическая конференция «Личность в современном обществе: образование, развитие, самореализация», посвященная 80-летию профессора Александра Ивановича Крупнова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 2. С. 293–298. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-293-298>

Сведения об авторе:

Михайлова Ольга Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия); член Ассоциации профессоров славянских стран (Болгария), член Ассоциации развития науки, инженерии и образования (Сербия). E-mail: mikhaylova-ob@rudn.ru

Scientific report

International Conference “Personality in Modern Society: Education, Development, Self-Realization”, dedicated to the 80th anniversary of Professor Alexander I. Krupnov

Olga B. Mikhailova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Article history:

Received: 3 May 2019

Revised: 25 May 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Mikhailova, O.B. (2019). International Conference “Personality in Modern Society: Education, Development, Self-Realization”, Dedicated to the 80th Anniversary of Professor Alexander I. Krupnov. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(2), 293—298. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-2-293-298>

Bio Note:

Olga B. Mikhailova, Ph.D. in Pedagogics, is Associate Professor at the Social and Differential Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia); Member of the Association of the Slavic Countries Professors (Bulgaria) and Association for the Development of Science, Engineering and Education (Serbia). E-mail: mikhaylova-ob@rudn.ru

**ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ
И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в научном журнале
«Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: Психология и педагогика»**

Прием и подготовка рукописей к печати

1. Автор представляет в редколлегию серии электронный вариант статьи и сведений об авторе, оформленные согласно приведенным ниже требованиям, по электронному адресу psyj@rudn.ru

2. После поступления статьи в редколлегию главный редактор или ответственный секретарь серии оценивают соответствие содержания статьи научному уровню и профилю журнала, а также проверяют на наличие заимствований в системе «Антиплагиат». Если статья не соответствует научному уровню и профилю журнала и/или процент оригинальности при автоматической проверке составляет менее 80 %, статья возвращается автору.

3. Статьи, успешно прошедшие предварительную проверку (см. п. 2), направляются на рецензирование специалистам, докторам или кандидатам наук, имеющим публикации по проблематике, близкой к теме статьи (не менее 2—3 публикаций за последние 3 года). Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются в зависимости от занятости рецензента, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи.

В рецензии освещаются следующие вопросы: 1) соответствие статьи профилю журнала; 2) соответствие содержания статьи названию; 3) актуальность, новизна, теоретическая и/или практическая значимость проблемы; 4) полнота и научная грамотность описания основных положений теоретического и/или эмпирического исследования; 5) структура, стиль, язык статьи, наглядность иллюстративного материала (при наличии); 6) недостатки статьи с указанием рекомендаций по их исправлению, дополнениям или сокращениям, которые должны быть внесены автором (при наличии); 7) заключение рецензента (статья рекомендуется к публикации, рекомендуется с учетом исправления указанных недостатков, не рекомендуется к публикации в данном журнале).

4. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный секретарь серии направляет их автору с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументировано (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

5. После принятия редколлегией серии решения о публикации статьи ответственный секретарь серии информирует автора о том, в содержание какого номера включена статья, и указывает планируемые сроки публикации.

Требования к оформлению рукописей

Компьютерный набор: файл MS Word с расширением *.doc или *.docx; шрифт Times New Roman; кегль 12; межстрочный интервал 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 3,5 см; абзацный отступ 1 см.

Структура текста на русском языке:

– в левом верхнем углу УДК (определить с помощью сайта: <http://teacode.com/online/udc/>);

– название (форматирование по центру);

– инициалы и фамилия автора/авторов (строчные буквы, полужирный шрифт);

– место работы автора (для каждого автора: полное название вуза, организации и др.);

– рабочий адрес автора (последовательность: страна, почтовый индекс, название населенного пункта, название улицы, номер дома, курсив);

– аннотация содержания статьи (150—250 слов);

– список ключевых слов (5—10);

– текст статьи (рекомендуемый объем 15 000—25 000 знаков с пробелами); текст должен быть структурирован и иметь подзаголовки (например, для эмпирической статьи: *Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение результатов, Заключение/Выводы*); названия рубрик должны соответствовать содержанию статьи;

– таблицы и рисунки должны быть подписаны (все подписи и надписи должны быть продублированы на английском языке) и включены непосредственно в текст статьи; рисунки должны быть четкими, контрастными и только черно-белыми;

– при необходимости примечания или комментарии к тексту относятся в конец рукописи в раздел «**Примечания**». При этом в самом тексте номер примечания указывается цифрой в круглых скобках, например (1), (2) и т.д.;

– раздел «**Список литературы**», в котором **по алфавиту** указываются выходные данные источников (обязательно указание **doi** для тех источников, которые его имеют, наличие проверяется на сайте: <http://search.crossref.org/>), на которые есть ссылки в тексте статьи (сначала на русском, затем — на иностранных языках). В самом тексте в круглых скобках указываются фамилия автора и год издания, подробнее см. http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA;

– сведения об авторе/авторах: **ФИО** (полностью), ученая степень, ученое звание, должность (+ полное название кафедры, вуза/организации), e-mail (будет опубликован).

После всех указанных материалов на русском языке помещаются:

– перевод на английский язык названия статьи;

– транслитерация фамилии, имени, отчества автора/авторов;

– официальный перевод наименования организации;

– транслитерация адреса организации;

– перевод на английский язык аннотации и ключевых слов;

– раздел “**References**”, в котором содержится список литературы в романском алфавите (транслитерация + перевод), оформленный по правилам Американской психологической ассоциации (APA): http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA. Порядок источников в этом списке может отличаться от библиографического списка, т.к. он составляется согласно английскому алфавиту. Обратите внимание, что оформление источников в этом списке (даже источников на иностранных языках) отличается от оформления в библиографическом списке (см. http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines_APA);

– перевод на английский язык сведений об авторах.

В случае публикации статьи на английском языке после списка литературы (References) помещаются название; фамилия, имя, отчество автора/авторов; наименование и адрес организации; краткая аннотация; ключевые слова и сведения об авторах на русском языке. Если в списке есть источники на русском языке, то в разделе “References” они помещаются в романском алфавите (транслитерация + перевод).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по адресу psyj@rudn.ru

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36432

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
**Серия «Психология
и педагогика»**

Количество
комплектов:

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36432

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Психология и педагогика»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

--

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

--

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

--

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)